

СОДЕРЖИТ

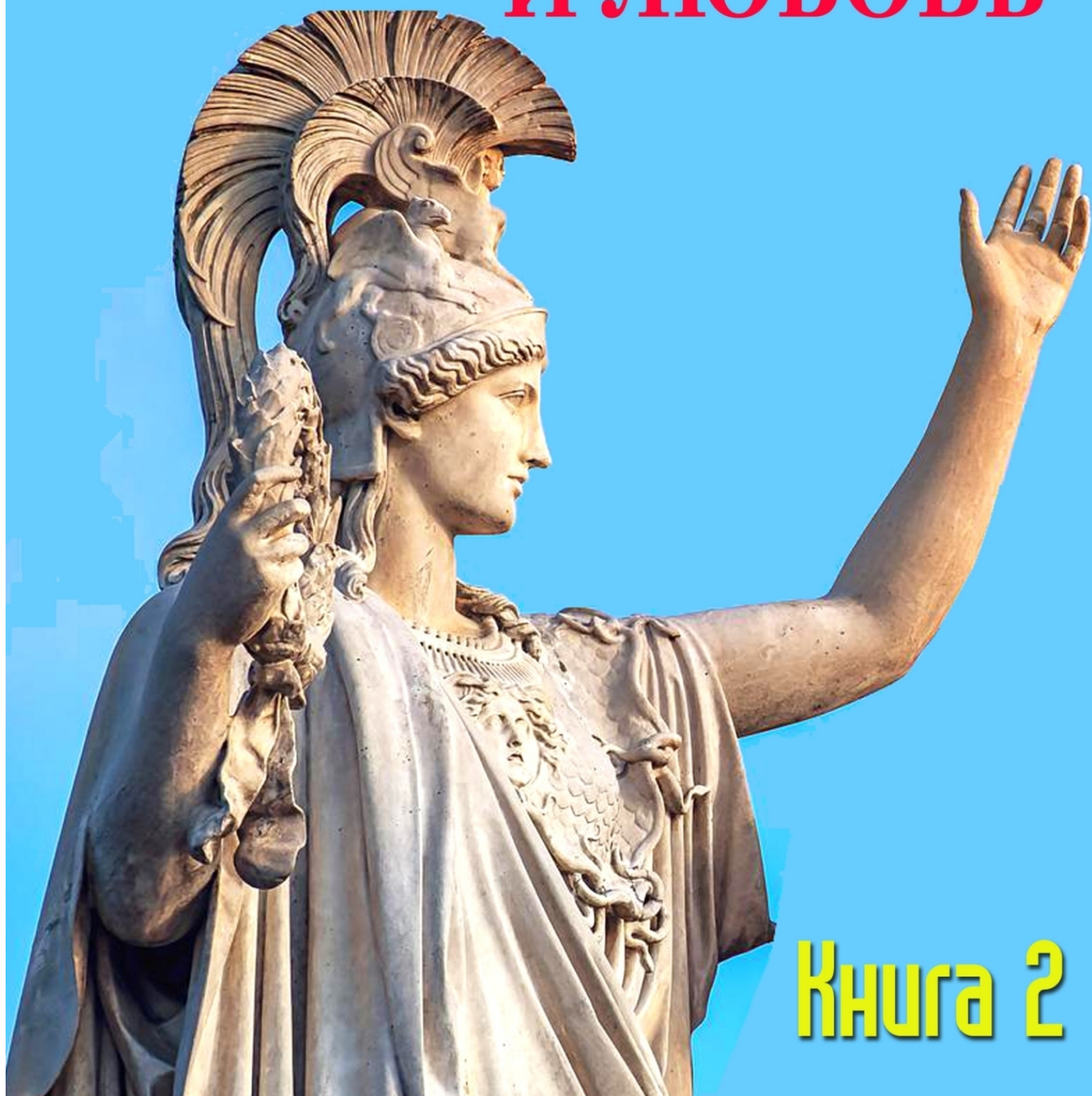
НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Фрэнк Харрис

18+

МОЯ ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ



Книга 2

Фрэнк Харрис

Моя жизнь и любовь. Книга 2

«Автор»

2022

Харрис Ф.

Моя жизнь и любовь. Книга 2 / Ф. Харрис — «Автор», 2022

Великолепно написанный и донельзя откровенный социальный роман о становлении молодого человека в литературных и политических кругах Лондона конца 19-нач 20 вв. Перед читателем проходит широчайший спектр журналистов, издателей, политиков, писателей, женщин и мужчин. Для автора не существует границ и условностей - именно поэтому все 4 тома его романа-мемуаров были запрещены и в Англии, и в Америке, и в России весь 20-й век, вплоть до самого последнего времени - читатель держит в руках его первый и единственный перевод. Содержит нецензурную брань.

© Харрис Ф., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава I. Скобелев	5
Глава II. Как я познакомился с Шекспиром. Немецкие студенческие обычаи	12
Глава III. Немецкая студенческая жизнь и удовольствия	18
Глава IV. Гете, Вильгельм I, Бисмарк, Вагнер	25
Глава V. Афины и английский язык	37
Глава VI. Любовь в Афинах. «Священный оркестр»	46
Глава VII. Праздники и ирландская добродетель!	56
Глава VIII. Как я познакомился с Фрудом, завоевал свое место в Лондоне и бросил писать стихи!	65
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Фрэнк Харрис

Моя жизнь и любовь. Книга 2

Глава I. Скобелев

Когда в начале лета 1877 года разразилась русско-турецкая война, я сразу понял, что пришло мое время: я должен был на собственном опыте узнать, что такое современная война. И узнать это, увидев Россию и Балканы, а, возможно, и Турцию. Я должен был немедленно отправиться на фронт.

Интуиция подсказала мне, что за разрешением следует обратиться к генералу Скобелеву, завоевателю Туркестана. Я без промедления написал ему по-английски и по-французски и просил принять меня в качестве военного корреспондента от американских журналов. К тому времени две редакции уже согласились публиковать мои корреспонденции с мест боевых действий и обещали платить по двадцать долларов за колонку. К сожалению, на то время я был полным невеждой в этом деле и счёл такой гонорар справедливым.

В июне я был в Москве, остановился в «Славянском базаре» и снова написал Скобелеву, умоляя о встрече. К моему удивлению, очень скоро я узнал, что главнокомандующим назначен вовсе не Скобелев. Поначалу генерал вообще не имел назначения, и только после перехода Дуная и взятия Плевны получил должность своего рода помощника генерала Драгомирова¹.

Ни зависть, ни ревность не могли долго сдерживать этот возвышенный дух. Где бы ни появлялся в лагере Скобелев, он был заметным человеком. Первое, что я услышал о нем, была непристойная шутка. В очередном бою под генералом была убита лошадь. Выбираясь из-под неё, Скобелев сказал:

– По-вашему это женское дело – быть верхом на мужчине?

Его презрение к условностям оказалось для меня настоящей удачей. Через несколько дней по прибытию в боевой лагерь я был представлен генералу и поблагодарил его на своем лучшем, тщательно подготовленном французском языке. Скобелев только пожал плечами, но веселый блеск в его глазах полностью удовлетворил мои амбиции.

Генерал оставался бы для меня просто незаурядным человеком, если бы я устоял и не впал в перманентный восторг. Много лет спустя я рассказывал об этом лорду Уолсли². В ответ он припомнил следующее.

– Все это напоминает мне Стэнли³ в кампании в Ашанти. Он тоже неожиданно появился и попросил разрешения неотступно сопровождать меня. Я велел ему пребывать с прочими корреспондентами и не мешать мне воевать. С тех пор я время от времени замечал этого настырного парня всегда довольно близко от меня. Однажды мы попали в засаду дикарей. По ходу боя я заметил белого человека ярдах в сорока впереди и чуть справа от меня. Он был окружен дикарями, но не обращал на них внимания, поскольку вполне успешно стрелял в наступавших по фронту. Его хладнокровие и великолепная меткость поразили меня. Помощь пришла своевременно, дикари бежали. Тогда я не удержался и подошел посмотреть, кто этот герой. Да, это был тот самый настырный журналистшка. Он молча поклонился, а я спросил: «Разве вы

¹ Михаил Иванович Драгомиров (1830—1905) – генерал от инфантерии, крупнейший военный теоретик Российской империи вт.п. XIX в. Во время русско-турецкой войны командовал 14-ой дивизией. Был тяжело ранен в боях за Шипку и отправлен в тыл.

² Гарнет Джозеф Вулзли (Уолсли), 1-й виконт Вулзли (Уолсли) (1833—1913) – британский военачальник, фельдмаршал. Славу полководца получил в Шестой англо-ашантийской войне 1873—1874 гг. Федерация Ашанти – современная Гана.

³ Генри Мортон Стэнли (наст. имя – Джон Роулэндс) (1841—1904) – британский журналист, путешественник, исследователь Африки, корреспондент во время шестой англо-ашантийской войны.

не видели, что черные окружили вас?» «По правде говоря, генерал, – ответил он, почесывая колено, – я был так занят джентльменами впереди, что не обратил внимания на прочих». С этого времени мы стали друзьями, – заключил Уолсли. – Я полагаю, что вы со Скобелевым тоже стали друзьями? Храбрость в условиях большой опасности быстро разрушает все барьеры.

Как бы то ни было, мы со Скобелевым вскоре подружились. Искренняя человечность и презрение к условностям были непреодолимо привлекательны для меня. Было в генерале что-то простодушное, молодцеватое, что позволило ему принять мое восторженное восхищение, мое преклонение перед героем, если хотите. С тех пор я замечал такую же искреннюю доверчивость в других великих людях.

Скобелев был выше среднего роста, широкий и сильный. Большая борода и усы; лоб был широк и высок; нос толстый, еврейского типа; глаза серые и острые. Ничего примечательного в лице. Пылкость его характера проявлялась в быстрых резких движениях. Он всегда был готов нанести удар.

Была середина августа, когда у генерала появился первый шанс проявить себя. За неделю до этого Скобелев заявил, что ключом к Плевне был некий форт.

– Если мы его возьмём, худо придется Осману⁴.

Каким образом он добился командования, я не знаю, но, вероятно, через самого императора Александра, о котором Скобелев всегда говорил с симпатией.

Войскам для штурма пришлось пересечь ручей, а затем подняться по крутому гласису⁵. Прешлой ночью шел сильный дождь, и длинный склон был скользким.

По мере того, как развивалось наступление, нарастал огонь турецкой артиллерии, но поначалу он был не эффективным. Однако когда русские поднялись примерно на три четверти гласиса, огонь стал шквальным. Наступавшие несли существенные потери.

Минутная пауза для анализа происходящего, и Скобелев переправился через ручей и оказался среди наступавших. Естественно, я следовал за ним по пятам. Здесь турецкий огонь был дьявольским. Рядом с нами ядра снесли все кусты. В таком хаосе я потерял ориентацию в пространстве, не мог понять, что делать. Скобелев же мгновенно оценил обстановку, галопом поскакал назад и отдал приказ, чтобы солдаты наступали шеренгами с расстоянием около ста ярдов между каждой линией. Первая волна наступавших тоже полегла под смертоносным огнем турецких орудий; вторая волна добралась до самых турецких укреплений; третья волна полегла вся; и только четвертая волна присоединилась ко второй. Начался штурм. Скобелев лично возглавил атаку на вражеский редут.

В пылу боя конь Скобелева свалился в канаву. Генералу помогли выбраться из-под крупа. Он был весь в синяках. Офицеры умоляли его вернуться, но Скобелев их не слушал. Русские ворвались в форт. Турки стреляли со стен в амбразуры. Примерно в пятистах ярдах ниже по склону и в четырех футах от земли их пули и снаряды косили все живое. Это была смертельная зона. В нескольких сотнях ярдов дальше пули уходили в воздух. Тремястами ярдами выше они свистели над головой, не причиняя вреда. Когда Скобелев галопом поднимался по склону, он заметил, что смертельная зона узкая, оценил позицию и победоносно справился с организацией атаки.

Не учел генерал одного – своего командования⁶. Он расставил охрану, распределил бойцов, послал за подкреплением... и получил жёсткий отказ в подкреплении. Скобелев захватил

⁴ Осман Нури-паша (1832—1900) – в русско-турецкой войне мушир – в мировых армиях воинское звание выше генерала, но ниже генералиссимуса. Возглавлял оборону Плевны, за что султан присвоил ему почётное имя Гази – Победоносный. Впоследствии военный министр Османской империи.

⁵ Гласис – пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости. Возводили с целью улучшения условий обстрела впереди лежащей местности, маскировки и защиты укрепления.

⁶ Видимо автор намекает на в.к. Николая Николаевича и на генерала Н.П. Криденера.

господствовавший над высотой форт, но у него не оказалось достаточно людей, чтобы отбить контратаку врага.

Редут был взят часа за три до того, как окончательно стемнело. Непроглядная тьма наступала медленно, но она наступала. Снова и снова Скобелев посылал за подкреплением. Наконец он получил окончательный отказ.

Впоследствии нам рассказывали, что сам царь убеждал генералов послать подкрепление, но его заверили, что сил на это нет. А ведь было совершенно ясно, что из контингента, находившегося на поле боя, было несложно выделить несколько тысяч бойцов... И тогда Скобелев победил бы под Плевной в тот августовский день.

Когда генерал убедился, что помощи не будет, он, казалось, был ошеломлён и разочарован. Затем ярость овладела им! Он как-то весь задрожал, слезы непроизвольно покатились по его щекам...

– Великие князья ненавидят меня! – воскликнул генерал. – И генштаб... За то, что я одерживаю победы. Но кто мешает им тоже побеждать? Да черт с ними, черт с ними... Вот что такое их зависть! Они не пощадили даже пять тысяч бойцов, чтобы просто насолить мне! Лжецы и богохульники!

В тот вечер с нами сидела еще пара его офицеров. Мы выпили и обсудили возможные версии дальнейших событий. Как оказалось, Скобелев понимал своего противника мушира Османа лучше кого-либо из нас.

– Когда утром мы не сможем обстрелять турок, – сказал генерал, – Осман решит, что мы слабы, и перейдёт в контратаку. Тогда нам придется отступить. Если бы у меня было хотя бы пять тысяч человек и пятьдесят полевых орудий – а я их так просил! – уже к полудню Плевна была бы в наших руках. Осману пришлось бы сдаться. Глупая зависть нашего командования дорого обойдется России. Как минимум полмиллиона жизней. И война затянется еще на полгода!

Скобелев научил меня ставить себя на место противника. Такова основа полководческого искусства.

Помню, когда мы остались одни, он повернулся ко мне.

– Не пишите об этом, – сказал он. – Ни один русский не выставит на свет русский позор. Это, как если бы наша мать была виновата. Я не хочу, чтобы проклятые турки насмеялись над нами. Ах, если бы я только мог получить хотя бы шанс, я бы показал им, что наши русские солдаты – лучшие в мире, несравненные...

И он продолжал приводить пример за примером воинской стойкости и презрения к смерти...

Всё вышло почти так, как предвидел Скобелев, но позже. Было уже далеко за полдень, когда турки атаковали. Мы с трудом удерживали наши позиции. Через час Осман бросил на штурм свежие силы, и нам пришлось отступить. Через час отступление превратилось в почти бегство, и в течение еще нескольких часов кучки морально сломленных людей, хромя, шатаясь и ругаясь, возвращались на свои прежние места дислокации.

* * *

На следующий день Скобелев не выходил к людям. Я сразу заметил, что его репутация значительно выросла: все его офицеры знали, что в этот раз генерал победил и что не его вина в поражении. К Скобелеву приходили офицеры из других подразделений – все они показывали, что знают о том, как обстояло дело в действительности. Самое замечательное в генерале было то, что и уважение подчиненных, и даже лесть не оказывали на него ни малейшего влияния. Когда мы встречались впоследствии, он всегда обращался со мной с искренней доброжелательностью.

Конечно, ничто не могло спасти Плевну. Со временем турецкие коммуникации были окончательно перерезаны – Плевну взяли в блокаду. Несколько месяцев спустя Осман сдался и был благородно принят Скобелевым, которого все теперь приветствовали как героя Плевны. Осман, ехавший во главе сдавшегося в плен гарнизона, представлял собой любопытное зрелище: он был маленький и бледный, с одной рукой на перевязи от недавней раны. Когда мушир проезжал во главе своего штаба, русские во главе с самим Скобелевым снова и снова подбадривали его самым благородным образом.

Война почти стоит того, чтобы её вести, когда она приносит такие почёт и уважение победителей к побеждённым.

* * *

Хотя я многому научился на войне, но пишу о ней не для того, чтобы соперничать с профессиональными историками. Я хочу представить Скобелева, который вместе с Робертсом⁷ был лучшим генералом, которого я когда-либо встречал. И контраст между ними делает их обоих еще более интересными. При этом отмечу, что ни один из них не обладал высоким интеллектом.

В англо-бурской войне Робертс ходил в церковь каждое воскресенье и соблюдал все положенные ритуалы. Он был искренним христианином и следовал примеру своей жены во всех общественных делах. Поначалу он принимал Китченера⁸ за чистую монету, и даже когда в Пардеберге⁹ ему пришлось осознать свое ничтожество как солдата, он так долго держал это знание при себе, что в какой-то степени поддерживал миф о Китченере-герое.

Скобелев, с другой стороны, был совершенно свободен от всякой формы снобизма. Более того, он даже несколько презирал дисциплину и пренебрегал общественными обрядами. В какой-то мере он был нигилистом, ненавидел всякую неискренность, а потому видится мне большим человеком, чем Робертс. Зато по проницательности и скорости принятия важнейших решений они были весьма схожи.

В дни бездействия, последовавшими за взятием и оставлением форта, я попросил Скобелева рассказать мне о его ранней жизни. С огромным удовольствием он признался, что в четырнадцать или пятнадцать лет он охотился за каждой хорошенькой девушкой, попадавшейся на его пути.

Однажды дядя застал будущего генерала в доме, когда тот пытался обнять молоденькую служанку. Девица как раз только-только оттолкнула мальчика, когда вышел дядя. «Ты должна гордиться тем, что тебя поцеловал молодой барин, девочка моя», – строго сказал дядя.

– С того времени у меня не было с этим трудностей, – просто сказал Скобелев. – Новость о случившемся распространилась по дому, как лесной пожар, и у меня больше не было отказов.

Ничто и никогда так ясно не раскрывало мне истинный смысл крепостного права, как этот маленький инцидент. К нему добавились прочитанные мною позже откровения князя Кропоткина¹⁰, рассказавшего в своих «Записках революционера» о «восточных обычаях»

⁷ Фредерик Слей Робертс, 1-й граф Робертс Кандагарский (1832—1914) – британский военачальник, фельдмаршал, один из наиболее успешных военных деятелей Викторианской эпохи.

⁸ Горацио Герберт Китченер, 1-й граф Китченер (1850—1916) – британский военный деятель, фельдмаршал, военный министр Великобритании. Китченера называют в числе вероятных прообразов Старшего Брата – персонажа романа Джорджа Оруэлла «1984».

⁹ Битва при Пардеберге или Пердеберге (африк. Лошадиная гора) – крупная битва в ходе Второй англо-бурской войны (18 – 27 февраля 1900 г.). Произошла около брода Пардеберг через реку Моддер в Оранжевом Свободном государстве, около Кимберли.

¹⁰ Петр Алексеевич Кропоткин (1842—1921) – великий русский революционер, второй после Бакунина теоретик анархизма.

в корпусе пажей и о бесчисленных безнравственных деяниях и дьявольских жестокостях, творившихся во времена крепостного права.

Некоторые факты говорят об очень многом. Скажем, когда солдат или слуга умирал при избиении кнутом. А браки между крепостными часто устраивались хозяином без какого-либо учета любви или личных предпочтений.

– Вы часто... общались со своей хорошенькой служанкой? – спросил я.

– Постоянно, – рассмеялся Скобелев. – И не только с той девицей. У меня были все – каждая девушка и женщина в нашем доме от тринадцати до пятидесяти лет. Но мне больше нравились бабоньки постарше, – задумчиво добавил он. – Даже не знаю, как бы выжил без этого. Покончил бы с собою. Как бы там ни было, я ослабил себя так, что теперь, около сорока лет, я практически импотент. С тех пор, как мне исполнилось двадцать пять лет, требуются какие-то чрезвычайные обстоятельства вроде пьянки, чтобы довести меня до оргазма!

– Боже милостивый! – воскликнул я. – Какая ужасная судьба! – До тех пор я понятия не имел, что сексуальные возможности человека ограничены. – Вы, должно быть, злитесь на себя и ужасно сожалеете о своих ранних увлечениях?

– Нет, – ответил Скобелев. – Нет! Я чудесно провел время своей юности. Как говорят французы, у меня осталось много приятных воспоминаний. Да, в Петербурге, будучи молодым человеком, я провел золотые часы своей жизни! Там я познакомился с настоящей страстью, когда её желания совпали с моими желаниями. И никаких условностей! Помню, моя любовь отдалась мне в гримёрке, когда в коридоре толклись наши друзья, готовые отправиться покататься на пролётках. При этом победительницей они называли её! Ах, жизнь: если ты отпустил прошлое, это не значит, что прошлое отпустило тебя.

* * *

Это признание поразило меня в самое сердце, только я решил быть мудрее и сделать так, чтобы удовольствие длилось дольше.

Две маленьких эпизода этой военной кампании произвели на меня особое впечатление.

После захвата маленького городка Ловеч Скобелев и его штаб столкнулись с большим числом раненых пленных турок, которых их товарищи бросили на обочине дороги вот уже несколько дней назад. Люди умирали в страшных корчах. Скобелев приказал переводчику спросить несчастных, чего бы они хотели, прежде чем их отвезут в полевой госпиталь. Все попросили еды, но один большой турок с забинтованной головой попросил сигарету. Скобелев сразу наклонился с лошади и протянул свой портсигар. Турок взял сигарету, офицер поднес спичку, и раненый выпустил дым с превеликим удовольствием. Затем он начал разматывать грязные бинты на своей голове. Скобелев жестом попросил турка не делать этого, но тот продолжал. И когда бинт был сорван, половина нижней челюсти раненого упала ему на грудь. Другая половина, очевидно, была оторвана снарядом. Турок поднял остаток челюсти и снова начал наматывать повязку. Когда он закрепил ее, то снова сунул сигарету в рот и улыбнулся нам с самой живой благодарностью.

– Прекрасные люди, – произнес Скобелев. – Отличные солдаты!

Еще один эпизод. Будучи англичанином, я сумел добраться до Адрианополя задолго до русских войск. Я хотел увидеть Константинополь и турок, прежде чем возобновить работу. На одной станции (я забыл ее название) мне пришлось задержаться на день или два. Караван-сарай был жалкой импровизацией гостиницы. Однажды утром я услышал, что привезли несколько русских пленных. Я вышел и увидел, что они сидят в ряд на скамейке у станции. Охраняли их около полудюжины часовых. Один здоровенный турок расхаживал взад и вперед перед пленниками, хмурился и что-то бормотал. Я подозвал переводчика и попросил вызвать офицера. Ведь турок явно намеревался убить русских. Переводчик сразу же убежал.

Вдруг здоровяк остановился перед бородатым русским, схватил его за бороду и волосы, раздвинул ему челюсти и плюнул в рот. Я еще никогда не видел такой ненависти и дикой ярости.

Кровь моя вскипела, но я ничего не мог сделать, кроме как молиться о скорейшем приходе какого-нибудь офицера. К счастью, он прибежал вовремя, и бедные пленники были спасены.

* * *

Я больше никогда не видел Скобелева после истории с раненым, но он навсегда остался для меня прекрасным воспоминанием, и я расскажу теперь о его кончине.

Однажды, будучи в Лондоне, я вновь стал восторженно рассказывать о Скобелеве. И тут русский офицер, служивший в российском посольстве, рассказал мне, как он умер.

– Вы знаете, что Михаил Дмитриевич был нашим героем, – начал он. – В наших крестьянских домах по всей России больше фотографий Скобелева, чем царя. И конец генерала был чуден. Он как обычно приехал в Москву на смотр двух армейских корпусов. После смотра Скобелев был весьма недоволен некоторыми офицерами. Он пригласил некоторых из нас, преимущественно младших офицеров, пообедать с ним в «Славянском базаре». Видимо, хотел смягчить вызванное жесткой критикой впечатление. Конечно, все мы пришли, гордые, как павлины – ведь нас пригласили и устроили нам большой пир.

Потом кто-то предложил перебраться к мадам Икс, у которой было особое заведение на соседней улице. Скобелев, к нашему удивлению, согласился. В апартаментах мадам Икс каждый из нас выбрал девочку, и все исчезли в спальнях. После полуночи я услышал безумный крик. Я выскочил в коридор. Там металась девушка, выбранная Скобелевым.

– Генерал мёртв! – вопила она.

– Мёртв?! – не понял сразу я. – Что вы имеете в виду? Где?

И девица, истерически рыдая, отвела меня в свою спальню. Скобелев лежал неподвижно, с широко открытыми глазами, уставившись в потолок. Я позвал его, приложил руку, а затем ухо к его сердцу. Оно не билось.

– Я не виновата, – рыдала девушка. – Честное слово, я здесь ни при чем!

Я поспешно оделся. Когда вернулся, все офицеры были уже на ногах. Мы пошли к содержателю борделя и сказали, что должны немедленно отвезти генерала обратно в «Славянский базар», в его гостиничный номер. Однако тот заявил:

– Правила полиции запрещают подобное. Вам следует получить разрешение на транспортировку тела.

Сразу же двое из нас поспешили в полицейское управление, но даже там мы ничего не могли сделать. Только губернатор Москвы, казалось, мог дать нам такое разрешение. Итак, мы помчались во дворец. Как назло, губернатор был на своей даче за городом, так что нам пришлось взять дрожки и мчаться туда. Лишь около трех часов ночи мы его разбудили, получили необходимое разрешение и поспешили обратно в бордель.

Тело Скобелева к тому времени уже окоченело: одеть его было невероятно трудно, но это необходимо было сделать. Затем мой друг взял его под одну руку, я – под другую, и мы наполовину «повели», наполовину вынесли его к экипажу. Никто из нас не подумал о времени. Увы! Уже был день, и, к нашему удивлению, новость о кончине народного любимца уже разлетелась по городу. Ближайшие улицы были запружены людьми. Как только они увидели, что мы наполовину несем – наполовину «ведём» Скобелева, все они опустили на колени прямо на тротуаре и, перекрестившись, стали молиться за упокой его души!

Через коленопреклоненную толпу мы повели нашего героя в «Славянский базар». Генерала положили на кровать...

Благочестие русского народа таково и его восхищение величием героя так глубоко, что эта история никогда не выходила за пределы узкого круга и не обнародовалась. Вас не удивляет, что некоторые из нас всегда думают о нашем Отечестве как о Святой Руси?

...

Когда я слушал эту историю, мне на ум пришли великие слова Блейка:

...

И, отринув бессердечность,
Обретем в согласье Вечность —
Ведь Спасителем дана
Мера Хлеба и Вина¹¹.

¹¹ Последние строки стихотворения У.Блейка «Спектр и Эманация». Перевод В.Л. Топорова.

Глава II. Как я познакомился с Шекспиром. Немецкие студенческие обычаи

Почему я поехал учиться в Гейдельберг, а не в Берлин, не могу сказать точно. Возможно, в рекламе имелся оттенок романтики, который и привлек меня. На счету в банке у меня лежало более полутора тысяч фунтов, и я рассчитывал, что это позволит мне безбедно жить в Европе лет пять, а затем вернуться в Штаты, чтобы приступить к главной работе своей жизни. Но вернусь ли я в Америку? Должен признаться, что малярийная лихорадка в Штатах пугала меня. Кроме того, Англия мне нравилась больше, и поэтому я предпочел отложить окончательное решение на более отдалённый срок. Напомню пословицу: не переходи реку, пока не дойдешь до неё.

Гейдельберг очаровал меня. Я влюбился в красоту его огромных лесистых холмов, в его реку, в его разрушенный замок, в его простой, деловой университет, в его кафе, в его книжные магазины – словом, во всё.

Неделю я жил в отеле «Европа», но он был слишком дорогим для меня. Зато рейнские вина оказались восхитительными и сравнительно не дорогими: «Маркобруннер» и «Либфраумильх» десятилетней выдержки научили меня, каким ароматом и вкусом должно обладать настоящее классическое вино.

У реки я познакомился с парой молодых американцев по фамилии Тредуэлл, с которыми вскоре подружился. Я отправился на берег реки в надежде купить лодку для гребли. Рослый парень как раз расплачивался за свое каноэ.

– Могу ли?.. – спросил я по-немецки, указав на его ялик.

– Так точно! – последовал громкий добродушный ответ тоже по-немецки. – Но вы англичанин? – добавил он по-английски.

– Скорее американец.

И мой новый знакомый вскоре рассказал, что он и его младший брат воспитывались в немецкой школе и что он изучает химию и уже является ассистентом знаменитого профессора Бунзена¹², того самого, кто первым открыл химический состав звезд и изобрел спектроскоп. Чудесно! Я горел желанием узнать больше, встретиться с самим Бунзеном.

– Могу ли я?

– Конечно!

Я был в восторге.

Этот старший Тредуэлл был представительным парнем, ростом около пяти футов девяти дюймов, явно энергичный, чисто выбритый, с резкими чертами лица и живым выражением лица... Но вскоре я обнаружил, что, несмотря на его знания количественного и качественного анализа, он не был интеллектуалом в моем понимании этого слова.

Его младший брат, который только что поступил в университет, чтобы продолжить изучение филологии, порадовал меня гораздо больше. Он был примерно моего роста и уже выучил латынь и греческий, немецкий и французский языки. Вдумчивый, с живыми серыми глазами. «Прекрасный ум, – заключил я, – хотя и незрелый». И вскоре мы подружились.

По рекомендации Тредуэллов я переехал жить в пансион, где они обретались и где мое проживание стоило мне меньше фунта в неделю. Жизнь была превосходной, потому что пансион держала англичанка, вдова немецкого профессора. Она была энергичной, решительной женщиной, при этом мудрой и очень доброй.

¹² Роберт Вильгельм Бунзен (1811—1899) – выдающийся немецкий физик-экспериментатор, изобретатель спектроскопа (совместно с Густавом Кирхгофом), колбы Бунзена, бунзеновской горелки, бунзеновского водяного насоса и регулятора, бунзеновской батареи, бунзеновского абсорбиометра и др. Главное его открытие – спектральный анализ вещества.

Там я познакомился с мистером Анинзом, который получил всевозможные награды в Оксфорде и вскоре стал для меня своего рода приятелем, потому что любил литературу, как и я, и казался мне невероятно умным, потому что писал блестящие латинские и греческие стихи и за три месяца овладел немецким языком, хотя произношение у него было скверное. Анинз признался, что изучал немецкий по три-четыре часа каждое утро. Я поступил также, но в дополнение занимался языком еще по три-четыре часа каждый день после обеда.

Однажды Анинз удивил и обрадовал меня, сказав, что у меня, должно быть, талант к языкам, ибо мой немецкий был уже лучше, чем его. Во всяком случае, я разговаривал на нем более свободно, потому что делал это всякий раз, когда у меня была возможность поговорить по-немецки. Анинз же предпочитал отмалчиваться.

Естественно, младший Тредуэлл познакомил меня с университетом. Я слушал все его пояснения и работал день и ночь, ограничивая сон и физические упражнения. Через три месяца я бегло и правильно говорил по-немецки и прочел Лессинга, Шиллера, «Книгу песен» Гейне и несколько романов, прежде всего «Должен и должен»¹³ Густава Фрейтага.

Но я мало что получил от университетских лекций. Я прослушал стандартный набор лекций по греческому глаголу. Попытался слушать лекции по санскриту, но не знал ни слова на этом языке, и лекции профессора оказались для меня темным лесом.

Мое пребывание в университете постоянно напоминало опыт Гейне. Он рассказывал, как слушал лекции по всеобщей истории, но после трех лет усердного посещения отказался от них, так как профессор всё ещё не дошёл до времени Сесостриса¹⁴.

Куно Фишер¹⁵ был в то время, пожалуй, самым популярным профессором в Гейдельберге. Он объявил о цикле лекций по произведениям и философии Шекспира и Гете. На первой же лекции аудитория была переполнена не только студентами, но и уважаемыми дамами и господами из города. У Фишера было лицо, как у бульдога, нос его был разбит на дуэли, что увеличивало сходство.

Профессор начал с того, что назвал Шекспира и Гете цветами-близнецами германской расы. Я всё ещё был слишком англичанином, чтобы счесть эту фразу почти богохульством, поэтому громко зашаркал ногами в знак неодобрения или несогласия.

Фишер остановился в крайнем удивлении. Как он признался мне впоследствии, подобное с ним случилось впервые в жизни. Затем, явно сдерживая себя, он сказал:

– Если господин, который так решительно не согласен со мной, подождет, пока я закончу, я попрошу его изложить причину его возмущения.

В зале раздались аплодисменты, и мужчины, находившиеся по соседству, сердито уставились на меня.

Фишер продолжал утверждать, что «само имя Шекспира показывает его тевтонское происхождение, что он был таким же немцем, как Гете».

Я улыбнулся про себя, но не мог отрицать, что остальная часть лекции была интересной, хотя профессор почти не пытался понять ни того гения, ни другого. В конце он сравнил их образование и поздравил своих слушателей с тем фактом, что Гете пользовался гораздо более широкими возможностями для получения образования и блестяще использовал их.

Публика восторженно аплодировала.

Фишер сел, но тут же поднялся и протянул в зал руку.

– Если критик, который так явно выразил свое несогласие в начале моей лекции, хочет изложить свою точку зрения, я уверен, что мы охотно выслушаем его.

¹³ Это один из самых читаемых в XIX в. юдофильских романов.

¹⁴ Сесострис – собирательное имя египетских фараонов; отождествляется с Рамсесом II Великим (1304—1237 гг. до н.э.).

¹⁵ Куно Фишер (1824—1907) – немецкий философ-гегельянец, историк философии.

Я встал и, слегка заикаясь, как бы смущаясь, попросил аудиторию и профессора извинить меня за мой скверный немецкий. Но, будучи валлийским кельтом, добавил я, «чувствую, что красноречивый профессор перехвалил тевтонов и особенно их высшее образование».

– Шекспир дал нам драму первой любви в «Ромео и Джульетте» и зрелой страсти в «Антонии и Клеопатре», ревность в «Отелло», болезнь мысли в «Гамлете» и безумие в «Короле Лире». Против них Гете привел в доказательство своих «высших» преимуществ одного «Фауста»! Но лектор сказал нам, что «шейк» и «пир» – тевтонские слова. Действительно, в настоящее время английский язык представляет собою смесь нижненемецкого и французского языков. Но, как ни странно, все высшие слова в нем являются французскими, и только бедные односложные слова – тевтонские. Например, «баранина» – это французское слово, в то время как «овца» – чисто немецкое. Я всегда воображал, – добавил я после паузы, – что имя «Шекспир» явно заимствовано из французского языка и является искажением «Жака Пьера» (Jacques Pierre).

Публика начала хихикать, и Фишер, подхватив шутку, захлопал в ладоши и улыбнулся. Я достиг желаемого эффекта и сел.

Когда публика выходила из зала, ко мне подошел слуга Фишера и сказал, что профессор хочет поговорить со мной. Конечно я сразу же последовал за ним.

Фишер встретил меня словами:

– Вы гениально выкрутились. Гениальное изобретение, и ничуть не хуже многих наших этимологических изысканий. – А затем серьезно добавил: – Вы великолепно защитили Шекспира, хотя я думаю, что у Гете гораздо больше заслуг, чем один «Фауст».

Вот что я помню о начале разговора, которому суждено было изменить всю мою жизнь. Когда я рассказал Фишеру о непонятных мне лекциях по греческому глаголу и другие подобные трудности, он расспросил о моей учебе, а затем сказал, что большинство американских студентов в Германии недостаточно хорошо владеют латынью и греческим, чтобы максимально использовать преимущества, предлагаемые им в немецком университете. Наконец, он настоятельно посоветовал мне сбрить усы и снова пойти на год в гимназию.

Профессор сказал это мне, парню двадцати с лишком лет! Вся моя натура дико возмущалась, но Фишер был настойчив и убедителен. Он пригласил меня к себе домой, представил профессору Айне¹⁶, который был учителем детей кайзера или что-то в этом роде. Почтенный и прекрасно говоривший по-английски, он согласился с Фишером. Тот же заметил:

– У Харриса есть мозги. Но вы согласитесь, профессор, что чем больше данный ему природой талант, тем более необходимо ему основательное образование.

В конце концов, я согласился, съехал жить в семью, регулярно посещал гимназию и погрузился в латынь и греческий на восемь или десять месяцев, в течение которых работал в среднем по двенадцать часов в день.

Уже через четыре или пять месяцев я был в числе лучших в гимназии: действительно, только один мальчик оказался бесспорно сильнее меня. Когда задавали латинскую тему, он обычно писал заголовок «Ливий», или «Тацит», или «Цезарь» и никогда не использовал идиому или слово, которое он не мог показать в тексте автора, которому подражал. Ему помогало то, что по крайней мере два раза в неделю профессор читал нам лекцию, подчеркивая наиболее характерные для каждого античного автора выражения. Конечно, я подружился с молодым человеком – Карлом Шурцем и поинтересовался, как он достиг такого мастерства.

– Это легко, – ответил Карл.

Он начал с Цезаря. Перевел страничку текста, после чего свой перевод попытался перевести на латынь. Получилась какая-то абракадабра! Тогда парень стал тщательно изучать спе-

¹⁶ Вильгельм Айне (1821—1902) – профессор истории в Гейдельберге. Автор «Истории Рима» в 8-ми томах.

цифические фразы из повседневной лексики Цезаря и со временем обнаружил, что каждый древнеримский писатель имел собственную манеру речи и даже собственный словарный запас.

Я пошел дальше. Взаясь за Шекспира. Я уже заметил сходство между «Гамлетом» и «Макбетом». Я начал читать обе трагедии и случайно выучил все поэтические отрывки наизусть, после чего начал улавливать акцент в голосе Шекспира, слышать, когда он говорил от всего сердца, а когда – просто губами. Проблески его личности росли во мне, и однажды я сел писать «Гамлета» по памяти.

Когда я дошел до сцены, в которой Гамлет упрекает свою виноватую мать, я вдруг проник в душу Шекспира. В то, что смутно подозревал. Ни один мужчина не мог бы так упрекнуть свою мать! Гамлет использовал язык сексуальной ревности. Неверность моей матери никогда бы не свела меня с ума. Я не мог судить о ее искушении или о недостатках в отношении моего отца и моей матери. Его доброта сделала бы ее грех еще более непонятным, и мать Гамлета не пытается оправдаться или объяснить. Луч света пришел, неизбежный, душераздирающий: Шекспир рисовал свою собственную ревность и бушевал не из-за греха своей матери, а из-за предательства своей собственной любви. Стало четко ясно, что каждая вспышка Гамлета пахла сексом Шекспира. Кто обманул драматурга и свел его с ума от ревности? Кто? Загадка начала меня интриговать.

Во время долгих каникул, которые я провел во Флюелене на Люцернском озере, я прочитал и перечитал всего Шекспира. Именно «Ричард II» безошибочно открыл мне его. Король Ричард был Гамлетом! Более молодым, более нестабильным, но Гамлетом. Так же, как Постум¹⁷ и Просперо¹⁸ были более старыми, более степенными Гамлетами.

Я был в восторге от своего открытия! Почему все не видели этой правды? Снова и снова читал я эти творения гения, и всевозможные побочные детали открывались мне чуть ли не на каждой странице, пока сам образ души поэта не предстал передо мною.

Задолго до того, как появилась книга Тайлера¹⁹, объявившая фрейлину королевы Елизаветы Мэри Фиттон возлюбленной Шекспира, я знал, что в 1596 г. поэт влюбился в цыганку со светлой кожей, которая относилась к нему с презрением и была одновременно остроумной и развязной. Иначе зачем бы он позволил себе так подробно описать Розалину в «Ромео и Джульетте» (хотя она никогда не появляется на сцене), в то время как о внешности Джульетты в трагедии нет ни слова?

В том же году Шекспир пересмотрел «Бесплодные усилия любви», чтобы сыграть эту комедию при дворе, и героиней снова стала Розалина. Причем чуть ли не каждый персонаж в пьесе описывает ее физическое совершенство. Сам Шекспир в роли Бирона бушует против собственной любви к «белой распутнице с двумя шариками на лице вместо глаз!» Я не мог не видеть также, что она была Темноволосой Дамой из Сонетов – вероятно, какой-нибудь придворной дамой, как я обычно говорил, которая смотрела сверху вниз на Шекспира с высоты аристократического происхождения и воспитания.

В те годы я не отождествлял ее с лживой Крессидой²⁰ или с Клеопатрой. Только много лет спустя я наткнулся на книгу Тайлера и не увидел, что он ограничил страсть Шекспира «тремя годами». Только тогда я понял, что Шекспир любил свою цыганку, Мэри Фиттон, и в конце 1596 г. Вскоре я пришел к выводу, что история сонетов нашла свое продолжение в пьесах.

¹⁷ Леонат Постум – персонаж из поздней пьесы У. Шекспира «Цимбелин» (1610).

¹⁸ Просперо – персонаж из поздней пьесы У. Шекспира «Буря» (1611).

¹⁹ Томас Тайлер (1826—1902) – английский историк религии и шекспировед; В предисловии к факсимильному изданию «Сонетов Шекспира, первое кварто, 1609», которое Тайлер редактировал в 1886 г., он с помощью преподобного У.А. Харрисона, викария церкви Св. Анны в Ламбете, впервые выдвинул теорию, что Мэри Фиттон была «темной леди» сонетов. Свою аргументацию Тайлер развил в интересном издании «Сонетов Шекспира» (1890).

²⁰ Крессида – в средневековых сказаниях о Троянской войне троянская женщина Крессида поклялась в верности мужу Троилю, только ради того, чтобы позже оставить его и уйти к Диомеду.

Наконец, я был вынужден признать, что лживая Крессида и Клеопатра – также портреты Мэри Фиттон, которую Шекспир любил в течение двенадцати лет, вплоть до 1608 года, когда она вышла замуж и уехала из Лондона навсегда.

Я всегда буду помнить те замечательные месяцы, проведенные во Флюелене, когда я поднялся в горы, окружающие озера и дважды прошел через Сен-Готард. Я жил тогда с «нежным шекспировским» сладким духом и благородной справедливостью ума.

Это открытие Шекспира имело для меня один важный результат – оно чрезвычайно укрепило мою самооценку.

Я взял эссе Кольриджа о Шекспире и увидел, что пуританство ослепило поэта, отвратило его от истины. Тогда-то я и подумал, что со временем мог бы написать что-нибудь значимое для мира.

Когда пришло время возвращаться к работе, я приехал в Гейдельберг, снова поступил в университет и решил больше ничего не читать по-латыни, кроме Тацита и Катуллы. Я знал, что у Вергилия есть прекрасные описания, но мне не нравился его язык. А потому я не видел причин, чтобы продолжать изучать его в семинаре (о, если бы я мог выйти из него!)

Мой следующий урок немецкой жизни был весьма своеобразным. Я шел по одной из боковых улиц с английским мальчиком лет четырнадцати, который жил у профессора Айне. По пути мы встретили высокого молодого студента, который грубо столкнул меня с тротуара на проезжую часть.

– Какая грубая скотина, – сказал я своему спутнику.

– Нет, нет! – воскликнул мальчик в непонятном возбуждении. – Все, что он сделал, это спросил тебя!

– То есть? – не понял я.

– Это такой способ спросить, нет ли у тебя желания подраться.

– Хорошо, – крикнул я и побежал за грубым джентльменом.

Он остановился.

– Ты нарочно толкнул меня? – спросил я.

– Думаю, что да, – надменно ответил он.

– Тогда берегись, – сурово произнес я, отшвырнул трость, которую держал в руке и в следующее мгновение изо всех сил ударил его в челюсть. Он рухнул, как бревно, и остался лежать там, где упал. Как только я наклонился над ним, чтобы посмотреть, действительно ли он ранен, из всех ближайших магазинов высыпала толпа возбужденных немцев.

Один, помню, был толстый мясник, который перебежал через улицу и схватил меня за левую руку.

– Беги и приведи полицию, – крикнул он своему помощнику. – Я его подержу.

– Отпусти! – предложил я. – Парень сам признался, что нарочно толкнул меня.

– Нет! Я все видел! – воскликнул мясник. – Ты ударил его палкой, иначе как бы смог сбить его с ног?

– Если ты не отпустишь меня, – сказал я, – тебе тоже достанется.

В ответ мясник попытался ухватить меня покрепче. Тогда я всех сил ударил его в челюсть свободной правой рукой. Он упал, как мешок с углем. Толпа с громкими проклятиями расступилась, давая дорогу, и мы с моим маленьким спутником продолжили свой путь.

– Какой ты, должно быть, сильный! – с восхищением сказал мальчик.

– Не особенно, – ответил я с притворной скромностью, – но я знаю, куда бить и как бить.

Я думал, что с этим делом покончено, поскольку студент при мне поднялся на ноги. Я знал, как и куда бил, а потому серьезных повреждений быть не могло.

Но следующим утром, я как раз читал в своей комнате, к нам заявились аж шесть полицейских и отвели меня к судье. Он задал несколько вопросов, я ответил. Дело было бы прекращено, если бы не ложь мясника о том, что он видел, как я ударил студента палкой. Ни один немец того времени не мог поверить, что удар кулаком внешне довольно щуплого человека может оказаться настолько эффективным. На лице студента было тугая перевязка, врачи подозревали, что у него сломана челюсть. В итоге я был вынужден предстать перед судом. Меня судили и признали виновным в *groben Unfugs auf der Strasse*, или, как сказали бы по-английски, в «грубом нападении на улице». Приговор гласил: шесть недель содержания в карцере с последующим изгнанием из университета.

Глава III. Немецкая студенческая жизнь и удовольствия

Моя жизнь в карцере – тюрьме для студентов – была откровенно забавной. Спасибо моим тюремщикам и заступничеству Куно Фишера. Друзья навещали меня с десяти утра до семи вечера. После этого в комнате зажигали свет, и я мог читать и писать до полуночи. Друзья, особенно мои английские и американские друзья, приносили с собой всевозможные деликатесы, и поэтому мои обеды, заказанные в ближайшем ресторане, превратились в настоящие пиры. Я обычно спускал толстую веревку из моего зарешеченного окна и поднимал прикрепленные к ней бутылки рейнского вина. Одним словом, я жил, как «боевой петух», если использовать это хорошее английское выражение, и мне не на что было жаловаться, кроме недостатка физических упражнений. Но арест, как ни странно, усилил мою неприязнь к тому, что люди называют справедливостью. На суде студент, которого я сбил с ног, сказал правду, что он грубо и нарочно столкнул меня с тротуара без какого-либо повода с моей стороны. Но судья предпочел поверить мяснику, который поклялся, что я отлупил студента палкой, хотя и признал, что его самого я ударил кулаком. Сопровождавший меня мальчик тоже сказал чистую правду. Все ожидали, что я отделаюсь предупреждением, но мое незнание немецких особенностей и того, как их принимать, привело меня к шестинедельному заключению.

Когда срок ареста закончился, мне пришлось покинуть Гейдельберг, власти даже не разрешили дослушать лекции, за которые я заплатил. Впрочем, меня уже выгоняли из Канзасского университета, так что гейдельбергская история не стала для изгоя тяжким ударом. Но Куно Фишер и другие профессора остались моими очень хорошими друзьями. Фишер посоветовал мне поступить в Геттинген, «чисто немецкий университет», и послушать лекции Лотце²¹, который, по его словам, был одним из лучших немецких философов того времени. Он даже дал мне рекомендательные письма, которые обеспечили мое немедленное зачисление.

Геттинген особо привлекал меня своей филологической школой. Достаточно сказать, что там в свое время преподавали братья Якоб и Вильгельм Гриммы. Но славился университет и тем, что в его стенах учились Бисмарк и Гейне. Я высоко ставлю обоих. Меня всегда восхищали и могучий характер Бисмарка, и интеллект и юмор Гейне. Уже тогда суть моей религии состояла в том, чтобы научиться узнавать мир великих людей и, по возможности, понимать их добродетели и силы.

Итак, я переехал в Геттинген. Но прежде чем рассказать обо всем, что со мной там произошло, я должен поведать кое-что о моих развлечениях в летние месяцы, которые я провел в Гейдельберге.

Я испробовал все английские и немецкие удовольствия: почти каждый день, поддерживая себя в хорошей физической форме, развлекался греблей на реке; совершал долгие прогулки к Кёнигштулю²² и по окрестным холмам; многое узнал о немецкой музыке, посещая оперу в Мангейме²³. К последнему меня приохотил американский сокурсник Вальдштейн, который часами восхищался музыкой Вагнера и других немецких композиторов-симфонистов, сопровождая свои восторги игрой на пианино

²¹ Рудольф Герман Лотце (1817—1881) – выдающийся немецкий философ-спиритуалист, врач, психолог, естествоиспытатель.

²² Кёнигштуль (Королевский трон) – холм в Гейдельберге, доминирующая высота города. 567,8 м над уровнем моря. На его склоне стоит Гейдельбергский замок. В XX в. на Кёнигштуле построены крупнейшие мировые научно-исследовательские институты ядерной физики, астрономии, молекулярной биологии.

²³ Мангейм – третий по величине город земли Баден-Вюртемберг. Славится Мангеймской школой классической симфонической музыки.

Я отлично знал немецкую поэзию и романистику. Правда, от чтения Гёте временно отказался – пока не буду знать немецкий так же хорошо, как английский. Как ни странно, я недооценивал Гейне, хотя и знал чуть ли не половину его стихотворений наизусть и наслаждался его «Путевыми картинками». Но немецкое мнение того времени ставило Шиллера бесконечно выше, и я послушно впитывал эту чепуху. Действительно, прошли годы, прежде чем я поставил Гейне гораздо выше Шиллера, как поэта-мыслителя. Ведь поэт, как правило, выше риторы. Прошло еще много лет, прежде чем я начал сопоставлять Гейне с Гёте. И четверть века минуло, прежде чем я понял, что Гейне был лучшим прозаиком, чем Гёте, и величайшим юмористом, который когда-либо жил на планете Земля. Распространённое мнение о великих людях настолько дико не соответствует действительности, что даже я не мог освободиться от его оков в течение половины жизни. Мое неуклонно растущее восхищение Гейне часто заставляло меня оправдывать ложные оценки других людей и учило меня терпимо относиться к их ошибочным суждениям. Мне самому было больше пятидесяти лет, прежде чем я начал с полной уверенностью распознавать мириады проявлений гениальности. Я благодарю судьбу за то, что не написал ни одного из своих портретов, пока не поднялся на эту высоту.

Но я начал свое знакомство с Вагнером и Бахом, Моцартом и Бетховеном, Шиллером и Гейне здесь, в Гейдельберге. И я был рад обнаружить, что мои небеса освещены такими сияющими новыми звездами.

Моя сексуальная жизнь в Гейдельберге ни в коем случае не была такой богатой. Пока я изучал язык, у меня было мало возможностей для флирта. А ведь именно язык был моим самым успешным оружием в противостоянии с девичьей неуступчивостью.

Но прежде чем я начну рассказывать о своем сексуальном опыте в Гейдельберге, должен рассказать об инциденте, который был жизненно важен для меня.

Во время обучения в Брайтонском колледже я довольно близко познакомился с доктором Робсоном Рузом. Однажды вечером мы обедали с парнями у него дома. Разговор зашел об обрезании. Я был поражен, когда присутствовавший при этом хирург заявил, что сифилисом болеет незначительное число евреев. И связано это с тем, что обрезание позволяет организму выработать особый иммунитет, закаляет кожу мужчины.

– Сифилис передается только через истирание кутикулы, – объяснил он. – Помогите кутикуле защититься от воздействия бактерии трепонемы, и все будет в порядке. Вся мораль Ветхого Завета, – продолжал он, – сведена к гигиене. Все Моисеевы законы морали были и остаются законами здоровья.

– Значит, для всех нас было бы разумным сделать обрезание? – спросил я тогда со смехом.

– Если бы я был законодателем, я бы сделал это одной из первых заповедей, – ответил врач.

Я сразу же решил сделать себе обрезание. Я чувствовал, даже был уверен, что затвердение кутикулы продлит акт. Между тем уже тогда я стал замечать, что заканчиваю всё быстрее и быстрее. Более того, моя сила, чтобы повторить акт, из года в год снижалась, в то время как желание продлить удовольствие всё более и более нарастало.

Как только мои занятия в Брайтонском колледже были закончены, я лег в больницу и меня обрезали. Хотя хирург уверял, что я не почувствую боли, мучился я в течение десяти дней, поскольку любое случайное прикосновение к моему органу причиняло мне острую боль.

В первые летние месяцы в Гейдельберге мой препуций²⁴ сократился так, что акт стал трудным и болезненным. Обязательное целомудрие преподавало мне самый важный урок в моей

²⁴ Препуций или крайняя плоть – складки кожи, прикрывающие наружный конец (головку) полового члена. Отсутствие препуция влияет на работу желез, выделяющих смегму, а также на чувствительность полового члена и защищенность его головки.

жизни. Абсолютно полное целомудрие позволило мне работать дольше, чем когда-либо. Я перестал утомляться! Я был наделён, так сказать, кипучей энергией, которая делала учебу удовольствием. Такой ясности в понимании материала я никогда раньше не знал. Сначала я думал, что так на меня влияла погода, но затем убедился, что сила ума находится в сдерживаемом семени.

Я принял решение пожертвовать многими удовольствиями... в будущем, чтобы сохранить эту кипучую энергию и ощущение этой кипучей энергии подольше. Но при этом я осознал, что слишком часто был жертвой возможностей и очень часто искал удовольствия без настоящей любви. Снова и снова я совокуплялся из ложного тщеславия, хотя следовало бы сдерживаться. Короче говоря, я твердо решил жертвовать своей силой только тогда, когда меня действительно влекло к женщине, или, еще лучше, только тогда, когда я был искренне влюблен. Я решил, что перестану валять дурака, поскольку прежде вел себя как легкомысленный идиот. Пусть другие растрачивают своё наследство, не понимая его ценности. Я же теперь перевернул новую страницу и познал искусство жизни. Как я мог быть таким слепым, таким глупым?! Я осознал, что уже серьезно уменьшил, так сказать, свой капитал энергии.

В Брайтоне мне было трудно обслуживать два любовных свидания в день, тогда как пять лет назад, в восемнадцать лет, едва ли имелся предел моему мерзавчику. Я решил строго сдерживать себя и постараться вернуться к своей прежней кипучей энергии, если это вообще было возможно.

Позже я понял, что обязан своим спасением обрезанию, или, как выразилось бы мое тщеславие, желанию сделать себя как можно более совершенным. Именно оно стало причиной того, что я претерпел жестокую боль операции. Слово Гёте пришло ко мне со значением, чтобы отметить этот кризис: *In der Beherrschung zeigt sich erst der Meister*²⁵.

Два случая в Гейдельберге иллюстрируют мое новое отношение к жизни.

Однажды я встретил на берегу реки довольно симпатичную девушку. Завязался разговор, я проводил ее до дома, где, по ее словам, она жила с сестрой. Уже темнело, и в тенистом месте я поцеловал ее. Когда она поцеловала меня, моя непослушная рука нашла путь к ее платью, и я ощутил, что киска ее готова к гораздо большему, чем объятия. Уже этот факт предупредил и охладил меня: я твердо решил никогда не встречаться ни с одной публичной женщиной; твердо решил заплатить, но сдержать себя. В гостинной она представила меня своей старшей сестре, которая болтала с каким-то толстым студентом.

Мы быстро нашли общий язык. Я заказал бутылку рейнского вина; студент предпочел пиво, и вскоре я узнал, что он самый восторженный поклонник Куно Фишера. Внезапно парень сказал:

– Знаешь, мы с Мартой большие друзья. – И он указал на старшую сестру. – Сегодня я пришел заниматься с нею любовью.

– Иди, – согласился я. – Не буду вам мешать. Если вас побеспокою, предупредите, и я уйду.

– Ты нам не мешаешь, правда, Марта? – И он добавил действие к слову, встал и увел девушку к дивану в углу комнаты.

²⁵ В самообладании мастер раскрывает себя. (нем.)

– Иди в спальню! – крикнула моя девочка по имени Катчен, и Марта последовала ее совету.

Прошло десять минут, но их близость, казалось, подействовала на Катчен, которая страстно целовала меня снова и снова.

Когда парочка вернулась, студент бросил на стол четыре марки, небрежно поцеловал Марту, а затем обратился ко мне:

– Ты идешь?

Это был шанс. Я дал Катчен десять марок, поцеловал ей ручки, потом глазки... и последовал за студентом. Я сбежал, не будучи слишком грубым, потому что Катчен поблагодарила меня и при этом настойчиво просила золотую монету, а заодно и глазами, и губами умоляла меня непременно придти ещё раз, и ещё не один раз.

Мне был противен жирный студент и еще противнее его разговоры. Во всем этом спектакле было что-то настолько заурядное, настолько животное, что я поспешил сказать ему: – Спокойной ночи! – и удалился. Тогда я впервые воочию убедился, что между мужчиной и женщиной должно быть какое-то духовное влечение. Иначе сам акт становится бессмысленным действием, не приносящим сторонам ни удовольствия, но элементарного возбуждения чувств. «Если парень и восхищался фигурой девушки, – сказал я себе, – или ее хорошеньким личиком, еще куда ни шло. Но заурядное совокупление, как у животных, озверение за четыре марки, брошенные на стол...». Нет! Это было отвратительно, это пятнало само понятие любви.

А теперь еще более запомнившийся случай.

Я дважды или трижды ходил в Гейдельберге на бал. Просто мой друг просил сопроводить его. Сам я обычно отказывался от приглашений, поскольку танцы вызывали у меня чрезмерное головокружение.

Но на одном балу меня представили мисс Бетси С., девушке из хорошей английской семьи, элегантно модно одетой и необычайно симпатичной, хотя и очень маленькой. Она выделялась среди здоровенных немецких фройлен, как мускусная роза²⁶, завёрнутая с нежной зеленью, чтобы усилить ее восхитительный цвет. Я сразу сказал ей об этом и заверил, что у нее самые великолепные тёмные глаза, которые я когда-либо видел. Я всегда помнил, что похвалы, как дыхание жизни для каждой женщины. Мы сразу подружились, но, к моему разочарованию, она сообщила, что на следующий день уезжает к друзьям во Франкфурт, а оттуда обратно в Англию.

Прежде чем я сообразил, во что ввязываюсь, я сказал, что с удовольствием поеду с нею во Франкфурт и покажу там место рождения Гёте и сам Дом Гёте. Согласится ли она на такую поездку?

В ее больших карих глазах заплясали искорки надежды на грядущие приключения и на дружеское общение. Именно на это я и рассчитывал. Было ли таким мое решение сдерживать себя? Было ли это моим первым опытом в искусстве жизни без секса? И все же мне даже не пришло в голову извиниться за такое предложение: Бетси была слишком хорошенькой и отнеслась к нему с искренним юмором (что мне особенно понравилось).

Мимо нас прошла крупная немецкая девушка, и Бетси, глядя на свои руки, сказала:

– Я никогда раньше не знала, что такое «пятнистый». Я видела рекламу «пятнистого мыла», но «пятнистые» руки! Они не очень-то и красивые, не так ли?

Бесси была хорошенькой, но не очень: ниже среднего роста, округлая, лицо ее было, бесспорно, пикантным. Тёмные глаза, изящные руки и маленькие холмики белых грудей – наполовину скрытые, наполовину открытые в кружевном платье.

– Во сколько ваш поезд? – спросил я. – Отвезти вас на вокзал?

²⁶ Разновидность шиповника с мелкими махровыми цветками и насыщенным медовым ароматом.

– Встретимся на вокзале, – последовал ответ. – Но вы должны, вы обязаны быть ко мне очень добры, очень-очень!

Означало ли это последнее предостережение, что она не уступит мне? Меня лихорадило, но я решил быть не только смелым, но и дружелюбным.

На следующее утро мы встретились на вокзале и отлично поговорили. Во Франкфурте я сразу повез ее в лучший отель, смело подошел к стойке регистрации и заказал два хороших номера, сообщающихся между собой, и расписался в регистрационной книге мистер и миссис Харрис.

Нам предоставили комнаты на втором этаже. Явно английская внешность сделала нас лучшими клиентами. Мне повезло: в двери спальни поменьше имелись замок с ключом и засов.

Я сразу же помог Бетси снять верхнюю одежду, обнял ее и поцеловал в губы. Они оказались теплыми, что показалось мне наилучшим предзнаменованием.

– Ты постучишь, когда будешь готова? Или придешь ко мне?

Она улыбнулась, успокоенная моим уходом, и весело кивнула:

– Я позвоню!

Весь день я рассказывал девице о многочисленных любовных похождениях Гёте и о Гретхен-Фредерике²⁷. После ужина мы отправились на прогулку, а затем вернулись в отель и поднялись в свои спальни. Я зашел к себе, закрыл дверь. Сердце мое сильно билось, во рту пересохло, как в лихорадке.

«Надо протянуть время», – сказал я себе.

Надел свою лучшую, белую с золотыми нитями пижаму и сел ждать вызова. Но его не последовало. Я посмотрел на часы: прошло всего двадцать минут с тех пор, как мы расстались. Чтобы подготовиться к сексу, Бетси требовалось минимум полчаса.

«Она мне позвонит?»

Девушка обещала!

«Легко ли она уступит?»

И снова, когда мое воображение вспомнило ее своевольное, мятежное личико и прекрасные глаза, сердце мое заколотилось! Наконец полчаса истекли.

«Может мне войти самому?»

Да, я бы так и сделал: подошел к ее двери, прислушался – там была мертвая тишина. Я повернул ручку – в комнате было темно, хоть глаз выколи. Я включил свет. Бетси лежала в постели, и видно было только ее миленькое личико с большими глазами.

Через секунду я лежал рядом с ней.

– Ты обещала позвонить.

– Погаси свет! – взмолилась она.

Ничего не ответив, я стянул с себя пижаму.

– Ты будешь хорошо себя вести! – надулась она.

– Постараюсь, – уклончиво ответил я и, просунув руку под ее головку, притянул к себе, чтобы поцеловать.

Я был взволнован ее нежностью и теплом. Всего за мгновение или два ее губы стали горячими, и я попытался поднять ее ночную рубашку.

– Нет, нет! – сопротивлялась она. – Ты обещал быть хорошим.

– В этом нет ничего плохого, – настойчиво сказал я, и в следующее мгновение моя рука оказалась на ее киске. Со вздохом она смирилась и разжала губы. После того, как я ласкал ее минуту или две, ее лоно открылось, и я смог раздвинуть ноги девушки. Мое возбуждение

²⁷ Гретхен – юношеская первая любовь 15-летнего Гёте. В то время, когда Гёте познакомился с дочерью зозенгеймского пастора Брюна, Фридерикой, ему было всего двадцать лет. Гёте не смел жениться на ней, хотя фактически уже считался её женихом. Дочь бедного пастора не могла сделаться женою сына именитого франкфуртского гражданина, который никогда не дал бы согласия на такой брак.

оказалось настолько сильным, что я почувствовал жгучую боль, но не обратил на нее внимание – мой член уже ласкал ее вульву. Но когда я попытался войти в нее, Бетси отпрянула с криком боли:

– О, о! Это ужасно! Пожалуйста, прекрати. Ты же обещал, что будешь хорошим.

Я с улыбкой поцеловал ее и вернулся к ласкам. Естественно, через несколько минут снова попытался войти в рай, но тут же снова начались крики боли и мольбы остановиться и быть хорошим. Бетси была так хороша в своей мольбе, что я сдался:

– Дай мне попробовать, и если я сделаю тебе больно, то немедленно остановлюсь.

Я сел на кровати и стал рассматривать ее лоно. Глупцы говорят, будто половые щели женщин очень похожи друг на другой. Это абсолютная чушь. Они так же различны, как и губы. И та щёлочка, которую я рассматривал в ту ночь, была одной из самых прекрасных, которые я когда-либо видел. Я не смог удержаться от восклицания:

– Дорогая моя домашняя Венера!

Она была такой изящной, такой маленькой... Но дело было уже сделано: на ее киске была кровь, виднелось пятно крови и на одном прелестном маленьком круглом бедре. Моя адская крайняя плоть уменьшилась и теперь причиняла мне ужасную боль – будто это был секс с железным кольцом на возбужденном члене. По какой-то непонятной причине, наполовину из жалости, наполовину из привязанности к маленькой красавице, я лег рядом с ней, как и в первый раз, сказав:

– Я сделаю всё, что ты пожелаешь. Я так сильно люблю тебя и не хочу причинять тебе боль.

– О, ты, мой дорогой, – воскликнула она, обвила руками мою шею и по собственной воле осыпала меня поцелуями. Немного позже я притянул ее на себя, обнаженное тело сверху на обнаженное тело. О, это восхищение чистой красотой!

Я, должно быть, целый час ласкал и ласкал ее. И постоянно открывал в ней новые красоты. Снова и снова я задираю ее ночную рубашку до шеи, наслаждаясь пластичной красотой ее фигуры. Зато Бесси не выказывала ни малейшего желания видеть мое тело или возбуждать меня. Почему? «Девушки – странный народ», – решил я, но вскоре обнаружил, что Бетси необычайно нравится, когда ею восторгаются. Поэтому я расписал ей, какое впечатление она произвела на балу и как дюжина студентов просили меня представить их ей. И все утверждали, что Бетси С. – королева бала...

Наконец она уснула у меня на руках, и я, должно быть, тоже спал, потому что было четыре часа утра, когда я проснулся, выключил свет и прокрался в свою комнату. Я действовал бескорыстно, пощадил Бетси. «Причинять ей долгую боль ради моего удовольствия было бы несправедливо», – подумал тогда я. Впрочем, я был весьма доволен собой.

Утром я поспешил к ней. Девушка уже встала и не хотела, чтобы ее беспокоили. Она заявила, что хочет осмотреть город и пройтись по магазинам, прежде чем друзья придут за ней в два часа дня.

Я согласился сопровождать ее. Запер дверь между нашими комнатами на засов и повез ее на прогулку. Затем угостил обедом, а потом сказал:

– До свидания!

Когда я заверил ее, что ничего скверного с нею не произошло, Бетси сказала, что я милый, пообещала написать и тепло поцеловала меня. Я все же почувствовал какой-то оттенок сдержанности в ее поведении, что-то слишком слабое, чтобы определить. На обратном пути в Гейдельберг я списал свои страхи на фантазию.

Я написал ей на английский адрес, но ответа не получил. Неужели я потерял ее, пощадив? Какой загадкой остаются женщины! Вергилий был прав со своими *spretae injuria formae*²⁸?

²⁸ К своей красоте оскорбленной презренье (лат.) Строка из «Энеиды» Вергилия.

Ненависть, которая возникает в них, если их красота не торжествует? Прощают они или нет самоконтроль мужчины? Я долго злился на себя и решил в следующий раз не быть таким бескорыстным дураком.

Глава IV. Гете, Вильгельм I, Бисмарк, Вагнер

Я уже давно знал, что в основе нашей социальной системы лежит гниль. Я видел, что в то время как накапливались огромные состояния, труженики, создатели богатства, были погружены в самую ужасную нищету.

Дизраэли

Поначалу моя жизнь в Геттингене состояла только из работы: учеба с утра до вечера. Мне не хватало времени даже на то, чтобы принять ванну и переодеться. Вместо того, чтобы ежедневно совершать двухчасовую прогулку, я завел привычку бегать сотню ярдов или около того два раза в день, и по крайней мере один раз в день пробегал рысью около полумили. Это позволило мне сохранить физическую форму.

Помимо занятий по немецкому языку, я читал философские трактаты греческих мыслителей и прежде всех – Платона. Затем шли английские мыслители, такие как Гоббс, Локк и Юм. И французы, особенно Паскаль и Жубер²⁹. И, конечно, немцы с Кантом, гением современного скептицизма, и Шопенгауэром, чьи эссе демонстрируют величие ума и души. Труды этих мыслителей, по моему мнению, являются этапами в развитии человеческой мысли. И я отвернулся от фальшивого мудрствования, но вполне толково включил в программу своего развития большинство необходимых для этого творений мудрецов прошлых времен.

Один случай из жизни в Геттингене, возможно, стоит записать. Лотце проповедовал на своих лекциях Бога, имманентного³⁰ каждой форме жизни. Однажды он отметил на семинаре, что «срединный путь», он же «умеренность», Аристотеля был первым и величайшим открытием в области человеческой морали. Я не согласился с ним, и когда профессор спросил почему, я сказал, что «срединный путь» относится к статике, в то время как мораль – это динамика. Бутылка вина могла бы пойти мне на пользу, но и напоить другого человека: моральный путь никогда не был прямой или средней линией между крайностями, как представлял себе Аристотель, а был результатом действия двух сил. Поэтому кривая всегда шла в ту или иную сторону. По мере взросления и старения человека, после тридцати или около того, кривая должна двигаться в сторону воздержания.

...

И доколь ты не поймешь:
Смерть для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На земле суровой³¹.

...

Лотце поднял из-за этого большой шум и под конец предложил мне прочитать в классе лекцию о законах морали. Я выступил и рассуждал о добродетелях целомудрия. При этом не будем забывать, что я был всего на несколько лет старше большинства студентов.

Моя студенческая жизнь в обнесенном стеной городе была полна крайностей: она поочередно была то бесплодной, то плодотворной. Я основательно выучил немецкий – потратил год на готический, старый верхненемецкий и средненемецкий. И все равно пока я не знал немецкий так же хорошо, как английский. «Нибелунгов» я знал хуже, чем «Кентерберийские рассказы» Чосера.

²⁹ Жозеф Жубер (1754—1824) – французский писатель-моралист.

³⁰ Имманентность (лат. «пребывающий внутри») – философская категория, означающая неотъемлемость, внутреннюю связь в противоположность внешнему; другими словами, это учение о проявлении божественного в материальном мире.

³¹ Заключительная строфа стихотворения В.А. Гёте «Блаженное томление». Перевод Н.Н. Вильмонта.

Дважды я выступал на больших собраниях, и никто там даже не заподозрил, что я иностранец. Впрочем, это не важно, пустое тщеславие.

Я читал Гёте – все, что он написал, в хронологическом порядке. Так из моего времени я нашёл путь в мир истинного благородства и, затаив дыхание, восхитился с высоты моей Фасги³² видениями того, что может случиться с людьми, если они научатся развивать свой ум так же, как некоторые из нас развивают свое тело. В этом и заключается высший дар Гёте людям. Он учил каждого из нас долгу саморазвития. Именно в этом первый и главный долг каждого из нас. Гёте проповедовал культуру как символ веры – даже для тех из нас, кто чувствовал ее и ранее, пример гениального поэта является вдохновляющим. Позже я понял, что если бы Гёте хватило смелости Уитмена и он опубликовал бы свои озорные стихи и драмы, о которых рассказывает нам Эккерман, и правдивую историю своей жизни, он предстал бы перед современным миром подобно новоявленному Шекспиру, который на протяжении веков стоял перед феодальным миром священным проводником людей в новое будущее:

...

И доколь ты не поймешь:
Смерть для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На земле суровой.

...

Но увы! Он тоже был снобом и любил уважение к его достоинству и лесть, а еще пустые церемонии провинциального немецкого двора. Представьте себе великого человека и одного из мудрейших людей планеты, довольного тем, что сидит на этой старой феодальной стене в придворном наряде и болтает ногами в башмаках с пряжками и шелковых чулках на глазах проходящих под ним обывателей.

О, Бетховен был прав в своем бунте, нахлобучив шляпу на голову, когда мимо проезжал Великий герцог, в то время как Гёте стоял на обочине дороги, шляпа в руке, глубокий поклон. Когда брат композитора³³ подписал письмо к нему брату «гутсбезитцер» (помещик, т.е. владелец земельного участка), Бетховен подписал ответное письмо «хирнбезитцер» (владелец мозгов). Владелец мозгов не может гордиться тем, что он помещик.

Гёте не испытывал достаточного почтения к своему собственному гению и, хотя был состоятельным человеком, не использовал в полной мере свои поразительные дарования. Он должен был бы посетить Англию и Францию в раннем возрасте и провести там, по крайней мере, пару лет. Если бы Гёте знал Блейка, он, возможно, достиг бы своих высот раньше и понял бы, что должен дать своему собственному духу богатую пищу. Ибо, несомненно, уже первые творения Блейка показали бы немцу, что даже у него есть достойные конкуренты. Но увы, такое путешествие не состоялось!

Тем временем уже в шестнадцать лет Блейк достиг совершенства в магии слова. Так, описывая вечер, он восклицает:

...

Западный твой ветер
На озере задремлет – и безмолвным
Сиянием ты мрак наполнишь³⁴.

...

³² Библейская гора Фасга, с которой Моисей впервые обозрел Землю Обетованную.

³³ Имеется ввиду младший брат композитора Николаус Иоганн ван Бетховен (1776—1848). Описанная здесь история случилась в 1819 г. после покупки Иоганном имения Гнейксендорф. Очередное письмо старшему брату он подписал: «От вашего брата Иоганна, помещика». Людвиг подписал свой ответ: «От вашего брата Людвига, владельца мозга».

³⁴ Строки из стихотворения У. Блейка «К вечерней звезде». Перевод С.Л. Сухарева.

Эта «природная магия», как назвал ее Мэтью Арнольд³⁵, есть единственное качество, которое так и не появилось в поэзии Гёте. И все же каждый из нас обязан сознательно стремиться к предельному саморазвитию, глядя, как высоко поднялся Гёте даже на ничтожной основе малюсенького Веймара. Как лирический поэт, он занимает одно из величайших мест среди всех поэтов мира. Никто никогда не писал более пронзительной драматической лирики, чем обращение Гретхен к Мадонне. И исповедь Миньоны обладает тем же высочайшим качеством.

Гейне утверждает, что Гёте создал лучшие тексты во всей мировой литературе. Возможно, он и прав. Но мое сердце покорила Гёте-мыслитель. Его фразы, даже двусишия, казались мне сущими пророчествами. Когда Эмерсон познакомился с гётевским пониманием ботаники и биологии, он нашел проникновенные слова для великого немца: «Несомненно, дух, создавший мир, доверился этому человеку больше, чем кому-либо другому»!

В социологии Гёте также заслужил высокой похвалы Карлайля, главным образом за открытие «открытой тайны» того, что слишком большая индивидуальная свобода неизбежно ведет к рабству. Кольридж тоже написал о тех, кто

...

...раздробив оковы на руках,
Свои колодки волею зовет³⁶.

...

И всё же Гёте был первым, кто провел грань между социализмом и индивидуализмом и определил каждому его истинное место в современном индустриальном мире. Я без колебаний повторяю этот отрывок здесь во второй раз. Насколько мне известно, его никогда не цитировал ни один социолог, его даже не замечали. Я же пришел к такому же выводу за много лет до того, как прочитал фрагмент гётевской пьесы «Прометей», в котором содержится глубочайшее практическое понимание сути дела.

...

Эпиметей:

Да многое ль твоё?

Прометей:

Тот круг, который наполняю

Я действием своим.

Не больше и не меньше!

Какое право надо мною

Имеют эти звезды в высоте,

Что на меня глазекот?³⁷

...

Другими словами, каждая область производства, которую может контролировать персонально сам человек, следует оставить ему. Но там, где он отказывается отвечать за дело лично (все акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью), все следует национализировать или муниципализировать – другими словами, всё это должно быть передано сообществу, чтобы управлять этим в интересах всех. У руководства акционерного общества есть все недостатки государственного или муниципального управления и нет ни одного из его многочисленных достоинств и преимуществ, как доказал Стэнли Джевонс³⁸ в своем памятном эссе, ныне почти забытом.

³⁵ Мэтью Арнольд (1822—1888) – английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианской эпохи.

³⁶ Строки из последней строфы стихотворения Кольриджа «Франция; Ода». Перевод М.Л. Лозинского.

³⁷ Гёте И.В. Прометей (пьеса). Перевод М.Л. Михайлова.

³⁸ Уильям Стэнли Джевонс (1835—1882) – британский экономист, профессор логики, философии и политической эко-

В этом вопросе Гёте опередил свое время лет на сто, и, учитывая, что в первые годы девятнадцатого века современная ему промышленность была, так сказать, в колыбели и едва ли подавала признаки своего быстрого и зловещего развития, проницательность Гёте кажется мне выше всяких похвал. Конечно, он также понимал, что земля и содержащиеся в ней природные ресурсы, такие как нефть и уголь, должны принадлежать всему обществу.

Да, в жизни общества велика роль провидца и мыслителя, каковым был Гёте. А ведь он вообще не имел какого-либо отношения к экономике, но сумел найти верное решение социальной проблемы на целое столетие раньше любого из прославленных европейских государственных деятелей! Какая яркая критика демократии в одном этом факте!

Я обязан Гёте больше, чем любому другому учителю: сначала пришел Карлайл, а затем Гёте. Карлайл, знавший в мире только двух достойных уважения рода людей – рабочего и мыслителя, два железных аккорда, из которых он извлекал героическую мелодию, и Гёте, который видел гораздо дальше и первым осознал, что художник является величайшим из сынов человеческих. Судьба истинного художника в большинстве случаев чрезвычайно трудная, но именно она предвосхищает будущее – непрерывным трудом созидателя, творчеством, которое является душой самой жизни и позволяет добывать и производить, постоянно устремляясь ко все большим вершинам и к неизменному познанию сего мира. Когда критики жалуются, что Гёте слишком эгоцентричен, они забывают, как он организовывал помощь голодным ткачам или работал по ночам, чтобы уберечь от пожаров хижины крестьян Тюрингии.

Творчество Гёте – во всех отношениях одно из величайших в мире. Его Мефистофель, пожалуй, так же как и Гамлет, сверхиндивидуалист, чтобы его можно было поставить в один ряд с Дон Кихотом или Фальстафом. Но посмотрите на созданные поэтом женские образы, на его Гретхен, Миньону и Филину³⁹. Только Клеопатра Шекспира и, возможно, Смуглая леди из его сонетов равны им.

Меня раздражает, когда я слышу, что Гомер не столь велик, как наш Вальтер Скотт. Что по мне, так Шекспир и Гёте, Сервантес и Данте равновелики. При этом Сервантес не внес ничего нового в типологию женщины, а Данте скорее певец, чем творец. Гёте и Шекспир – величайшие певцы, равно как и творцы.

Со своей стороны (говорю только от своего имени), я нашел бы место для Бальзака и Гейне даже в этой высокой компании. И кто осмелится исключить из нее Рембрандта, Бетховена или Вагнера?

Один маленький штришок, который отличает Гёте от Шекспира: Шекспир следует за Иисусом Христом, настаивая на покаянии, в то время как Гёте не печалится о грехе: «Что прошло, то прошло, – сказал он безапелляционно, – и слезы есть пустая трата времени; учись на прошлом, чтобы не упасть дважды в одну и ту же яму, и смело иди вперед».

Этот совет отличается высоким мужеством, но печаль также является очищением души.

В Геттингене я узнал немало особенностей немецкой университетской жизни и провел больше времени на Pauk-boden⁴⁰ (дуэльной площадке) и в Студенческом корпусе⁴¹, чем на социалистических собраниях. Благодаря моему превосходному немецкому языку меня везде принимали как немца, и вскоре я обнаружил причину необычайного превосходства немецких

номии. Основатель математической школы в политической экономии, один из основоположников теории предельной полезности.

³⁹ Гретхен – героиня «Фауста», Миньона и Филина – героини романа «Годы учения Вильгельма Мейстера».

⁴⁰ Крестовик – широко распространенный в Германии ядовитый паук. За ядовитость его именем прозвали площадку, на которой выясняли отношения заядлые спорщики.

⁴¹ Студенческий корпус – традиционная университетская корпорация студентов в Германии.

студентов почти во всех областях жизни. Думаю, что именно это понимание позволило мне предсказать колоссальное развитие немецкой промышленности и немецкого капитала за двадцать лет до того, как все случилось.

Император Германии того времени⁴², дед нынешнего⁴³, должно быть, имел на редкость хорошую голову, иначе он никогда не нашел бы Бисмарка и не передал бы ему почти королевскую власть. Но я склонен думать, что мудрость Вильгельма I проявилась столь же ярко и в другом деле.

Желая прежде всего укрепить свою армию, он призвал на королевский совет Вильгельма фон Гумбольдта⁴⁴, брата знаменитого ученого Александра⁴⁵. Что делать с постоянно растущим числом студентов, которые год за годом избегают воинскую службу? Фон Гумбольдт рекомендовал сформировать отдельные роты добровольцев, готовых пройти военное обучение в течение одного года вместо трех.

Сначала старый кайзер и слышать об этом не хотел: такие вояки, по его мнению, уступали бы настоящим солдатам в строевой подготовке и дисциплине. «Все мои солдаты должны быть лучшими!» – было его последнее слово.

Фон Гумбольдт заверил кайзера, что добровольцы в течение одного года быстро станут отборными рекрутами; он спорил и умолял с таким пылом, что, в конце концов, старый император уступил. Тогда фон Гумбольдт заявил, что часть добровольцев, по крайней мере, двадцать процентов, могут стать унтер-офицерами до окончания года. И кайзер согласился, что если так всё и случится, эксперимент будет считаться успешным.

Конечно, первые добровольцы знали, чего от них ждут, и более пятидесяти процентов из них получили желанное отличие. Таким образом, во всей германской армии самыми умными и подготовленными солдатами оказались годичные добровольцы. Позже даже говорили, что самые умные унтер-офицеры были по большей части из добровольцев, но в это обычно не верят, потому что немец очень гордится своими унтер-офицерами и не без оснований – они служат шестнадцать лет. После демобилизации их определяют на хорошую высокооплачиваемую гражданскую службу на железных дорогах, на почте или в полиции. Добровольцы стали бы самой замечательной частью в любой армии. Я знал несколько немецких унтер-офицеров. Они даже бегло и правильно говорили по-английски и по-французски!

Но не только дух, ум и дисциплина армии были чрезвычайно оживлены образованными добровольцами. Армия, в свою очередь, стала оказывать замечательное влияние на школу. Насколько мне известно, ничего подобного ранее нигде не бывало.

Средний и низший социальные классы в Германии захотели, чтобы их сыновья стали добровольцами! Поэтому отцы, матери и сестры призывали своих сыновей и братьев учиться и учиться, чтобы достичь этой цели и через нее прорваться на более высокие ступени социальной иерархии. В свою очередь, это вдохновило магистров и профессоров гимназий и реальных школ. Учителя немедленно воспользовались новым духом: стандарт выпускного экзамена для гимназий с каждым годом ставился все выше и выше, пока не достиг предела, установленного человеческой природой. Уровень этого экзамена сейчас примерно равен уровню второго

⁴² Вильгельм I – император (кайзер) Германии с 1871 г. по 1888 г.

⁴³ Вильгельм II – император (кайзер) Германии с 1888 г. по 1918 г. Его отец император (кайзер) Фридрих III взошел на престол в марте 1888 г., будучи смертельно больным на 4-ой стадии рака, и умер в июне того же года.

⁴⁴ Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835) – немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат. Старший брат учёного Александра фон Гумбольдта. Сочетая в себе разнонаправленные таланты, осуществил реформу гимназического образования в Пруссии (по ней была выстроена образовательная система в Российской империи и в СССР), основал в 1809 г. университет в Берлине, был другом Гёте и Шиллера.

⁴⁵ Александр фон Гумбольдт (1769—1859) – немецкий географ, натуралист и путешественник, один из основателей географии как самостоятельной науки; младший брат учёного Вильгельма фон Гумбольдта. Выдающийся гуманист своего времени.

отличия в Оксфорде или Кембридже, что намного выше уровня выпускников американских университетов.

В Великобритании из года в год насчитывается около тысячи таких студентов против ста тысяч в немецких университетах. Я ни на секунду не хочу предположить, что все эти сто тысяч немецких студентов являются интеллектуалами и равны тысяче почтенных ученых английских университетов. Они, конечно, могут быть на том же уровне образованности, но лучшая тысяча из Оксфорда и Кембриджа, по крайней мере, так же умна, как и лучшая тысяча из немецких университетов. Гениальность имеет мало или вообще ничего общего с ученостью, но я утверждаю, что число образованных и довольно умных людей в Германии в десять раз больше, чем в Англии.

Многие англичане гордятся своим невежеством. Как часто доводилось слышать: «Я никогда не мог выучить языки. Во французском отвратительное произношение, я знаю только несколько слов. Немецкий мне совершенно не по зубам. Зато я кое-что знаю о лошадях и буду весьма полезен в банковском деле»... И так далее.

Я слышал, как один английский миллионер, обогатившийся своим богатством, хвастался, что у него в доме было только две книги: одна некий «путеводитель» (она же Библия, которую он никогда не открывал), а другая – его чековая книжка.

Мне довелось стать очевидцем сцены, которая покажет огромную разницу между двумя народами. Она врезалась мне в память. Для того, чтобы получить специальные уроки на старонемецком языке, я целый семестр жил в доме профессора гимназии. У него были дочь и два сына. Младший, Вильгельм, учился на отлично, зато старший Генрих был туповатым и медлительным парнем. Отец – крупный, сильный мужчина с громким голосом и яростно властным характером, довольно схожим с характером Бисмарка. Он писал книгу по сравнительной грамматике.

Каждую ночь профессор давал мне часовой урок. Я тщательно готовился к занятиям, чтобы не раздражать его, и вскоре мы стали настоящими друзьями. Долг был его религией, его подслащала любовь к дочери, которая готовилась стать учительницей.

Моя спальня находилась на втором этаже в задней половине дома. Часто после того, как я ложился спать и лежа читал в постели, до меня доносились громкие голоса из гостиной внизу. Оказалось, что после занятий со мною и часа или двух, отведенных дочери, профессор давал уроки Генриху.

Однажды летним вечером я читал в своей комнате, когда внизу разразился дикий скандал. Не раздумывая, я сбежал по лестнице в гостиную. Мэри пыталась успокоить отца, а тот бегал взад-вперед по комнате со слезами на глазах и орал:

– Подумать только, этот тупой мужлан – мой сын! Посмотрите на него!..

Генрих, с багровым лицом и взъерошенными волосами, угрюмый и сердитый сидел, уставившись неподвижным взором в книгу.

– Буквосочетание *ei* с оптативом⁴⁶ ему не по силам! – вопил профессор. – А ему уже пятнадцать лет!

– *Ei* с оптативом было выше моих сил и в шестнадцать лет, – засмеялся я, надеясь успокоить бурю.

Мальчик бросил на меня благодарный взгляд, но отец взбесился еще пуще.

– Вся жизнь его в будущем станет зависеть от его работы! – кричал профессор. – В следующем году у него будет экзамен. А у тупицы нет ни единого шанса выдержать испытание, ни единого шанса!..

⁴⁶ Оптатив – желательное наклонение в древнегреческом языке; выражало желание говорящего. В современных языках оптатив утрачен.

– Да ладно, – успокаивал я. – Помнишь, ты как-то сказал, что если Генрих что-то запоминает, он это уже никогда не забывает. Зато я все забываю так же легко, как и учусь. Нельзя уметь оперировать памятью и так, и этак.

– И я говорю отцу то же самое, – поддержала меня Мэри.

И буря помаленьку стихла.

Правда, по мере приближения срока экзамена, подобные сцены стали случаться все чаще и чаще. Профессор отчаянно пытался вразумлять Генриха. Происходило это и в час, и в два часа ночи. Вся семья жила на нервах по причине тупости несчастного мальчика. Обычный немецкий паренек, отнюдь не гений, но как же ему досталось в те тяжкие месяцы подготовки к выпускному экзамену!

Зато обычный английский или американский паренек почти всегда невероятно невежественный и безгранично ленивый, и если ему случается преуспеть в жизни, несмотря на такую ограниченность, он непременно склонен гордиться своим невежеством. Я знаком с англичанами – и мужчинами, и женщинами, – которые провели по двадцать лет во Франции, но не знают французского языка. Разве что несколько стандартных фраз. Следует признать, что англичане в этом отношении гораздо хуже американцев. Американцы порой, хотя и не всегда, стыдятся своего невежества.

В умственном отношении немец, так сказать, тренированный спортсмен по сравнению с англичанином, и как только они вступают в состязание, немец немедля осознает свое превосходство и, естественно, любит его доказывать и демонстрировать.

Снова и снова в конце XIX века английские производители, опечаленные потерей южно-американских рынков, показывали мне письма на испанском и португальском языках, написанные немецкими коммивояжерами, с которыми не могли сравниться никакие английские агенты.

– Мы побеждены их знаниями, – такими были обобщенные итог и жалоба.

И в первые десять лет XX века гордость немца по причине его умственного развития, быстрых успехов в мировой торговле и прогрессе промышленности имела неоспоримые основания. Однако успехи одновременно чрезмерно усиливали немецкое чванство и презрение к своим легко побеждаемым соперникам.

Во времена королевы Елизаветы I англичане и англичанки из высших классов тоже стремились учиться и ценили образование, даже преувеличивали его значение. Сама королева знала в совершенстве четыре или пять языков, если не в совершенстве, то, по крайней мере, лучше, чем любой английский государь после неё.

Еще один факт, который англичанин должен всегда помнить: население Великобритании в конце XVI века составляло примерно пять миллионов человек; в конце XIX – около сорока пяти миллионов человек, или в девять раз больше. Тем не менее, три четверти всех современных высших учебных заведений в Англии либо уже существовали, либо были основаны во времена Елизаветы I.

Этот факт и все, что с ним связано, объясняет мне расцвет гениальности в более раннюю, более великую эпоху: население выросло в девять раз, образованный класс не удвоил свою численность и, конечно, не вырос в оценке или понимании гениальности.

Я склонен утверждать, что такое отставание в интеллектуальном развитии правящих кругов британского общества стало одной из важнейших причин Мировой войны. Только Великобритания не спешит это признать. Когда с 1900 по 1910 год стало ясно, что Германия обогнала нашу страну не только в производстве стали, но и в добыче руды и угля, англичанам следовало бы задуматься над тем, сколь дорого им обходятся презрение к наукам и любовь к спорту. Им следовало привести свой дом в порядок в высоком смысле этих слов.

Вот уже сто лет Великобритания посылает своих самых способных сыновей править Индией. Ей следовало бы узнать от Макиавелли, что каждое владение римлян, не колонизи-

рованное латинянами, было источником слабости империи во время войны. Британия должна как можно скорее уйти из Индии и Египта и сосредоточить все свои силы на развитии собственных колоний, которые всегда будут торговать с нею и по сентиментальным причинам, и по привычке. Канадец покупает в шесть раз больше английских товаров, чем американец, а австралиец тратит на английские товары в двадцать раз больше, чем на немецкие, несмотря на превосходные качества немецкой продукции. Хуже всего то, что британские правители еще не доросли до постижения такой элементарной истины.

В то же время рост экономики Германии и ее энергичная интеллектуальная жизнь укрепили меня в убеждении, что путем национализации земли и социализации основных отраслей промышленности (таких как железные дороги, газовые и водные компании, которые слишком велики для индивидуального управления) можно было бы не только поднять массу английского народа на гораздо более высокий уровень, но одновременно усилить его трудовую энергию. Несомненно, было бы разумно удвоить заработную плату рабочего, когда вы могли бы таким образом повысить производительность его труда. Кроме того, национализация железных дорог, газовых, водопроводных и горнодобывающих компаний дала бы пяти миллионам мужчин и женщин стабильную и надежную работу и достаточную заработную плату для обеспечения достойных условий жизни; еще пять миллионов рабочих могли бы быть заняты на земле, сданной им в пожизненную аренду, и таким образом Великобританию можно было бы сделать полностью независимой, а ее власть и богатство значительно возросли бы.

Я рассказываю все это, потому что решил стать социальным реформатором и начал практиковать импровизированные выступления по крайней мере по полчаса в день.

* * *

После трех семестров я отправился из Геттингена в Берлин. Это было время, когда в душе моей все аргументы пересилила потребность в зрелище – в театре и художественных галереях, потребность в пульсирующей жизни большого города. Но в Берлине было что-то провинциальное. Я называл его Welt-dorf – Мировая деревня. Несмотря на это я многому там научился.

Прежде всего, я несколько раз присутствовал на публичных выступлениях Бисмарка и навсегда запомнил его как воистину великого человека. В те дни я пришел к выводу, что если бы он не родился юнкером в привилегированном семействе и не стал студентом корпуса в придачу, Бисмарк мог бы стать таким же великим социальным реформатором, как Карлайл. Как бы то ни было, он сотворил из Германии почти образцовое государство.

Однажды в рейхстаге некий социалист обвинил Бисмарка в том, что он многому научился у Лассаля⁴⁷. Тот сразу же выступил вперед и опроверг своего критика, заявив, что не имеет чести знать этого необыкновенного человека и не имел возможности общаться с ним. Я полагаю, что именно Бисмарк осуществил первые шаги по социализации немецкой промышленности. Он основал земельные банки, чтобы на разумных условиях ссужать деньги фермерам. Бисмарк также осмелился первым национализировать некоторые немецкие железные дороги и муниципализировать газовые и водные компании, чтобы обеспечить расширение государством системы каналов.

При его благодетельном деспотизме муниципалитеты Германии также стали инструментами прогресса – трущобы исчезли из Берлина, а жилье бедняков вызывает восхищение даже у случайных иностранных гостей. Его бюро по трудоустройству предоставляли нуждающимся подходящую работу.

⁴⁷ Фердинанд Лассаль (1825—1864) – немецкий философ, юрист, экономист, агитатор и политический деятель, родоначальник немецкой социал-демократии.

Только через сорок лет в Лондоне стали робко копировать некоторые прогрессивные начинания Бисмарка. Не будет преувеличением сказать, что он за несколько лет практически ликвидировал бедность в Германии.

Сам великий министр ожидал, что его попытки поднять низший класс на достойный свободного человека уровень подорвут промышленный прогресс и затруднят капитанам промышленности накопление капитала, но в этом он ошибался. Да, Бисмарк оказал поддержку и дал надежду очень бедным, и этот стимул для наиболее многочисленного класса оживил промышленность всей нации. Немецкие рабочие стали самыми эффективными в мире, а за десятилетие до великой войны главные отрасли немецкой промышленности (в частности, производство стали и железа, которое двадцать лет назад не составляло и 50% от английского) стали в три-четыре раза производительнее и, получая солидную прибыль, сделали конкуренцию с Германией практически невозможной.

Оживляющий импульс достиг даже судоходства. В то время, как британскому правительству приходилось финансировать компанию «Кьюнард Лайн»⁴⁸, «Гамбургская линия Америки»⁴⁹ стала главной паровой компанией в мире и приносила прибыль, которая заставляла английских грузоотправителей зеленеть от зависти. Иммиграция в Германию доходила до миллиона человек в год, превышая даже этот показатель в США.

Поразительное развитие промышленности и капитала было вызвано не естественными преимуществами, как в Соединенных Штатах, а просто мудрым, гуманным правительством и лучшим образованием. Каждый офицер на немецком лайнере говорил, по крайней мере, на французском и английском, а также на немецком, в то время как только один английский или французский офицер из сотни понимал чужой язык – все остальные знали только свой родной.

Глядя на беспрецедентное развитие страны и ее быстро растущую промышленность, вряд ли стоит удивляться тому, что правитель приписывал это поразительное процветание своей собственной мудрости и дальновидности. Действительно, казалось, что Германия за одно поколение поднялась с позиции второсортной державы до главенства в современном мире. И уже в начале 1880-х годов можно было предвидеть дальнейшее развитие событий.

Я провел один месяц отпуска в Дюссельдорфе и Эссене и был поражен всесторонней образованностью и интеллектом директоров и прорабов главных отраслей немецкой промышленности. Даже шкафы с приборами в местных лабораториях напомнили лаборатории лучших промышленных предприятий США... Но в Германии имелась гораздо более развитая и разветвленная промышленная разведка, которая приносила стране не меньшую пользу, чем наука.

Когда-нибудь эта история будет рассказана должным образом, но уже сейчас, в 1924 году, всем очевидно, что соперничающие нации, вместо того, чтобы следовать за Германией и примеру Бисмарка, оказались полны решимости унижить, расчленить и наказать эту великую страну. Случившееся почти приводит в отчаяние человечество.

* * *

После Геттингена и Берлина я отправился в Мюнхен, куда был привлечен театром Эрнста Поссарта⁵⁰, величайшего Шейлока, которого я когда-либо видел, и, несомненно, самого изящного, всестороннего актера. Соперничать с ним мог только старший Коклен⁵¹, который правил

⁴⁸ «Кьюнард Лайн» – британская компания-оператор трансатлантических и круизных маршрутов океанских лайнеров. Первая круизная компания мира, в викторианскую эпоху – крупнейшая в мире.

⁴⁹ «Гамбургская линия Америки» (НАРАГ) – немецкая судоходная компания, основанная в 1847 г. Маршруты её судов уже в конце XIX в. охватывают весь мир.

⁵⁰ Эрнст фон Поссарт (1841 – 1921) – выдающийся немецкий актер, режиссер.

⁵¹ Бенуа-Констант Коклен Старший (1841—1909) – выдающийся французский актер и теоретик театра.

сценой и был самым совершенством. Музыка в Мюнхене была так же хороша, как и актерская игра: Генрих Фогль⁵² и его жена⁵³ были прекрасными исполнителями. По их рекомендации я познакомился с Рихардом Вагнером.

В своем четвертом томе современных портретов я изо всех сил старался изобразить гениального композитора таким, каким он был при жизни. Но я полусознательно опустил две или три черты, которые, как мне тогда виделось, едва ли стоило публиковать. В 1922 году Козима Вагнер⁵⁴ была еще жива. Сегодня же я могу быть более откровенным.

В «портрете» Вагнера я оставил некое сомнение относительно того, кто отображен в образе Изольды, или кто оказался вдохновляющей душой того чудесного любовного дуэта из второго акта «Тристана». Конечно, нет никаких сомнений в том, что Матильда фон Везендонк⁵⁵ была вагнеровской Изольдой. Композитор написал ей так много теплых строк: «На протяжении всей вечности я буду обязан вам тем, что смог создать “Тристана”».

Вдовствуя, Матильда удалилась на виллу Траунблик близ озера Траунзе в Баварских Альпах. Я мог бы увидеть ее там чудесным летом 1880 года, когда жил в Зальцбурге, но вряд ли кто знал тогда о ее роли в жизни Вагнера. Их отношения хранились в строгой тайне вплоть до кончины Матильды в 1902 году, накануне которой фон Везендонк оставила для публикации 150 писем, написанных ей Вагнером, и знаменитый венецианский дневник композитора в эпистолярном жанре, обращенный к его музе сразу после их окончательного расставания. Вагнер там признался: «Твои ласки венчают мою жизнь. Это розы радости любви, которые украшают мой терновый венец».

Матильда заслуживала эту похвалу: она, как признавал композитор, всегда была доброй и мудрой, выше даже своего возлюбленного, постоянно пребывавшего в небесных эмпиреях. Однажды Вагнер пожаловался фон Везендонк на своего лучшего друга Ференца Листа, полагая, что тот не совсем понимает его труды. «Не может быть идеальной дружбы, – добавил Вагнер, – между мужчинами». Матильда сразу же напомнила композитору о его втором «я»: «В конце концов, Лист – единственный человек, самый близкий к вашим духовным вершинам. Не позволяйте себе недооценивать его. Я знаю замечательную фразу, которую он однажды произнес о Вас: “Я уважаю мужчин в соответствии с их отношением к творчеству Вагнера”. Чего еще вы могли бы желать?» А ее очаровательные поэтические слова о днях их любовной близости: «Самые сердечные воскресенья в моей жизни». Если когда-либо человек был благословен в его страстях, то это был Рихард Вагнер.

И все же здесь тоже пробежала черная кошка. В 1865 году, через шесть лет после расставания с Матильдой, композитор поручил мадам фон Бюлов написать фон Везендонк «от имени его Величества короля Баварии⁵⁶», чтобы Матильда вернула композитору портфель со статьями и набросками, которые Вагнер в дни их близости доверил женщине на хранение. Естественно, Матильда написала ответ прямо Вагнеру, приложив список всего, что хранилось в портфеле, и добавила в конце письма: «Прошу Вас, сообщите мне, какие рукописи Вам необходимы и желаете ли Вы, чтобы я их Вам отправила?» В культе любви женщины почти всегда благороднее и прекраснее лучших мужчин. Ответ Вагнера, будто король намерен опублико-

⁵² Генрих Фогль (1845—1900) – немецкий оперный певец (тенор). Первый исполнитель теноровых партий в «Кольце Нибелунгов» Р. Вагнера.

⁵³ Тереза Фогель (1846—1921) – оперная певица (сопрано). Урожденная Тома. Первая исполнительница ряда партий в операх Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов».

⁵⁴ Козима Вагнер (1837—1930) – вторая жена Рихарда Вагнера, дочь Ференца Листа. В первом браке носила фамилию фон Бюлов. Сооснователь и многолетний руководитель Байройтского фестиваля.

⁵⁵ Агнесса Матильда фон Везендонк (1828—1902) – немецкая поэтесса, супруг ее оказывал всестороннюю финансовую помощь композитору, Матильда была платонической музой Вагнера.

⁵⁶ Людвиг II Баварский (1845—1886) – король Баварии в 1864 – 1886 гг. Из династии Виттельсбахов. Главный меценат в жизни Р. Вагнера. Вошел в историю как «сказочный король» благодаря эксцентричному поведению и построенным при нём замкам, самый знаменитый из которых Нойшванштайн.

вать его статьи, не оправдывал того, что композитор позволил Козиме продемонстрировать ее превосходство над великодушной соперницей. Опубликовав письма Вагнера к ней и его венецианский дневник, Матильда уже после своей смерти поквиталась с Козимой. И снова Козиме не удалось превзойти ее.

Дочь Листа оставила фон Бюлова ради Вагнера, предпочла, как кто-то сказал, «Бога своему Пророку», но так и не смогла достичь его высот. Много лет спустя Козима встретила фон Бюлова, который, желая помириться, сказал:

– В конце концов, я прощаю тебя.

– Дело не в прощении, – ответила женщина. – Дело в понимании.

И в 1902 году, узнав о возможности публикации откровенных писем Вагнера к Матильде, Козима сначала написала, что «Мастер хотел, чтобы эти бумаги были уничтожены» (*der Meister wunschte beiliegende Blatter vernichtet*). Но когда стало ясно, что письма будут обязательно опубликованы, она превозмогла себя и не только любезно согласилась на это, но добавила четырнадцать писем от Матильды фон Везендонк, которые нашла среди бумаг Вагнера.

Эта история, думаю, представляет существенный интерес для истории культуры. Козима оказалась равной Вагнеру и заслужила его похвалы как «интеллектуально превосходящая даже Листа». Но тот, кто основательно изучает жизнь Вагнера, думаю, признает, что именно Матильда вплела первые розы радости в его терновый венец, и именно она помогла композитору достичь его недосыгаемых для смертных творческих высот. «Кольцо...» и «Парсифаль», как утверждал сам Вагнер позже, составляют его главное послание человечеству.

Козима была истинной спутницей его души, подарившей ему счастье и золотые дни. Но не может быть никаких сомнений в том, что Матильда была Рахилью его расцвета и вдохновительницей всех его благороднейших художественных шедевров.

Годы спустя Вагнер сам написал всю правду. «Мне совершенно ясно, что я никогда больше не изобрету ничего нового. С Матильдой моя жизнь расцвела и оставила во мне такое богатство идей, что с тех пор мне оставалось только возвращаться к сокровищнице и выбирать все, что захочу развить... Она была и остается моей первой и единственной любовью; с нею я достиг зенита: в этих божественных годах заключена вся сладость моей жизни». Возлюбленная была вдохновляющим гением не только «Тристана», но и «Нюрнбергских мейстерзингеров», и нетрудно будет доказать, что лучшие фрагменты в «Парсифале» связаны с Матильдой. Она вовремя вошла в жизнь гения. В конце концов, ему было далеко за пятьдесят, когда начались их отношения с Козимой.

В жизни Вагнера три человека сыграли выдающуюся роль: Матильда фон Везендонк, король Людвиг II Баварский и Козима Лист (фон Бюлов). В написанном мною «портрете» Вагнера я мало говорил о Козиме, но она, несомненно, была главным человеком в поздний период его жизни. Их пребывание в Трибшене с 1866 по 1872 год было не только самым счастливым временем, но и весьма продуктивным.

И конечно же рождение сына, которого Вагнер смело окрестил Зигфридом. Вместо того, чтобы жить с такой женщиной, как его первая жена⁵⁷, которая постоянно убеждала его идти на компромисс со всеми условностями и не верила в его гений, композитор наконец-то нашёл умнейшую заботливую супругу и мать его ребенка.

"Eine unerhört seltsam begabte Frau! Liszts wunderbares Ebenbild nur intellectual uber ihm stehend" (Необычайно одаренная женщина! Фрау Лист интеллектуально превосходит его).

Счастливый Вагнер работал изо всех сил. Он сочинял музыку с восьми утра до пяти вечера. В те счастливые плодотворные годы композитор завершил «Нюрнбергских мейстер-

⁵⁷ Христиана Вильгельмина (Минна) Планер (1809—1866) – оперная певица, первая жена Рихарда Вагнера. Крещённая еврейка. Супруги разошлись в 1848 г.

зингеров» (возможно, его самая характерная работа)! Он также закончил «Зигфрида» и сочинил почти всю «Гибель богов».

Тогда же Вагнер написал свое лучшее произведение, своего «Бетховена». В Трибшене он даже начал публиковать последнее издание своих работ.

Победа⁵⁸ 1870 года стала своего рода венцом его счастья. Наконец-то Германия, которую он любил, обрела честь и славу в мире людей. Теперь он тоже будет жить долго и сделает немецкую оперную сцену достойной немецкого народа.

Вагнер действительно был столь же нежен, сколь и страстен, и вся его натура расширялась в этой атмосфере благополучия, ободрения и благоговения. Он принял тон и манеру великого человека. Он не мог терпеть противоречий или критики, даже от Ницше. И это заблуждение приносило композитору немало неприятностей. Если мы, смертные, не смотрим на землю, мы спотыкаемся.

Однажды, беседуя со мной, Вагнер рассказал легенду о Летучем Голландце и заявил, что слышал эту историю тридцать пять лет назад от одного моряка, когда путешествовал из Риги в Лондон. Я не удержался и перебил его:

– А я думал, что этот сюжет вы взяли у Гейне – искупление героя любовью?

– Эту историю мне рассказал моряк! – настаивал учитель. – Гейне взял этот сюжет из голландской театральной пьесы.

Но такой голландской театральной пьесы не существует в природе. Читатель может сказать, что Вагнеру простительно заблуждение в таких пустяках. Но ведь композитор утверждал, что Гейне позаимствовал сюжет из чужого произведения.

В отношении легенды о Тангейзере такое объяснение невозможно. Вагнер всегда признавал, что взял эту историю из простого фольксбуха⁵⁹ (aus dem Volksbuch und dem schlichten Tannhauserlied). Искали – нет такого фольксбуха, нет такой легенды.

Когда однажды я говорил со страстным восхищением о Гейне и ставил его и Гёте намного выше Шиллера, Вагнер прервал меня:

– Вы чрезмерно увлеклись! Восторг вверг вас в заблуждение. Гейне был всего лишь простым лирическим поэтом, в то время как Шиллер – великий драматический гений.

При этом Вагнер был обязан гению Гейне самыми прекрасными немецкими легендами, которые он положил на музыку. Думаю, что в будущем его отрицание Гейне (хотя и малоизвестное ныне), станет темным пятном на образе Вагнера, который во многих иных вопросах был гораздо благороднее. Что это доказывает? Да то доказывает, что Вагнер был намного менее искренен, чем Бетховен, и что не было в нем той магии понимания любви, которой столь щедро одарил Шекспир даже своего соперника Чапмена⁶⁰. То, что Вагнер мог искусно притворяться в подобных случаях, всегда казалось мне низводящим композитора ниже его истинного уровня. Почему гениальные люди, освещающие нашу жизнь своим существованием, оставляют такие пятна на памяти о них? Чтобы омрачить их сияние?

⁵⁸ Имеется в виду разгром под Седаном армии Наполеона III и победа во франко-прусской войне, позволившая объединить раздробленную Германию в единое королевство.

⁵⁹ Фольксбух – сборник всевозможных историй из средневековой литературы.

⁶⁰ Джордж Чапмен (1559—1634) – английский поэт, драматург и переводчик. Создатель канонических английских переводов поэм Гомера.

Глава V. Афины и английский язык

Я никогда не смогу передать словами естественную красоту, хотя видел пейзажи столь прекрасные, что одно воспоминание о них вызывает слезы на моих глазах. Есть два города – Афины и Рим, – которые невозможно описать. Их надо видеть и изучать, чтобы ощутить и осознать. Афины производят впечатление изысканной простоты, Рим – утонченной сложности. Красота человеческого тела – это первое впечатление. Величие фигуры мужчины и чувственная привлекательность женщины – это то, что Афины дают приезжему в первые же мгновения. Рим иной. В Риме сошлись добрая дюжина цивилизаций, и каждая цивилизация воздействует на чужака и призывает его по-своему.

На вторую ночь моего пребывания в Афинах была почти полная луна. По всему небу на ярко-синем фоне виднелись маленькие белые облачка, похожие на серебряные щиты, отражавшие тусклое лунное сияние. Делать мне было нечего, поэтому я пересек площадь, где стояли дворцовые казармы, и через Пропилеи поднялся на Акрополь.

Когда я стоял перед Парфеноном, чистая красота его руин пела мне, как изысканный стих. Я провел там ночь, просто ходил взад-вперед по Акрополю. От кариатид Эрехтеума – к фризу Парфенона, затем к храму Ники Аптерос и обратно. Когда наступил рассвет и первые лучи солнца осветили Акрополь, я стоял, сложив руки за спину, и моя душа трепетала от восхищения и благоговения перед красотой, увиденной мною в тот раз.

Город Афины – чистое язычество. Его храмы, как и его поэзия, взывают к сокрытой в нас глубочайшей человеческой сущности. Эти здания не ведут взгляд от вершины к вершине в бесконечность, как делают шпили готического храма. Храм здесь, если можно так сказать, рамка для изысканных белых контуров мужчин и женщин на густо синем фоне. Это комната, где встречаются благородные мужчины и благородные женщины: Перикл и Фидий, Сократ и Аспазия. Здесь великий поэт Софокл, сам образец красоты. Он прохаживается среди изящных девушек-женщин с их яблочными грудями и округлыми твердыми бедрами.

Здесь живет само обожествленное человечество, и эта религия привлекает меня более любой другой – как своей чувственностью, так и своим благородством. Вот самые красивые тела в мире. Это тот мир, который следует целовать. Но здесь есть и мужество, которое улыбается Смерти. Я вспоминаю слова Сократа в «Критоне»⁶¹: «Оставь же это, Критон, и сделаем так, как указывает бог».

Да, высшее в нас – наш Бог и проводник! Есть ли что-нибудь выше? В Сократе мы, кажется, касаемся зенита человечества, но заповедь Иисуса еще слаще: все мы, люди, нуждаемся в прощении, все нуждаемся в любви, и даже дарить любовь благословеннее, чем получать ее.

Но язычество – это первая религия, и Афины – ее родина, ее алтарь и дом.

Оскар Уайльд как-то сказал мне, что еще школьником он признавал свою гениальность и был совершенно уверен, что станет великим поэтом, прежде чем уедет из Дублина в Оксфорд.

Я достиг некоторой оригинальности в двадцать пять лет, когда увидел Шекспира так же ясно, как видел его и в сорок лет. И все же мне было далеко за тридцать, когда я впервые подумал, что могу стать великим писателем. Я всегда мучительно признавал, что у меня нет писательского таланта. Я всегда повторял то, что Бальзак сказал о себе: «*sans genie je suis flambe*» (если я не гений, мне конец!)

⁶¹ «Критон» – древнегреческий философский трактат, написанный в IV в. до н.э. либо Платоном, либо одним из его учеников.

Когда я решил отправиться из Мюнхена в Грецию, я уже знал, что изучаю языки достаточно долго, но великие классики и их герои не производят на меня особого впечатления. За исключением Сократа, никто из них не приблизился к моему идеалу.

Софокл, с моей точки зрения, повторялся. Его «Электра» была скверной копией его же «Антигоны». Он закончил своего «Аякса» политическим монологом в пользу Афин. Он был мастером слова, а не жизни или искусства. Читая Софокла, я лишь потерял время жизни.

Римлян для меня вообще не было, за исключением Тацита и Катулла, влюбленного в Клодию-Лесбию. И, конечно, Цезарь, который был для меня почти идеалом писателя и человека действия.

Четыре года упорной учебы мало что мне дали. Пара месяцев в обществе Скобелева были плодотворнее для духа и души, ибо они укрепили мой идеал энергичной жизни, прожитой в презрении к условностям.

Я отправил свой багаж грузовым судном и пешком пропутешествовал через горы в Инсбрук, а оттуда сел на поезд до Венеции. Впервые я вознамерился лицезреть собственными глазами красоты ненормального мира: каналы вместо улиц, Мост вздохов произвёл в сотни раз большее впечатление, чем несметное количество Бруклинских мостов или даже мостов Ватерлоо. Великая фраза Марло⁶² часто возвращалась ко мне тогда: «Я один!».

В первые две недели, проведённые в Венеции, я приложил максимальные усилия и к концу мог свободно объясняться с местными на их языке. Но когда я посетил народный театр, где говорили на венецианском диалекте, не понял ни слова и первое время чувствовал себя выброшенной на берег рыбой. И все же я был в состоянии вникнуть в суть происшедшего на сцене, и стал посещать театр ежевечернее. Примерно через неделю, уже после прочтения «Помолвленных»⁶³ и лучшего из Данте, я начал понимать венецианский диалект даже в дешевых забегаловках, где уловил проблески обычной венецианской жизни. Повсюду рабочий класс является наиболее своеобразным и, следовательно, наиболее достойным изучения.

Но мне очень хотелось в Грецию, поэтому я купил проезд на яхте Флорио⁶⁴ и отправился в путь. На борту был сам синьор Флорио. Мы познакомились и подружились. Он, открыв бутылочку «Марсалы»⁶⁵, уверял меня, что это, пожалуй, единстве итальянское вино, которое стоит пить. От Флорио я много слышал о Сицилии и решил, что на обратном пути непременно сделаю остановку в Палермо или Сиракузах.

На корабле был маленький хроменький греческий мальчик. Мать везла его в Афины для операции. Она казалась очень подавленной. В пути я узнал, что отец ребенка уехал в Штаты и с тех пор не написал ни строчки, а у матери не было достаточно средств для операции. Сколько это будет стоить? Пятьсот драхм. У меня было чуть больше названной суммы. Я отдал недостающее матери и пожелал ей взбодриться. Женщина много плакала и целовала мне руку. Даже не знаю, почему отдал деньги, поскольку сам остался на мели. Теперь не хватало даже на вино. Пришлось ограничить себя одной бутылкой на два дня. В конце плавания мой счет за дополнительные услуги и чаевые забрал все, что у меня было.

⁶² Кристофер Марло (1564—1593) – английский поэт, переводчик, драматург елизаветинской эпохи, наиболее выдающийся из предшественников Шекспира, разведчик.

⁶³ «Помолвленные» (иначе «Обрученные») – первый исторический роман, написанный на итальянском языке. Опубликовано в 1827 г. А. Мадзони.

⁶⁴ Флорио – одно из богатейших в к. XIX в. семейств Италии.

⁶⁵ «Марсала» – крепкое десертное вино из Сицилии, имеющее некоторое сходство с мадерой, но отличается от неё большим содержанием сахара.

В Пирее я обнаружил, что у меня нет денег, чтобы заплатить лодочникам за перевоз моего багаж на железнодорожную станцию. Как я проклинал тогда свою неразумную щедрость! Какое мне было дело до того мальчика, чтобы быть таким великодушным?

В тот раз я вошел в каюту и тайком оглядел пассажиров. Мой выбор пал на молодого человека, весьма похожего на еврея, только нос у него был прямой. Я подошел к нему, рассказал о своей проблеме и спросил, не одолжит ли он мне немного денег. Незнакомец улыбнулся, достал бумажник, в котором оказалась целая стопка банкнот.

– Могу я взять это?.. – с надеждой спросил я и коснулся пальцем банкноты в тысячу драхм.

– Конечно, – разрешил он. – Всегда готов помочь.

– Дайте мне, пожалуйста, вашу визитку, – продолжал я, – и через неделю, как только получу деньги из Лондона, верну вам долг. Я еду в отель «Гранд-Бретань».

– Все богатые англичане останавливаются там, – согласился он. – Но я предпочитаю «Отель д'Атенс».

И мы пожали друг другу руки. В ту ночь я спал в номере, окна которого выходили на Дворцовую площадь и Акрополь.

Джентльмена, одолжившего мне деньги, звали Константино. Он был владельцем, если я правильно помню, газового завода в Пирее. Когда я отправил запрос в свой лондонский банк, они прислали заказанную сумму, но с условием, что я смогу удостоверить свою личность. Это привело меня в британское посольство, где я познакомился с первым секретарем Рейксом, который был достаточно любезен, чтобы без проволочек удостоверить мою личность.

Я пригласил его и Константино на ужин. Деньги вернул с тысячью благодарностей. Мы с Константино остались друзьями на многие годы.

В «Отеле д'Атенс» несколько студентов-иностранцев встречались раз в неделю по вечерам и обсуждали все, что было связано с греческим языком, литературой, искусством и жизнью. Студенты эти были в основном талантливыми парнями и уже учились в аспирантуре. Они приехали в Грецию из Италии, Франции, Германии, не было ни одного англичанина и ни одного американца. Рейкс навещал нас примерно раз в месяц. Он был не только первым секретарем или кем-то в этом роде в британском посольстве, но и братом генерального почтмейстера⁶⁶ Великобритании. Мы называли его «Долговязый Рейкс», потому что он был ростом около шести футов пяти дюймов. Раньше я думал, что Рейкс сделает что-то запоминающееся в своей жизни, потому что у него был удивительно ясный ум. Сегодня я так уже не думаю.

Был еще немец Лоллинг, который позже стал главой Археологического института в Берлине, если не ошибаюсь, и который написал знаменитый путеводитель Бедекера⁶⁷ по Греции. Потом были итальянец (кто-то вроде помощника куратора галереи Питти во Флоренции) и удивительный француз, мужчина лет сорока или сорока пяти, с прекрасной осанкой и великолепной головой, который превосходно говорил почти на всех европейских языках – единственный француз, которого я когда-либо видел, кто говорил по-английски так чисто, что никто не мог угадать в нём иностранца. Я забыл его имя, но мы называли его Бароном.

⁶⁶ В англоязычных странах – главный исполнительный директор почтовой службы; в Великобритании эта должность была упразднена в 1969 г., её заменил министр почт и коммуникаций.

⁶⁷ Карл Бедекер (1801—1859) – немецкий путешественник и издатель. Основал в 1827 г. в Кобленце издательство путеводителей по разным городам и странам. Известным при жизни его сделали непревзойденная достоверность и издательское качество путеводителей, носящих его имя, быстро ставшее нарицательным для изданий такого вида.

Помню, как однажды вечером Рейкс привел мистера Брайса⁶⁸, впоследствии лорда Брайса, который тогда собирался совершить свое первое турне по Греции.

Несколько греческих профессоров из университета приходили довольно регулярно. Одного из них я окрестил Платоном, и прозвище прижилось. Забыл вот его настоящее имя. У него были очаровательные манеры, он был необычайно умен и начитан во всяких посторонних предметах. Например, он знал Южную Африку и особенно Капскую колонию почти так же хорошо, как я, хотя в отличие от меня он никогда не ступал на землю этой страны.

Однажды вечером я пришел на заседание довольно поздно, и председатель его, вальяжно развалившись в кресле, сообщил, что у них была интереснейшая дискуссия о европейских языках. К вящему удовольствию в ходе дискуссии собрание пришло к единому мнению. По его словам, все согласилось с тем, что итальянский – самый музыкальный язык Европы, испанский был исключен по причине его резких гортанных звуков. Немецкий язык сочли лучшим инструментом для абстрактного мышления и действительно мощнейшим средством для обобщений. Французский избрали как лучший язык дипломатии, поскольку очень точный, простой и пользующийся широкой популярностью во всех концах христианского мира. Таковы были некоторые общие выводы собрания.

– Все это очень интересно, – согласился я. – Но куда, черт возьми, вы подевали английский язык?

– Английский, – ответил немец, – конечно, весьма прост и логичен, но почти лишен грамматической конструкции и каких-либо правил произношения. Поэтому мы его не рассматривали. Будем рады выслушать ваши аргументы в его защиту, если вы, конечно, желаете что-либо сказать.

Я сразу же взял быка за рога. Начал с того, что английский язык – самый музыкальный из всех упомянутых здесь. Ответом мне был общий веселый смех.

Синьор Манцони, итальянец, хотел знать, серьезно ли я говорю. Он полагал, что не сложно продемонстрировать английский язык, как самый какофонический из всех европейских языков.

– Для начала позвольте мне высказать свою точку зрения, – возразил я. – На каком основании вы утверждаете, будто итальянский язык – самый музыкальный?

– По причине наших прекрасных открытых гласных звуков, – ответил Манцони. – У нас нет резких гортанных или свистящих звуков.

– Но в английском есть пять чистых гласных звуков. И еще много других, в том числе есть шесть или семь различных звуков для «о» и четыре или пять различных звуков для «а». На самом деле, у нас есть около двадцати гласных звуков в отличие от ваших пяти. Действительно ли вы утверждаете, что чем меньше инструментов в оркестре, тем божественнее музыка?

– Понимаю... – с сомнением произнес Манцони. – Мы не рассматривали вопрос с этой стороны. Должен признать, хорошая мысль. Но и вы должны признать, что ваши английские «с» еще больше огрубляют язык, чем немецкие гортанные.

– Шипящих можно избежать! – парировал я. – Не всегда, конечно, но все же... Главное, признайте, что оркестр гласных в английском языке больше, чем в любом другом европейском языке. И еще вам придется признать, что в англоязычной литературе присутствуют величайшие поэты мира. А коли так, вряд ли можно сомневаться в музыкальности языка. Кроме того, не сомневаюсь, что все присутствующие согласятся – самая сложная музыка, наверняка, лучшая!

⁶⁸ Джеймс Брайс, 1-ый виконт Брайс (1838—1922) – британский государственный деятель, правовед, историк, альпинист, путешественник. Президент Британской академии (1913—1917 гг.), член Международного суда в Гааге (с 1914 г.). Один из инициаторов создания Лиги Наций.

– Я признаю ваши аргументы, – задумчиво проговорил Манцони. – Было бы справедливо, если бы мы условились, что у вас, англичан, лучший оркестр, а у нас, итальянцев, лучшие в мире струнные квинтеты.

– Пусть будет так! – рассмеялся я – Но если вам интересно мое мнение, могу заверить, что в английском стихе есть такие тонкие и музыкальные ритмы, что я ставлю его выше всей другой поэзии в мире, даже выше лучших творений Гёте. Вспомните, например, хваленого грека Еврипида, который неизменно ставит цезуру на второй слог: его музыка механична, как беговая дорожка. И никто не говорит вам об этом; все восхваляют его – как ученые, так и поэты:

...

И Еврипид – человек,
С теплом его слёз,
С касаниями к земным предметам до того,
Как вознесутся они в небесные сферы⁶⁹.

...

– Кроме того, этот вопрос решается иначе. Всего столетие назад на английском говорили около пятнадцати миллионов человек. Сегодня – почти двести миллионов. И число таких растет с необычайной скоростью. К концу XX века таких будет уже четыреста, даже пятьсот миллионов разговаривающих по-английски. Единственным настоящим конкурентом для нас остаются русские. Но и русские нам уступят, как только Австралия и Центральная Африка заговорят на английском. Вердикт человечества в пользу английского языка как языка самых прогрессивных и самых многочисленных народов мира. И я склонен полагать, что только такое суждение и верно.

Помнится, через год или около того Тургенев говорил мне, что он предпочитает русский язык немецкому или французскому (хотя сам превосходно говорил на обоих языках). Он настаивал на том, что русский язык гораздо богаче, гораздо более тонкий инструмент, чем немецкий, и «он уже гораздо более широко распространен» – таким был его последним аргумент.

– Выживает, – сказал Барон, – наиболее приспособленный, но наиболее приспособленный далеко не всегда является лучшим или высшим. Несмотря на ваши аргументы, и они превосходны, я расцениваю выводы, сделанные до того, как вы возобновили дискуссию, как более близкие к истине во многих существенных аспектах. Я все еще думаю, что итальянский язык более музыкальный, чем английский. Вы никогда не докажете, что английский «критчер» так же музыкален, как кре-а-ту-ра (он произнес это слово раздельно в четыре слога). А французский все равно останется лучшим языком для дипломатии, чем английский, поскольку имеет более тонкие оттенки вежливости, более точные оттенки для любезной беседы. У нас, французов, есть пятьдесят разных выражений для окончания послания. Сравните: «Yours sincerely», «Yours truly», «Yours faithfully»⁷⁰. Я полагаю, что во всех вопросах вежливости у нас есть полный оркестр, а у вас нет ничего, кроме банджо, тарелок и барабана!

– Это заявление, – ответил я, – безусловно, нуждается в доказательствах. Дайте мне любое из выражений, которыми вы заканчиваете свои письма, и я без труда переведу их на английский язык, придав им тот самый оттенок смысла, который вы хотели бы передать.

– Простите, – возразил он, – но вы даже не сможете перевести «Дружеские отношения»! Тень между любовью и дружбой проскользнет сквозь большую английскую сетку и исчезнет.

– Мы можем сказать: «your loving friend» (Ваш любящий друг), – сказал я, – или «your friend and lover» (Ваш любезный друг), или «your affectionate friend» (ваш любящий друг). Проблем нет.

⁶⁹ Подстрочник четверостишия Элизабет Баррет-Браунинг (1806—1861).

⁷⁰ Все три словосочетания переводятся с французского как «Искренне ваш».

На несколько минут спор принял общий характер. Каждый спешил предложить мне фразу, которую, по его мнению, было бы трудно перевести на английский, но все они с легкостью переводились. Наконец, я возобновил дискуссию, сказав:

– Позвольте мне предложить вам перевести один пример из английского языка. Свое сочинять не стану. Вот хорошо известная цитата из Раскина, который восторгался венецианскими художниками. Попрошу перевести её. «Venice taught these men, – писал он, – to love another style of beauty; broadchested and level-browed like her horizons; thighed and shouldered like her billows; footed like her stealing foam; bathed in clouds of golden hair like her sunset». (Подстрочный перевод: «Венеция научила этих мужчин любить другой стиль красоты: широкогрудую и равнобедренную, как ее горизонты; широкоплечую и плечистую, как ее волны; ступающую, как ее крадущаяся пена; купающуюся в облаках золотых волос, как ее закат».) Барон, не спешите переводить на французский язык «бедра и плечи, как ее волны» или «ступающая, как ее крадущаяся пена». Думаю, сложновато будет перевести эти фразы на любой современный язык, да еще не потерять их поэтичность и красоту. Теперь, надеюсь, вы признаете, что перевести на английский подобные фразы с французского и немецкого языка не составляет особого труда.

– И что же вы в действительности думаете об английском языке? – поинтересовался Лоллинг.

Польщенный вопросом, я сделал все возможное, чтобы подвести справедливый итог своему выступлению.

– Кто-то из филологов, или Макс Мюллер⁷¹, или Карл Вернер⁷², поставил меня на путь истинный, сказав, что у англичан больше возможностей субстантивации⁷³, чем в любом другом языке. Английский язык, как мне кажется, потерял почти все грамматические формы в борьбе за существование. Он более прост, более логичен, чем любой другой современный язык. Необразованные люди могут использовать его легче, чем любой другой язык, даже легче, чем французский, и это качество делает его пригодным для распространения по всему миру. Его истинная слабость в звуке, как известно Барону, заключается в привычке подчеркивать первый слог, который имеет тенденцию сокращать все слова. И еще шипящий звук, которого следует избегать, насколько это возможно. Худшая слабость в том, что английский язык характеризуется скудостью глаголов, хотя, как ни странно, рождён народом, более кого-либо склонном к действию. Но здесь поэты пришли на помощь и превратили настоящие причастия в глаголы, как в отрывке, который я процитировал из Раскина. Им же удалось превратить существительные в глаголы: «she cupped her face with her hand» (она закрыла лицо рукой); «he bottled up his wrath» (он сдержал свой гнев); «he legged it away» (он убрал его). Это всего лишь примеры, показывающие, как богатство английских существительных превращается в удивительное, неожиданное богатство английского языка в живописи глаголов. Во всех современных европейских языках есть прилагательные и эпитеты для изображения во всех цветах палитры, но только англичане способны использовать причастия настоящего времени, которые являются наполовину прилагательными, а наполовину глаголами, превращать даже существительные в глаголы, и таким образом придавать языку живописную красоту и скорость.

Хотя мне очень нравится классический греческий язык, греческий язык Платона и Софокла, я все же считаю язык Шекспира и Китса самым прекрасным в мире. Вот почему я возмущаюсь тем, как им протитутуют и как его деградируют современные носители. Аристократия Англии из снобизма унизила свой язык до нескольких обмылков. Поколения сно-

⁷¹ Фридрих Макс Мюллер (1823—1900) – немецкий и английский филолог, религиовед, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

⁷² Карл Адольф Вернер (1846—1896) – датский языковед.

⁷³ Субстантивация – переход в разряд имён существительных других частей речи (прилагательных, глаголов, причастий, числительных).

бов пытаются отгородиться от среднего класса не совершенством речи, а идиотскими шиббо-летами⁷⁴. Английский аристократ унижает свой язык так же, как уличный бродяжка, который знает только одно прилагательное – «bloody» (кровавый). Английские аристократы глумятся над идеалом! Они знают очень много о внешнем: о теле и о мужской одежде, о социальных обрядах и тривиальных вежливостях... Но, увы! Они мало что соображают об уме и вообще ничего не знают о душе. Ничего!!! Какой аристократ в Англии когда-либо думал о том, чтобы развивать свои мыслительные способности так же, как многие школьники тренируют свои мышцы? До почти совершенной силы и красоты, при этом инстинктивно зная, что ни одна мышца не должна быть чрезмерно развитой, но все должно быть в полной гармонии. Даже в этом индуистский йог знает больше о мышцах сердца, желудка и кишечника, как о наиболее важных частях тела. Ни один англичанин не считает сегодня позорным быть полным невеждой в отношении немецкого, французского, итальянского и русского языков, а заодно не иметь ни малейшего понятия о достижениях этих народов в области мысли, искусства и литературы...

– Верно, верно, – воскликнул Барон, перебивая меня. – Об этом необходимо упомянуть. Но что именно вы подразумеваете под «душой»? И как можно ее развивать?

– Должен признаться, что сам мало разбираюсь в этом. Но побывав проездом в Индии, я успел как-то почувствовать ЭТО. В тот раз я пообещал себе вернуться и полгода-год усваивать мудрости Востока. Гаутама Будда всегда производил на меня впечатление одного из благороднейших людей, и там, где хотя бы одно дерево вырастает до неба, почва и климат должны быть достойны изучения. Но мы ушли далеко в сторону от нашей темы.

– Позвольте мне сказать, – подхватил Барон. – Я думаю, что Франция почти во всех отношениях лучше Англии и ближе к идеалу. Каждый француз любого интеллекта уважает порождения ума – искусство и литературу – и старается говорить по-французски как можно правильнее, в то время как в Англии нет ни одного класса, который таким же образом заботился бы о прекрасном наследии своего народа. А какой вид напускает на себя английский аристократ! Он едва ли человек. Вы заметили, что единственные, кто не приходит на наши встречи, это английские студенты? И это притом, что они нуждаются в космополитическом образовании больше кого-либо иного.

Афины хранят много незабываемых воспоминаний о моей жизни. Однажды я рассматривал фигуры в колоннаде Храма Ники Аптерос, когда вдруг заметил, что женские платья там туго обтягивают грудь, чтобы подчеркнуть очертания изысканной красоты изгибов – чистая чувственность художника.

Тридцать лет спустя я спросил у Родена, что он думает об этом, и этот гений заявил, что изображения греческих богов Парфенона столь же неприкрыто чувственны, как и любые фигуры в пластическом искусстве.

В те дни в «Отеле д'Атен» я встретил еще одного человека, который, возможно, заслуживает того, чтобы его запомнили. Однажды управляющий отелем представил мне высокого симпатичного англичанина.

– Майор Гири, мистер Харрис. Я сказал майору, – продолжал он, – что вы больше знаете об Афинах и обо всей Греции, чем любой из моих знакомых. Майор хотел бы задать вам несколько вопросов.

⁷⁴ Шибболеты – лингвистический термин, основанный на библейском слове «течение». В переносном смысле означает характерную речевую особенность, по которой можно опознать группу людей (в частности, этническую), своеобразный «речевой пароль», который неосознанно выдаёт человека, для которого язык – неродной.

– Постараюсь ответить. Если смогу, конечно, – сказал я, потому что майор Гири был хорош собой и, очевидно, принадлежал к высшему классу. Высокий и, конечно, хорошо сложенный, хотя и сказал мне, что несколько лет назад оставил королевскую артиллерию и теперь подвизался в компании «Армстронг»⁷⁵.

– Дело в том, – начал майор, – что меня направили прорекламировать наш товар в этом регионе. Атташе в посольстве рекомендует прямо обратиться к королю Георгу I.

– Бессмысленно. Король не поможет. Вы знаете Харилаоса Трикуписа⁷⁶? Он сейчас вновь премьер-министр. Отправьте ему письмо, это будет лучший путь к его доверию.

Гири поблагодарил и последовал моему совету. Немного позже мы вместе пообедали, и я нашел его замечательным человеком. Как ни странно, майор оказался редким знатоком английской поэзии. Шекспира он знал скверно, но большая часть английской лирики была его коньком. При этом Гири проявил поразительный вкус и знания.

Его любовь к английской поэзии сдружила нас, и однажды утром майор попросил меня сопровождать его на встречу с Трикуписом и некоторыми членами его кабинета. Компания «Армстронг» готова была предоставить грекам гораздо больший и более длительный кредит, чем Крупп или Крезо. Я пошел с ним тем охотнее, что мне не терпелось встретиться с Трикуписом, который мастерски написал «Историю революции».

Но на встрече Трикупис был занят делами, и у меня не получилось поговорить с ним наедине или конфиденциально. Ближе к концу заседания Гири вытащил великолепные золотые часы, подаренные ему товарищами, когда он уходил в отставку и покидал армию. На часах был выгравирован герб королевской артиллерии. Поскольку Трикупис не хотел навязывать решение своим коллегам, он был более вежлив с Гири и выразил свое восхищение часами. Гири тут же снял их с цепочки и передал премьер-министру рассмотреть поближе. Часами заинтересовался один из министров, затем другой – и часы пошли по кругу. Тем временем Трикупис тихонько заверил майора Гири, что его предложение будет серьезно рассмотрено в правительстве. Ответ будет дан в течение недели.

Когда Гири поднялся и с улыбкой спросил, где его часы, ответом ему были только растерянные взоры министров и общее молчание. Часы так и не появились. Трикупис нахмурился, явно испытывая брезгливость.

– Джентльмены, – сказал он наконец, – если часы майора Гири не найдутся в ближайшие пятнадцать минут, я вызову полицию и прикажу всех нас обыскать.

– Нет, нет! – запротестовал Гири, зная, что комиссионные, которые он надеялся получить от продажи пушек, были гораздо значительнее, чем стоимость часов. – Я предпочитаю их потерять. Пожалуйста, никакой полиции в вашем доме!

– Это, конечно, очень любезно с вашей стороны, – ответил Трикупис. – Я уверен, что кто-то машинально положил часы в свой карман, и теперь человеку, который случайно взял их, неудобно признаться в этом публично. Будет разумно, если мы погасим свет и выйдем. А тот, кто совершил такую неловкость, при выходе незаметно положит часы на маленький столик у двери. Так никто ничего не узнает.

– Замечательно! – поддержал Гири. – Вы нашли гениальное решение, – поклонился он премьер-министру.

Свет был выключен, и министры в полной тишине вышли в холл.

– Теперь, – сказал Трикупис спустя минут пять, – прошу взять ваши часы!

⁷⁵ «Армстронг» – крупнейшая оружейная компания Великобритании в конце XIX – начале XX в.

⁷⁶ Харилаос Трикупис (1832—1896) – греческий политик; пятикратный премьер-министр Греции, скончался на этом посту.

На столике ничего не было. Более того, до начала скандала там стояли часы в стиле Буль⁷⁷ – собственность премьер-министра. Теперь их там тоже не оказалось.

Неделю спустя часы всё же были найдены, я полагаю, усилиями Трикуписа. Их вернули майору, но сделка греков с компанией «Армстронг» сорвалась.

Я рассказал эту историю, потому что она в высшей степени характерна для Греции. И все же я люблю Грецию даже такой. Жизнь там бедная, очень бедная, отсюда и несколько низкий уровень морали чрезвычайно умного народа.

Когда я досконально узнал Афины и мог свободно говорить на современном греческом языке, я отправился с друзьями, немецким студентом и итальянцем, пешком через всю Грецию. Мы побывали в Фивах и Дельфах, поднялись на Парнас, и, наконец, я отправился один в эфирскую Янину, а затем, вернувшись, посетил Коринф, Спарту и Микены.

В Микенах мне посчастливилось одним из первых увидеть поразительную голову Гермеса Праксителя, несомненно, самое прекрасное лицо в пластическом искусстве. Ни одна Венера, будь то Милос или Книд, не обладает такой незабвенной интеллектуальной привлекательностью. Любопытно, что, хотя любовь – удел женщины, а любовь – самое глубокое чувство в жизни, все же самые глубокие выражения чувств, даже любви, не принадлежат женщине.

И все же я не могу поверить, что женщина ниже мужчины, и, конечно, она достаточно красноречива! Это тайна, которую предстоит разгадать в будущем какому-нибудь более мудрому человеку, чем я.

⁷⁷ Стиль Буль появился во Франции в XVII в. Назван по имени создавшего его мастера-чернодеревщика Андре Шарля Буля. Техника Буля предполагает использование различных экзотических материалов: слоновая кость, металл, панцирь черепахи, эбеновое дерево и др.

Глава VI. Любовь в Афинах. «Священный оркестр»

Я пробыл в отеле «д’Атен» около недели, когда заметил в холле хорошенькую даму. Она очаровала меня с первого взгляда. Горничная сказала, что это мадам М., номер ее был рядом с моим. Позже я узнал, что матушка ее, мадам Д., занимала апартаменты на втором этаже. Не помню, как я познакомился с нею, но мадам Д. оказалась женщиной доброй и легкой в общении. У нее имелся еще сын Жак Д., который служил в Пажемском корпусе в Париже. С ним я познакомился несколько лет спустя, но расскажу об этом в свое время.

С мадам М. мы вскоре подружились. Семейство было чистокровными греками. В Афины они приехали из Марселя и говорили по-французски так же хорошо, как и на современном греческом. М. уже два года состояла в браке с неким шотландцем, который на тот момент обретался где-то в Британии. Женщина предпочитала не говорить о своем супруге. Мать ее призналась, что данное замужество оказалось трагической ошибкой.

В свободные от занятий часы мое долгое воздержание тяготило меня, а мадам М. была необычайно хороша собою: худощавая и довольно высокая, с истинно греческим профилем, увенчанная копной черных волос. Я никогда не видел столь больших и красивых темных глаз, а ее хрупкая фигура обладала по-настоящему провокационной грацией. Звали ее Эйрин, т.е. «Мир». Вскоре она разрешила мне обращаться к ней по имени. Через три дня я признался, что влюблен в нее...

Мы вместе ходили на дальние прогулки. Однажды побывали на Акрополе, в тот раз я рассказал Эйрин об «Алтаре богов». В другой раз мы спустились на Агору. Потом побывали на рынке, где мадам М. научила меня кое-чему из современной греческой жизни и обычаев.

Однажды некая пожилая женщина приветствовала нас как влюбленных, и когда мадам М. заволновалась и сказала «ouk estiv» (это не так), старуха покачала пальцем и сказала:

– Он горит, и ты тоже загорисься.

Поначалу Эйрин совсем не уступала мне, но после месяца или около того общения и ухаживаний я смог украсть поцелуй и объятие. Медленно, день за днем, мало-помалу я приближался к цели. Помог мне случай. Забуду ли я его когда-нибудь?

В тот раз мы объехали весь город и вернулись только к вечеру. Когда поднялись на второй этаж, я очень тихо открыл дверь в апартаменты мадам Д. Как назло ширма перед дверью была отодвинута, и там, на диване в дальнем конце комнаты, я увидел ее мать в объятиях греческого офицера. Я осторожно приоткрыл дверь шире, чтобы Эйрин, шедшая следом, могла увидеть эту сцену, а затем так же бесшумно закрыл ее.

Когда мы свернули к нашим номерам, я заметил, как лицо мадам М. просветлело. У двери ее номера я остановился:

– Мой поцелуй!

И как во сне она поцеловала меня: пришёл мой «l’heure du berger»⁷⁸ (благословенный час).

– Ты придешь ко мне сегодня вечером? – прошептал я. – Внутренняя дверь в твоих комнатах ведет в мой номер.

Она посмотрела на меня своим непроницаемым женским взглядом, и впервые ее глаза выдали себя. В ту ночь я рано отошёл ко сну и тихонько отодвинул диван, который с моей стороны загораживал внутреннюю дверь в ее номер. Я попробовал открыть, но обнаружил, что дверь заперта с ее стороны. Увы!

⁷⁸ В данном случае обыграно название стихотворения Поля Верлена «Благословенный час». Перевод В. Вересаева.

В тот вечер, уже лежа в постели, я заметил, что около одиннадцати часов ручка двери с ее стороны шевельнулась. Я сразу же задул свечу, но жалюзи не были опущены, и комната была залита лунным светом.

– Можно войти? – спросила она.

– Можно?

Я в мановение ока вскочил с постели и обнял ее очаровательную мягкую округлую фигурку.

– Ты такая милая, – прошептал я и опустил Эйрин на свою кровать.

Она сбросила халат, под которым оказалась только ночная рубашка. В следующее мгновение я уже был на ней... Но мадам М. отстранилась, села и предложила:

– Нет, давай поговорим.

Я попытался было целовать ее, но к моему удивлению Эйрин вдруг сухо сказала:

– Ты читал последнюю книгу Эмиля Золя «Нана»?

– Да, – растерянно ответил я.

– Вот, – сказала моя визави, – ты знаешь, что под конец случилось с Наной⁷⁹?

– Да, – ответил я с упавшим сердцем.

– Ну, – продолжала она, – что, если такое же станет со мною? Я отчаянно боюсь родить незаконного ребенка. А как бы ты поступил на моем месте?

Минутное раздумье подсказало мне, что все дороги ведут в Рим. Поэтому я согласился с ее доводами и вскоре... мой паренёк скользнул между ее ног.

– Скажи мне, пожалуйста, как доставить тебе наибольшее удовольствие? – спросил я, нежно приоткрыл рукой губы ее лона и прижался к ним устами, а языком стал ласкать ее клитор. В этом не было ничего отталкивающего: клитор был гораздо чувствительнее рта. Не успел я поцеловать ее дважды, как она со вздохом откинулась на кровать и прошептала:

– Вот так, это божественно!

Ободренный, я, естественно, продолжил. Вскоре ее маленький комочек раздулся так, что я мог взять его в губы, и каждый раз, когда я сосал его, тело Эйрин конвульсивно двигалось. Вскоре она еще шире раздвинула ноги и подтянула их, чтобы впустить меня до конца. Теперь я варьировал движения, облизывая языком остальную часть ее вагины и просовывая свой язык в нее как можно дальше. Ее движения, ее дыхание становились все более и более судорожным, и когда я снова вернулся к клитору, взял его в губы и пососал, одновременно просовывая указательный палец вперед и назад в ее лоно, движения женщины стали более резкими, и она вдруг начала кричать по-французски:

– О, c'est fou! О, c'est fou! О! О! (Это безумие! Это безумие! О! О!)

И вдруг она зажала мое лицо в ладонях и прикинула губами к моим губам, как будто хотела укусить. В следующее мгновение моя голова снова оказалась у нее между ног, и игра продолжилась.

Мало-помалу я почувствовал, что мой палец потирает верхнюю часть ее лона, пока я ласкал языком ее клитор. Это явно доставляло ей наибольшее удовольствие. Еще минут через десять этой восхитительной игры она закричала:

– Фрэнк, Фрэнк, прекрати! Поцелуй меня! Остановись и поцелуй меня. Я больше не могу терпеть. Я цепенею от страсти и хочу кусать или щипать тебя...

Естественно, я сделал, как мне было велено. Ее тело распростерлось рядом с моим, наши губы встретились.

– Ты милый, – прошептала она. – Я так тебя люблю. Как чудесно ты целуешься.

⁷⁹ Согласно сюжету повести, распутная актриса Нана соблазнила мужчин и доводила их до разорения. Под конец от нее все отказались, её незаконно рождённый мальчик умер, сама она заболела черной оспой и скончалась в номере дешевой гостиницы. Опасаясь заразиться, никто не пожелал войти в ее комнату, чтобы предать тело земле.

– Ты научила меня этому, – подольстился я. – Я твой ученик.

Все это время мой возбужденный фаллос пытался войти в нее, но она все время отстранялась. Наконец Эйрин произнесла:

– Я бы с восторгом отдалась тебе, дорогой, но боюсь.

– Не бойся! – заверил я ее. – Если ты позволишь мне войти, я немедленно выйду, как только подступит семя. Поверь, здесь нет никакой опасности.

Но что бы я ни делал, что бы ни говорил, в ту первую ночь она не уступила и отказалась совокупляться.

Я достаточно хорошо разбирался в женщинах, а потому твердо помнил: чем дольше и искреннее я буду я сдерживаться и позволю желаемой даме взять инициативу в свои ручки, тем основательнее окажется моя награда. Несколько дней спустя я повел Эйлин на гору Ликабет⁸⁰ и показал ей «всё царство духа», как я называл Афины и их окрестности. Она просила рассказать о древнегреческой литературе.

– Была ли она лучше современной французской?

– И да, и нет. Всё было совершенно по-другому.

Эйрин призналась, что не понимает Гомера, но когда я читал припевы из «Царя Эдипа»⁸¹, она их поняла; и великая клятва в речи Демосфена: «Не теми, кто впервые столкнулся со смертью в Марафоне». – И благородное подведение итогов вызвало слезы на ее глазах: «Теперь по вашему решению вы либо прогоните наших обвинителей по суше и по морю, бездомные и бездомные, или вы дадите нам верное освобождение от всех опасностей в мире вечной тишины».

Услышав последние слова, она по собственной воле поцеловала меня.

Когда мы шли в тот день вниз по длинному склону Ликабета, внезапно она спросила:

– Ты больше не хочешь меня? Мужчины такие эгоистичные существа. Если женщина сразу не исполнит всё, чего они пожелают, уходят.

– Ты не веришь ни единому моему слову, – перебил я. – Когда это я уходил? Я жду твоего согласия и не намерен вечно беспокоить. Это все. Если бы ты видела, с какой надеждой смотрю я каждую ночь на ручку твоей двери...

– Скоро наступит ночь, и всё изменится, – взяла она меня под руку. – Не желаю решать важные вопросы, когда я вся дрожу от чувств. Но я все обдумала и верю тебе. Понимаешь? Я хочу верить тебе!

И глаза её были полны обещанием.

К счастью, когда ручка ее двери повернулась, я был начеку и обнял Эйрин, прежде чем она переступила порог. Любовная игра, которой она меня научила, продолжалась еще долго. Наконец, я устал и растворился в ощущениях. Она лежала в моих объятиях, и мое горячее, пульсирующее тело прижималось к ней. Я не стал спешить, а позволил женщине умолять меня. Но вот она прошептала:

– Мне неприятно напоминать тебе, но ты сделаешь то, что обещал?

– Да.

– И гарантируешь безопасность?

– Нет, но даю честное слово, что уберегу тебя от беременности.

В следующий миг Эйрин расслабилась в моих объятиях и отдалась на мою волю. Медленно я проник в неё, а она склонилась ко мне жадным ртом и целовала, целовала... Это было божественно, но так коротко – всего несколько толчков, и я был вынужден отступить, чтобы сдержать свое обещание.

⁸⁰ Другие названия этой горы Ликавиттос или Ликавит – самая высокая точка в городе.

⁸¹ Трагедия Софокла.

– О, великолепно! – вздохнула она, когда я выплеснул свою сперму, брызнувшую на носовой платок. – Но мне больше всего нравятся твои уста! Хотелось бы знать, почему? Твой язык ужасно возбуждает меня... Почему? Почему? Почему? Давай поговорим!

– Нет, дорогая! Давай продолжим. Теперь нет никакого риска. Я могу быть с тобой как угодно долго. Объясню тебе причину позже, но поверь мне на слово. Давай повеселимся!

В следующее мгновение я снова был в ней. Игра продолжилась с новой силой. Снова и снова она приходила в экстаз, и наконец, когда я прошел совсем высоко, чтобы еще больше возбудить ее, она вдруг закричала:

– О, о, que c'est fou, fou, fou! (Это ужасно, ужасно, ужасно!)

И укусила меня за плечо, а затем разрыдалась.

Естественно, я обнял ее и начал целовать. На этом закончилась наша первая большая любовь. После той ночи у нее не было секретов от меня, и мало-помалу она объяснила мне все, что чувствовала в бреду любви. Я полагал, что дал ей максимум удовольствия, но вскоре девица призналась, что предпочитает поцелуи в половую щель, чтобы продолжалось это минут десять или пятнадцать, а в завершение ее оргазма я могу ввести свой член, но быстро, жестко, будто насилую. Прежде все рассказы английских школьников о каком-то воображаемом сходстве между ртом и наружными губами половой щели, между носом и членом мужчины я неизменно находил враньем.

У Эйрин был довольно большой рот и очень маленькое красивое влагалище. У девушки с самым большим влагалищем и самыми толстыми губами (из всех, с кем я когда-либо имел связь) был маленький тонкий рот. То же самое и с мужчинами. Я уверен, что нет никакой связи между половыми органами и чертами лица. Изысканная любовница, Эйрин, с девичьим телом, маленькой круглой грудью и ротиком, который мне никогда не надоедал.

Часто после этого вместо прогулок мы возвращались в мою комнату и проводили день в любовных играх. Иногда ее мать подходила к двери ее номера, и она беззвучно смеялась и обнимала меня. Раз или два ее брат приходил ко мне, но мы лежали в объятиях друг друга и позволяли глупому внешнему миру стучать сколько угодно.

Мы забавлялись любовными играми. Благодаря Эйрин я узнал много нового для меня о женщинах. В первую очередь о своеобразных приливах и отливах их чувственности, причём чем естественнее любовная игра, тем надёжнее она дает ключ, так сказать, к сердцу и чувствам женщины. А для мужчины это главная награда, как сказал мудрый старый Монтень, который писал о «стоянии у дыбы и яслей перед едой».

Я всегда пытался добиться признаний от своих подруг об их первом опыте в сексе, но, за исключением нескольких француженок (по большей части актрис), мне мало что удавалось. В чем причина, должны объяснить другие, но я обнаружил, что девушки странно сдержанны в этом вопросе. Снова и снова, когда я лежал в постели с Эйрин, я пытался заставить ее рассказать мне о ее первом союжении. Наконец она призналась в одном приключении.

Когда ей было около двенадцати, в Марселе у нее была гувернантка-француженка. Однажды эта дама вошла в ванную, сказала Эйрин, что она долго купалась, и предложила помочь ей вытереться.

– Я заметила, – сказала Эйрин, – что она пристально смотрит на меня, и мне это понравилось. Когда я вышла в комнату, гувернантка завернула меня в халат, сама присела, посадила меня к себе на колени и начала вытирать. Когда она часто прикасалась ко мне там, я раздвинул ноги, и мадам очень ласково прикоснулась ко мне. Потом вдруг поцеловала меня... Страстно поцеловал в губы и оставил меня. Она мне очень нравилась. Она была милой, очень умной и доброй.

– Она когда-нибудь вытирала тебя снова?

Эйрин рассмеялась.

– Вы слишком много хотите знать, сэ, – только и сказала она.

Когда я вернулся в Афины в конце лета, я снял комнаты в народном квартале и жил очень скромно. Вскоре Эйрин навестила меня. Мы часто ходили в греческий театр, и во второй половине дня вместе часто читали Феокрита⁸². Но мадам М. была слишком однообразной, и весной я решил вернуться через Константинополь и Черное море в Вену, так как чувствовал, что мой *Lehrjahre* (годы ученичества) подходил к концу. Меня манили Париж и Лондон.

В один из последних вечеров Эйрин захотела узнать, что мне больше всего в ней нравится.

– У тебя множество хороших качеств, – начал я. – Ты всегда добродушна и рассудительна. О внешности и говорить не приходится: твои прекрасные глаза и гибкая хрупкая фигурка... Но почему ты спрашиваешь?

– Мой муж говорил, что я костлявая, – ответила она. – Он сделал меня ужасно несчастной, хотя я изо всех сил старалась угодить ему. Сначала я не испытывала к нему особых чувств, и это слово «костлявый» ужасно ранило.

– В одну из наших первых встреч, когда ты встала с постели, чтобы пойти в свою комнату, я приподнял твою ночную рубашку и увидел очертания твоих изгибающихся бедер. Это было одно из самых красивых очертаний, которые я когда-либо видел. Если бы я был скульптором, я бы давно изваял его. Какая глупость – «костлявая»! Этот человек не заслуживал тебя: выбрось его из головы.

– Да, – тихо ответила Эйрин, – в сердце женщины есть место только для одного возлюбленного, и именно ты вошел в мое сердце. Я рада, что ты не считаешь меня костлявой, но представляю, сколь безразлична тебе. Тебя волнуют лишь изгибы моей плоти. Это так много. Мужчины – вы забавные существа. Ни одна женщина не стала бы так высоко ставить простые очертания тела. Твоя похвала и неприязнь моего мужа равнозначны и равноценны.

– И все же желание рождается из восхищения, – поправил я возлюбленную.

– Мое желание рождено твоим, – ответила она. – Но женская любовь лучше и отличается от мужской тем, что она идет не от глаз, но от сердца и души.

– Но тело дает ключ, – пробормотал я. – И делает близость божественной!

Любовные уроки Эйрин не прошли для меня даром. Прежде всего, с тех пор я научился доставлять женщине удовольствие в любом ее пристрастии, причем не утомляя и не утомляясь. Это позволило мне полностью компенсировать неуклонно снижавшуюся мужскую силу. Во-вторых, познав с помощью Эйрин самые чувствительные места на теле женщины, с тех пор я мог даже обычным способом доставлять своим любовницам более острое наслаждение. Я испытал всю радость от того, что вошел в новое царство восторга с возросшей энергией. Более того, как я уже говорил ранее, Эйрин научила меня узнавать каждую женщину ближе, чем я знал кого-либо до нее, и вскоре я обнаружил, что нравлюсь им больше, чем во времена первой страсти неиссякаемой молодости.

Позже я научился другим приемам, но ни один из них не был так важен, как это первое открытие, которое раз и навсегда показало мне, насколько искусство превосходит природу.

* * *

После нескольких месяцев учебы в Афинах я услышал о клубе, где университетские профессора и некоторые студенты встречались и разговаривали на классическом греческом языке. Ошибка или даже неловкость выражения были преданы анафеме, и из этого почтения к языку Платона и Софокла выросло желание сделать современный язык максимально похожим на древнегреческий. Конечно, невозможно вернуть в обиход сложный синтаксис. Многочисленные частицы тоже были потеряны навсегда. Но члены клуба старались использовать слова в их старом значении как можно точнее, так, что даже сегодня Ксенофонт мог бы читать ежедневную газету в Афинах и без труда понять прочитанное.

⁸² Феокрит – древнегреческий поэт III в. до н.э., известный преимущественно своими идиллиями.

Эта идентичность стала возможной только потому, что разговорный язык греков (е *koine dialektos*) в течение многих веков существовал бок о бок с литературным языком. Разговорный диалект был сохранен в Новом Завете и в церковных службах. Поэтому ученым и грекам-энтузиастам было не сложно сохранить язык простого народа и язык Платона. Насколько это возможно, конечно. Впрочем, народ этот столь необычайно умен, что даже крестьянин, который всегда называл лошадь *alogs* – «безмозглая», знает, что «иппос» – более подходящее слово для того же животного. И хотя распространенное произношение не совсем соответствует классическим временам, все же оно намного ближе к античному произношению, чем любое английское. Современный грек правильно использует свои акценты, и любой, кто научился воспринимать древнегреческий язык на слух, может оценить ритм классической греческой поэзии и прозы гораздо лучше, чем любой ученый, который читает только в ритме длинных и коротких слогов.

Думаю, что именно Райкес⁸³ рассказал историю, которая проиллюстрировала для меня одну из сторон греческих амбиций. Профессор Блэки⁸⁴, известный шотландский историк и филологист⁸⁵, приехал в Афины в гости и выступил в Пирее. Райкес отправился послушать его вместе с выдающимся университетским профессором, одним из лидеров движения греков за освобождение. Некоторое время послушав речь Блэки, профессор сказал Райкесу:

– Я даже не представлял, что английский язык столь красив.

– Но Блэки говорит на современном греческом языке, – смутился Райкес.

– Боже милостивый! – воскликнул профессор. – Никогда бы не подумал. Ведь я не понял ни единого слова.

Об одном переживании того времени я должен рассказать вкратце, поскольку оно оказало огромное, неизгладимое влияние на все мое мировоззрение и понимание прошлого.

Всем известно, что Плутарх родился в Херонее⁸⁶, и во время моих пеших скитаний по Аттике я несколько дней жил в крестьянском доме на равнине. Когда Филипп Македонский и его сын Александр, впоследствии прозванный Великим, вторглись в Аттику, македоняне пришли почти как варвары. Городу Фивы пришлось пережить первое потрясение. Плутарх рассказывает, как триста фиванских юношей, представителей лучших семейств, собрались вместе и торжественно поклялись, что положат конец завоеваниям Филиппа или погибнут.

Македоняне и фиванцы сразились на полях близ города Херонея, и настал час, когда знаменитая македонская фаланга пошла в наступление. Напрасно триста юношей кидались на нее: снова и снова их отбрасывали прочь, а фаланга двигалась дальше. На берегу реки Кифисос Священный отряд, как их называли фиванцы, последним усилием попытался остановить врага и погиб до последнего человека. После битвы герои были похоронены родителями в общей братской могиле. Течение реки, говорит Плутарх, было отклонено в сторону, чтобы всех их можно было похоронить на том самом месте, где состоялся их последний бой.

Всем известно, что в наши дни турки, слышавшие о богатстве, зарытом в той братской могиле, взорвали ее, но ничего не нашли. По преданию, на кургане фиванцев был установлен мраморный лев⁸⁷, обломки которого сохранились до наших дней. Поскольку турки ничего не

⁸³ Генри Сесил Райкес (1838—1891) – английский политик, член консервативной партии.

⁸⁴ Джон Стюарт Блэки (1809—1895) – шотландский ученый историк, литератор, переводчик; филологист – профессор греческого языка в Эдинбургском университете.

⁸⁵ Филеллинизм – общественное движение за освобождение Греции от Османского владычества, связанное с любовью к древнегреческому языку.

⁸⁶ Херонея – древнегреческий город; на его месте в XIX в. уже была деревня.

⁸⁷ Кто, когда и по какой причине был установлен Херонейский лев не известно. Научные споры об этом ведутся уже третье столетие. Его обломки неожиданно были найдены в 1818 году. Памятник был заново собран и установлен на пьедестале на том самом месте, где был обнаружен. Во время греческой освободительной войны 1821 – 1822 годов монумент опять пострадал: один из греческих генералов, решив, что под монументом спрятано сокровище, расколол памятник и нашел под его постаментом копья и щиты погибших фиванцев. В 1879 году греческий археолог Г. Сотериадис провел археологические раскопки на том самом месте, где стоит лев, и обнаружил там массовое захоронение с останками 254 человек, предположительно, павших

нашли на этом месте, никто не мог понять, что делал лев Херонеи в центре пустынной равнины, вдали от любой деревни⁸⁸.

На большом собрании клуба я заявил о своей вере в то, что лев Херонейский является превосходным образцом античной скульптуры и был вырезан в классические времена. Я настаивал на том, что его воздвигли над курганом Священного отряда, и если бы были проведены раскопки, я был уверен, что могила героев была бы обнаружена. Греческий патриотизм воспламенился от этого предложения. Некий банкир выразил готовность покрыть расходы, и вскоре мы приступили к раскопкам. В Херонее не было реки. В паре сотен ярдов от деревни протекал мелкий ручей Термодон. Неподалеку от него валялись фрагменты изваяния льва.

Внимательно изучив территорию, я настоял на том, чтобы сначала вскрыть длинное, заросшее травой углубление в земле рядом со львом. Решение оказалось верным – вскоре была обнаружена могила. Четыре каменные стены шириной около фута и высотой около шести футов были построены в форме прямоугольника, установленного на гальке древнего русла реки. В стенах, как сардины, лежали скелеты погибших фиванцев.

– Священный отряд!

Первое, что мы заметили, это были сломанные кости, видимо, порубленные и раздробленные в ходе сражения. Вот, например, был скелет с тремя покорёженными ребрами, между одним из ребер и позвоночником застрял наконечник копья. Позвоночник другого был переломан мощным ударом копья, а его череп был частично раздроблен чем-то вроде булавы. Еще нас поразило то, что зубы во всех черепах прекрасно сохранились. Очевидно, наши страдающие кариесом зубы стали жертвой современной кухни. Мы насчитали двести девяносто семь скелетов. В одном углу нашли небольшую кучку пепла. Возможно, это были останки тех, кто выжил в битве, после смерти их тела кремировали, а пепел подзахоронили в братскую могилу.

С одной стороны гробницы мы нашли массивный кусок каменной кладки площадью около десяти квадратных футов. Очевидно это был пьедестал льва. В былые времена сей каменный символ возлежал на пьедестале и неотрывно смотрел в сторону Фив. Он охранял вечную память о юных героях, отдавших свои жизни за отечество. Воистину Священный отряд!

Итак, поэтическая легенда, которую современные нам историки не могли принять всерьез, оказалась строго научно доказанной. Персонажи Плутарха ожили в моих глазах и я с превеликим удовольствием принялся за чтение древних книг, особенно Нового Завета.

Немецкие ученые утверждали, что Иисус Христос был мифической фигурой, а его учение представляет собою мешанину различных традиций, религий и мифов. Он ни в коем случае не был исторической личностью. Три синоптические Евангелия были составлены через 50—80 лет после придуманных событий, а Евангелие от Иоанн, безусловно, было написано еще позже.

История Священного отряда заставила меня обратиться к личности Иисуса. Вскоре я нашел неоспоримое доказательство тому, что Иисус был исторической личностью. Тацит и Иосиф Флавий – оба свидетельствуют о его существовании. И если фрагмент текста в Иосифе Флавии может оказаться позднейшей вставкой, то текст Тацит не тронут и убедителен: «И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изошрённейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. (4) Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Пон-

фиванских воинов из Священного отряда. В 1902 году, после завершения всех работ, воссозданный из обломков мраморный лев был установлен на новый пьедестал.

⁸⁸ Здесь речь идет о знаменитой битве при Херонее (338 г. до н.э.), в которой царь Филипп II Македонский разгромил сводное войско греческих городов-государств. Священный отряд Фив был основан ок. 379 г. до н.э., состоял из профессиональных воинов на содержании города и считался элитой армии Фив. В битве при Херонее фиванцы сражались на левом фланге против правого фланга македонян под командованием Александра Македонского, тогда еще наследника престола. Весь Священный отряд погиб.

тий Пилат; подавленное на время это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. человек по имени Иисус». (Тацит, *Анналы*, кн. XV).

У Тацита Христос не Бог и не Царь в каком-либо сверхчеловеческом смысле, но живая плоть, человек среди людей, хотя и наставник и учитель высшему. Когда я читал евангелия, пелена спала с моих глаз, и я увидел, что Иисус был кровным братом мне. Ему подобен Шекспир. Оба были слабы телом. Иисус не мог нести Свой Крест и должен был умереть в первые несколько часов агонии. Оба считались «неженками». У обоих была несравненная скорость и глубины мысли и был преисполненный человеколюбия и доброты характер. Прочтите слова Артура из шекспировского «Короля Иоанна», говорящего со своим палачом:

А ты не болен, Хьюберт?
Ты что-то бледен. Я бы и хотел,
Чтоб ты немного прихворнул, и мог я
С тобой пробыть всю ночь. Наверно, крепче
Тебя я полюбил, чем ты меня.⁸⁹

...

А теперь вспомним евангелие от Матфея, книга 19.

«Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им.

Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное».

Несомненно, эти два человека имеют один и тот же божественный дух. Однако в мужестве Иисус был крепче и соответственно пришел к более ужасному концу и к более высокой славе. Но Шекспир настаивает на необходимости покаяния и абсолютного прощения точно так же, как это сделал Иисус:

...

Я властен лишь прощать и зло забыть.
Вся месть моя – прощение⁹⁰.

...

Жизнь моя обогатилась новым для меня святым проводником, но увы! Я весьма неохотно поддался Его влиянию, и прошло много лет, прежде чем знание Христа начало менять мой характер. Но Его постепенное проникновение в меня является доминирующим импульсом в течение последовавших двадцати лет жизни и постепенно привело меня к попытке синтеза язычества и духа Иисуса, который, как мне кажется, должен составлять, по крайней мере, основные элементы «религии будущего»! Ибо что есть дух Иисуса, как не уверенность в том, что Бог есть праведная доброта и должен быть любим всеми нами, смертными!

Первый долг мужчины или женщины чисто языческий: каждый из нас должен развивать все свои способности тела, ума и души как можно гармоничнее. Он также должен получать наивысшее наслаждение от изначально данных ему даров. Но он таким образом, так сказать, достигнет зенита своих возможностей, он обязан оказывать максимально возможную помощь своим ближним и сделать «новую заповедь» Иисуса главной целью своей жизни.

Увы! «Любить друг друга» – самая трудная заповедь. Если мы не способны помнить, что призыв этот означает просто любить то, что хорошо, и прощать окружающим их скрытые недостатки. Я чувствую, что лучший путь к такой всепонимающей любви – это жалость, точнее – «хорошая жалость». Шекспир называл ее «священной жалостью», и даже «святой жало-

⁸⁹ Перевод Н. Рыковой.

⁹⁰ У. Шекспир, Цимбелин. Перевод Н. Мелковой.

стью», ибо он знал, что она ведет к прощению. И эта жалость должна обязательно привести к исправлению наихудшей несправедливости жизни и, прежде всего, в выравниванию ужасного неравенства, которое дает одному ребенку все в невообразимом избытке и отказывает другому, столь же одаренному и здоровому, даже в просто достойных условиях жизни.

Недостаток богатых и великих так же ядовит, как недостаток бедных. Именно жалость и любящее сочувствие могут со временем исправить худшие болезни общества. Можно было бы подумать, что знание естественных законов и контроль над природными ресурсами значительно повысят производительность труда и неизбежно улучшат положение рабочего. Однако до сих пор этого не было.

Большая власть, данная нам мыслителями и людьми науки, просто усилила неравенство между хозяевами и толпами обездоленных. Если этот процесс будет продолжаться, человечество обречено на вымирание. Но уже те из нас, кто достиг определенного уровня понимания общественных процессов (даже если они осознали, как легко или трудно обрести богатство), неизбежно становятся на сторону бедных.

Джон Стюарт Милль⁹¹ считал, что излечить эту болезнь можно путем жесткого ограничения возможности наследования. Думаю, это впрямь самый практичный способ решения проблемы. Я бы добавил к этому национализацию земли и коммуникационных служб, таких как железные дороги и водо- и газовые компании. Тем не менее, законы о наследстве в Англии после мировой войны остались без серьезных изменений.

Одно можно сказать наверняка: так или иначе, наихудшему неравенству должен быть положен конец. Чрезмерная свобода личности в Англии привела к практическому порабощению и деградации рабочего класса. В 1837 году только 10 процентов новобранцев были ниже 5 футов и 6 дюймов; в 1915 году 70 процентов новобранцев были еще ниже этого роста и даже 50 процентов не могли соответствовать требуемому ничтожному физическому стандарту.

Узнав в жизни и то, что может дать богатство, и то, что дает бедность, я всегда выступал за бедных. Процесс выравнивания – самая важная задача наших политиков, и их следует сортировать согласно тому, как они участвуют в продвижении этой реформы реформ.

После мировой войны и тех страданий, которые ненавистный всем так называемый Версальский мир навлек на Европу, появились иные опасения за будущее человечества. Жалость, этого ангела мира, необходимо воспитывать с детства, учить ей, иначе жизнь для нас, недалеким, эгоистичных животных, станет невозможной.

Будем надеяться, что какой-нибудь молодой благородный человек создаст новый Священный отряд, который станет бороться за человечество и права человека так же доблестно, как те фиванские юноши сражались за свободу Греции. Или на нашу долю осталось только отчаяние, воспетое Софоклом в его «Эдипе в Колоне»:

...

Кто дышит, должен страдать, а кто думает, должен скорбеть.

И благословен только тот, кто не родился.

...

Все спрашивают: есть ли в возрождении язычества (которое в основном связано с прогрессом науки) какая-либо надежда, какое-либо утешение в ужасной тайне смерти? Надо признать, что и в язычестве человека ожидает абсолютное неведение в этом вопросе. Мы больше не верим, это правда, как верили греки, что для нас было бы лучше никогда не родиться. Мы гордимся самим фактом нашей земной жизни и уже видим, как она может быть улучшена тысячами способами. Но надеяться на жизнь за гробом – бессмысленно.

⁹¹ Джон Стюарт Милль (1806—1873) – британский философ, социолог, экономист и политический деятель. Один из основоположников философии либерализма.

Но у нас, у англичан и американцев, есть самое высокое и самое утешительное Слово, которое когда-либо слышали люди. Это благородное двестишестидесятилетнее Мередит, которое я ставлю выше слов Софокла:

...

На грудь, которая носит розу,
Неужели я, содрогнувшись, упаду?

...

Семьдесят лет жизни – все, что у нас есть, но, как говорит Гете, мы можем заполнить их, если захотим, великими делами и великими мечтами. Гете и Мередит. Я уже сравнивал их раньше: я люблю их обоих.

...

... Оба – бессмертные виночерпии
Вина, предназначенного для душ!

Глава VII. Праздники и ирландская добродетель!

Я отправился на корабле из Афин в Константинополь и, как и любой путешественник, восхитился великолепным положением города. Он подобен Нью-Йорку, королю многих вод. Однако первоначально я был совершенно несведущ в истории города, но в пути разговорился с неким немецким студентом, изучавшим византийскую архитектуру. Он-то и посоветовал мне непременно осмотреть Святую Софию, чтобы навсегда познать, что есть истинная красота. И пелена неожиданно спала с моих глаз: я увидел «величайший храм мира», как охарактеризовал храм студент. Смогу ли я ещё где-нибудь увидеть подобную красоту внешнего и внутреннего лика? Смелые арки и потрясающий размах колонн; мозаики, фрески и надписи на стенах создают небывалое впечатление великолепия и величия в сочетании с изысканными красками и формами.

Набожные турки всегда поклонялись Магомету в мечетях. В Святой Софии на стенах повсюду просвечивают через позднейшую покраску и штукатурку старинные фрески, изображающие Распятого. У меня осталось впечатление, будто Крест повсюду медленно, но верно торжествует над Полумесяцем. Со временем я понял, что Святая София стала более значительным достижением человеческого гения, чем тот же Парфенон, а это означает, что возвышенный Дух со временем непременно находит более благородное тело.

Затем мой немецкий друг повел меня в церковь Спасителя, которую он назвал «жемчужиной византийской работы», и действительно, мозаики, по крайней мере XIV века, были богаче и разнообразнее, чем все, что я видел ранее. Даже в Палермо.

Последовавшая затем переправа через Босфор на европейский берег оказалась мучительной по причине скверной погоды. Как результат, ни Варна, ни Дунай не произвели на меня никакого впечатления. А вот Белград с его цитаделью мне очень понравился, и Буда с Пештом меня впечатлили: Крепостная гора напомнила мне афинский Акрополь.

Вена покорила мое сердце. Труппа «Бургского театра» в Хофбурге не хуже парижских. Венская опера с лучшей музыкой в Европе; дворцовый комплекс Бельведер с его великолепными венецианскими картинами; чудесная Императорская оружейная палата – все это произвело на меня неизгладимое впечатление! А военные парады в Хофбурге? А Австрийская национальная библиотека? А богатая весёлая публика в парке Вюрстельпратер? Образно говоря, там я увидел истинный немецкий ковёр народов, так сказать, он переливался тысячью цветов славянских и семитской, богемской и польской вышивок. Даже цыгане, казалось, добавили штрихов варварства и суеверия, необходимых для бахромы и оттенения великолепной ткани. По своей многогранной привлекательности Вена казалась мне даже богаче Парижа, а Паулина Лукка⁹², изысканная певица и одновременно прекрасная очаровательная особа, стала для моего воображения гением города, совсем как Бильрот⁹³, великий врач – символ науки, спасающей жизни.

Проведя несколько месяцев в Вене, я понял, что Дунай – великое достояние, которое венцы оставили не изуродованным современниками. Вена должна бы стать самым большим портом в юго-западной Европе, но австрийцы предпочли сберечь и облагородить сей прекрасный поток. Смогут ли они теперь, будучи в глубокой послевоенной нищете, исправить эту «ошибку»? Еще есть время – всегда есть время, слава Богу!

⁹² Паулина Лукка (1841 – 1908) – австро-венгерская оперная певица итальянского происхождения. Одна из самых прославленных европейских оперных певиц вт. п. XIX в.

⁹³ Теодоро Бильрот (1829—1894) – выдающийся немецкий хирург, один из основоположников современной абдоминальной (органов и стенок брюшной полости) хирургии; одарённый музыкант, близкий друг И. Брамса.

Почему я уехал из Вены? Потому что я сблизился с очаровательной девушкой – танцовщицей из кафе-шантана. Она вернулась из Вены в родной Зальцбург. В тот самый Зальцбург, где родился Моцарт. В «самый красивый город в мире», как говорила Мари. И мне пришлось последовать за нею.

Звали её Мари Киршнер. Любовь моя к ней была чистым безумием. Девушка оказалась лучшим типом немки (точнее, австрийки). Для меня она олицетворяла Вену и все ее изысканные красоты. У Мари была идеальная девичья фигура, стройная и гибкая от постоянных упражнений, потому что она танцевала, по крайней мере, час ежедневно. У девушки было пикантное, умное лицо со вздернутым носиком, таким же дерзким, как и ее светло-карие глазки. Она была удивительно откровенна в своих сексуальных переживаниях и покорила мое сердце, в один из наших первых вечеров рассказав мне, как ее довольно легко (по причине детского любопытства) соблазнил старый банкир из Будапешта, когда ей едва исполнилось тринадцать.

– Он дал мне и моей матери достаточно денег, чтобы мы безбедно прожили шесть лет или больше, и позволил мне научиться танцевать. Отто умер во сне, иначе он сделал бы для нас больше. Он был по-настоящему добр, и я заботилась о нем, хотя он был неважным любовником. Он оставил нам дом и мебель, и я уже неплохо зарабатывала на жизнь...

– И с тех пор?.. – спросил я.

Мари вскинула голову.

– Тише, – прошептала Мари. – Разве любовь не является частью жизни, самой лучшей ее частью? Даже иллюзия любви стоит больше, чем что-либо другое. Время от времени надежда искушает меня, как, похоже, я искушаю тебя. О, если бы мы с тобой могли побывать в Зальцбурге, увидеть горы Берхтесгадена... Какое дивное лето мы могли бы провести в самой прекрасной части Альп!

– Невозможно, – сказал я, – подарить тебе незабываемые воспоминания. У тебя было так много любовников!

– Никогда не бойся количества, – ответила она с улыбкой. – Подавляющее большинство любовников не оставляет нам ничего достойного памяти – мужчины мало что знают о любви. Почему до сих пор у меня остаются лучшие воспоминание о старом банкире? Он был очень ласковым und hatte mich auf den Handen tragen mogen⁹⁴. Отто многому меня научил. О, он был милым человеком.

И тогда я повез Мари в Зальцбург.

Прежде я ни разу не слышал, чтобы кто-то поминал Зальцбург как один из красивейших городов Европы. Правда, как-то случайно обнаружил, что Уилки⁹⁵, шотландский художник, упомянул нечто подобное. Он заявил, что «если бы старый город Эдинбург с его замком на скале был бы посажен в Троссачсе и имел бы такую же широкую быструю реку, как Тэй, то он имел бы право напоминать Зальцбург». Зальцбург действительно расположен среди гор, и окрестности его полны бесчисленными пейзажами романтической красоты. Озера Траунзее на востоке и Кимзее с загородной резиденцией короля Людовика II Баварского на западе. На юге через баварскую границу находится Берхтесгаден, один из самых красивых регионов Европы. А вот гора Унтерсберг, почти 7000⁹⁶ футов высотой, со знаменитыми пещерами Гамслёхер-Коловрат, с огромными застывшими ледяными водопадами. На восточной стороне Гейерека – вершины Унтерсберга – дикие скалы и пропасти...

⁹⁴ «и он бы носил меня на руках». – Немецкое выражение, означающее «Он заботился обо мне».

⁹⁵ Дейвид Уилки (1785—1841) – шотландский живописец и гравёр, академик Королевской академии художеств; представитель романтизма, мастер бытового жанра, также известный как автор исторических сюжетов и портретов.

⁹⁶ Почти 2000 м.

Мари была несравненным проводником, обладала милейшим характером, оказалась прирожденным компаньоном и такой же хорошей любовницей. Более того, она сделала все предварительные приготовления к любви. Мари стала первой женщиной, которая сказала, что у меня музыкальный голос: чрезвычайно мощный, но звучный и сладкий. Как приятно было это узнать!

– Я бы предпочла послушать, как ты декламируешь, – сказала она. – Ни один актер никогда не был тебе равен. И лицо у тебя решительное. Мне нравятся твои смелость и удивительное жизнелюбие.

Мари была прирожденной подлизой и постоянно находила новые комплименты. Каждый день она открывала во мне какую-то новую черту, которую можно похвалить. Сорок лет спустя я изо всех сил старался представить себе Мари и найти в ней какой-нибудь недостаток, чтобы представить ее человеком, а не ангелом. И пришел к выводу, что она с готовностью отдавалась любому, кто тревожил ее сердечко, даже если она его не любила. Но... я не осуждаю её. Снова и снова Мари напоминала мне замечательные стихи Роберта Браунинга⁹⁷:

...

Наставь меня сурово,
Мой друг, чтоб я
Душой и телом снова
Была твоя.

...

Чтоб мысль моя питалась
Твоею и
Мной снова облекалась
В слова твои⁹⁸.

...

Но примерно через шесть недель я начал уставать от Мари. Несмотря на то, что она была очаровательна и безупречна, мне хотелось узнать что-то новенькое, и я на какое-то время исчерпал свой немецкий. Когда мы вернулись из прекрасной страны с ее восхитительными прогулками и поездками, я купил Мари великолепную картину баварского Версаля на Кимзее – сказочного дворца принца-регента Луитпольда Баварского и честно сбежал от неё на всю осень во Флоренцию.

Там я сначала поработал над итальянским языком, а затем изучал итальянскую живопись. В Равенне я увлекался мозаикой, в Милане был увлечен небольшой коллекцией доспехов Висконти XIV—XV веков. Некоторые из них мне удалось приобрести за весьма малую цену. До того, как в середине 1880-х в Америке начался на них спрос, хорошие доспехи стоили дешево. Я купил латы с золотой инкрустацией за 100 фунтов, которые продал через пять лет в Лондоне за 5000 фунтов, а дилер перепродал их за 15 000 фунтов стерлингов.

Италия немногому научила меня, но один опыт в Милане оказался весьма ценным. Я познакомился с Ламперти⁹⁹, великим учителем пения, и его женой-немкой. От Ламперти я многое узнал о бельканто и той культуре голоса, которой славится Италия.

Ламперти хотел научить меня своему искусству. Он попробовал мой голос и заверил, что у меня будет отличная карьера, потому что без обучения я мог бы петь на две ноты ниже.

– Ваше достояние – ваше горло, – говорил он.

⁹⁷ Роберт Браунинг (1812—1889) – английский поэт и драматург.

⁹⁸ Фрагмент из стихотворения «Последнее слово женщины» из сборника Р. Браунинга «Мужчины и женщины». Перевод В. Васильева.

⁹⁹ Франческо Ламперти (1811—1892) – итальянский музыкальный педагог, профессор пения в Миланской консерватории. Преподавал многим выдающимся певцам и певицам

Но я заявил, что карьера баса-профундо меня не прельщает. Хотя, думаю, из меня мог бы получиться неплохой артист.

У Ламперти был запас интересных анекдотов о певцах и музыкантах. Он объяснил, что моя укоренившаяся неприязнь к пианино произошла по причине хорошего слуха.

– У вас абсолютный слух, – сказал Ламперти, – необыкновенный слух и великолепный голос. Вам необходимо их развивать...

Но у меня были иные интересы. По крайней мере, таково было мое убеждение. С тех пор я часто думал, какой была бы у меня другая жизнь, если бы я последовал совету Ламперти и воспользовался его уроками, но в то время я даже не задумывался об этом.

Я собрал все сведения о музыке и музыкантах. Я читал Леопарди утром, днем и вечером, потому что его глубокий пессимизм сильно привлекал меня даже в расцвете юности. Он говорит своему сердцу:

...

Умолкни навеки. Довольно
Ты билось. Порывы твои
Напрасны. Земля недостойна
И вздоха. Вся жизнь —
Лишь горечь и скука. Трясина – весь мир.
Отныне наступит покой. Пусть тебя наполняют
Мученья последние. Нашему роду
Судьба умереть лишь дает¹⁰⁰.

...

Там, во Флоренции, я впервые усвоил урок, который впоследствии преподавал Уистлер¹⁰¹ всем, у кого были уши, чтобы слышать, что не существует такого понятия, как «художественный период» или «художественный народ», что великие художники – это спорадические продукты, как и все другие великие люди, что на самом деле гений столь же редок, как и талант. Но тогда я понятия не имел, что мир всегда страдает от недостатка гениев, чтобы управлять им, и что почтение к гению и любовь к гению всегда являются преддверием к обладанию им. Но один забавный опыт того времени во Флоренции весьма любопытен.

Я много читал по-итальянски, когда однажды друг спросил меня, читал ли я Ариосто¹⁰². Как ни странно, я обошел его стороной, хотя много читал Торквато Тассо¹⁰³ и некоторых современных авторов и был разочарован. Но Ариосто! Что примечательное создал он? Мой друг прочел его первый сонет о красоте и богатстве любви и одолжил мне книгу, в которой содержалась также эта живая и остроумная история.

Кажется, был художник (имя его Ариосто забыл – *non mi ricordo il nome*), который всегда рисовал дьявола в виде красивого молодого человека с прекрасными глазами и густыми темными волосами. Ноги у него были стройные, на голове не было рогов; во всем он был так же привлекателен, даже красив, как ангел Божий.

Не желая быть превзойденным в вежливости, однажды перед рассветом дьявол пришел к спящему художнику и разрешил ему просить всё, что тот ни пожелает – будет исполнено. У бедного художника была жена-красавица, а потому он постоянно ревновал ее, жил в крайних сомнениях и постоянном страхе. Поэтому он стал умолять дьявола показать, как художнику защититься от любой неверности со стороны жены. Дьявол тут же надел ему на палец кольцо,

¹⁰⁰ Фрагмент из стихотворения Джакомо Леопарди «К самому себе». Перевод А.А. Ахматовой.

¹⁰¹ Джеймс Уистлер (1834—1903) – американский художник, мастер живописного портрета, а также офорта и литографии. Один из известных тоналистов – предшественников импрессионизма и символизма. Приверженец концепции «искусство ради искусства».

¹⁰² Лудовико Ариосто (1474—1533) – великий итальянский поэт эпохи Возрождения.

¹⁰³ Торквато Тассо (1544—1595) – великий итальянский поэт XVI в.

заверив что, пока кольцо пребывает на пальце, художник может не тревожиться, поскольку не будет причин даже для тени подозрений. Обрадованный художник проснулся и вознамерился немедленно совокупиться со своей женой, но обнаружил, что... (буквально: *dito ha nella fica all moglier*¹⁰⁴).

Думаю, если бы женщине пришлось в голову отдаться другому и обмануть мужчину, она совершила бы даже нечто невозможное. У Ариосто же чисто латинский взгляд на дело.

* * *

Я вернулся в Париж и ранней весной 1881 года поселился в пригороде столицы – Аржантёе. Если честно, даже не помню, по какой причине перебрался тогда в Аржантёй. Квартиру я снял на вилле на берегу реки и провёл там прекрасное лето. Я усердно работал над французским языком и научился говорить бегло и без ошибок. Впрочем, я старался овладеть им не хуже немецкого, хотя французская литература и французское искусство XIX века привлекали меня бесконечно больше, чем немецкая литература или искусство того же периода.

В Аржантёе я основательно прочитал Бальзака и быстро пришел к убеждению, что он был величайшим из всех современных французов, единственным, кто действительно расширил наше представление о французском гении и внес свою лепту в благородное здание, спроектированное и украшенное Монтенем. Бальзак – один из избранных и главных духов мира, но он недостаточно интеллектуален или, возможно, недостаточно мечтателен, чтобы быть в авангарде и помогать управлять человечеством. Несмотря на свои поразительные творческие способности, он не добавил в Пантеон ни одной новой родовой фигуры. Он глубоко знал женщин, но даже его баронесса Юло¹⁰⁵ меркнет перед Гретхен¹⁰⁶ Гёте.

Этот год в Париже запомнился мне также встречей с Тургеневым. Я уже знал тогда, что он великий человек, но не ставил его столь высоко, как делаю это сейчас. Он – величайший русский писатель. Создатель образа Базарова входит в число вождей человечества. Тургенев – более великий художник, чем Бальзак, хотя и не столь продуктивный. Возможно потому, что художественная продуктивность зависит от того, в какой среде живёт творец большую часть своей жизни – в своем отечестве или на чужбине.

Тем летом я также познакомился с Ги де Мопассаном. Случилось это на обеде у Бланш Маккетта. Со временем наше знакомство с каждым годом становилось всё более близким, вплоть до его трагической кончины. В то время я считал Мопассана по крайней мере таким же великим, как Тургенев.

Познакомился я тогда и с красивым еврейским журналистом Катюлем Мендесом¹⁰⁷, несомненно, одним из самых замечательных импровизаторов, когда-либо виденных мною. Он мог бы в считанные минуты написать стихотворение в духе любого поэта, будь то даже Гюго или де Мюссе. Мог с одинаковой легкостью и поразительным мастерством подражать любому мастеру французской прозы или поэзии. Впоследствии он стал для меня совершенным образцом талантливого человека без намека на гениальность, которая могла бы облагородить или уничтожить его уникальный дар слова. В то время я мог только восхищаться им, хотя и чувствовал, что ему чего-то не хватает. Его прозвище в Париже идеально соответствовало его красоте – *un Christ de Bordel*¹⁰⁸!

¹⁰⁴ Ввёл палец в вагину своей жены (итал.).

¹⁰⁵ Баронесса Юло – персонаж из романа О. де Бальзака «Кузина Бетта».

¹⁰⁶ Гретхен (Маргарита) – главный женский образ в драме Гёте «Фауст».

¹⁰⁷ Катюль Мендес (1841 – 1909) – французский поэт, писатель и драматург, представитель парнасской школы.

¹⁰⁸ Христос борделя или Чёртов Христос (фр.).

Да, это было незабываемое лето в Париже. Я знакомился то с одной знаменитостью, то с другой. То с автором из газеты «Фигаро», то с художником, то с музыкантом...

Но в конце лета я решил перебраться в Ирландию и возобновить изучение этой страны. Незадолго до того Дизраэли¹⁰⁹ говорил об облаке в Ирландии размером не больше человеческой ладони, которое всё ещё может перерасти в ужасную бурю. Возраставшая мощь Земельной лиги¹¹⁰, увеличение числа судов по установлению арендной платы, приход к власти Парнелла¹¹¹ заставили меня с нетерпением изучить эту проблему. И я переехал в Дублин.

С самого начала я посещал все националистические собрания, что способствовало укреплению моей веры в грядущее освобождение Ирландии. А затем я поступил в Тринити-колледж в Дублине и постепенно обрел независимое мнение, которое иногда стало находить и положительные моменты в английском господстве.

Конечно, я поехал в Голуэй и, конечно же, в Керри, где похоронена моя мать. Только раз я слышал стороннее мнение о ней. Некий известный плимутский проповедник выступал перед общиной. По окончании проповеди я подошел к нему, чтобы уточнить некоторые моменты его странного вероучения. Увидев мою визитку, он сказал:

– Я когда-то хорошо знал нескольких Харрисов в Керри – капитана и миссис Харрис. Вы, случайно, не из этого семейства?

– Из этого! – подтвердил я.

Оказалось, что он действительно очень хорошо знал и моего отца, и мою мать. Я весьма заинтересовался этим. Проповедник был довольно умным джентльменом, без стандартных предубеждений и при собственных суждениях. Он сказал о сильной натуре моего отца, хотя, очевидно, тот ему не особенно нравился. Но моя мать была для него святой, с самым милым нравом и очень красивой внешностью. Она была слишком хороша для такого властного супруга.

– Я восхищался ею, – признался проповедник. – Было больно услышать о ее смерти. Ты потерял замечательную мать, мой друг, – попытожил он, и мои собственные детские воспоминания подтверждали его слова. Отец тоже, когда говорил о ней (случалось это весьма редко), всегда подчеркивал, что ее трудно было рассердить: «очень милая и нежная натура», которую унаследовал старший сын Вернон.

Больше всего в Ирландии я обратил внимание на то, как шёл дождь, и бедность этой несчастной страны поражала меня тем больше, чем больше я ее изучал. Нравственное влияние католической церкви повсеместно проявлялось даже в физическом состоянии народа. Мне довелось на собственном опыте испытать его силу.

В маленьком городке Баллинаслоу меня привлекла красота дочери хозяина гостиницы. Накануне я усердно работал весьма длительное время и вознамерился отдохнуть недельку-другую в деревенской глуши. Вот и поселился в этой гостинице. Девушка сразу же пленила меня. Она водила прогулочный автомобиль при заведении своего отца, и у меня вошло в привычку повсюду брать с собою Молли (ее звали Маргарет) как гида.

Мать девушки давно умерла, отец её был занят в своем баре, а старшая сестра хлопотала по дому. Так что мы с Молли проводили вместе весьма много времени. Я соблазнил ее довольно быстро, часто ласкал, целовал... Как это бывает в подобных случаях, однажды сказал, что люблю ее. И был обескуражен, когда выяснилось, что Молли отнеслась к этому заявлению гораздо серьезнее, чем можно было бы предположить.

¹⁰⁹ Бенджамин Дизраэли (1804—1881) – премьер министр Великобритании в 1868 г. и с 1874 по 1880 гг. Представитель консервативной партии.

¹¹⁰ Ирландская национальная земельная лига – массовая организация ирл. крестьян и городской бедноты, действовавшая в 1873—1882 гг.

¹¹¹ Чарльз Стюарт Парнелл (1846—1891) – основатель Ирландской парламентской партии. Вождь ирландских националистов.

– Тебе будет стыдно за меня, если мы вдруг поженимся, – сказала она. – И в Лондоне, и в Париже, и в Вене.

На моем багаже сохранялись наклейки городов, где мне довелось побывать. И об этом знали все в гостинице.

– Ты – ангел, – ответил я, – но нам еще рано думать о свадьбе.

Поцелуи и ласки продолжались как обычно.

У меня вошло в привычку обедать у себя в комнате, потому что в общей столовой редко кто бывал. Вторую половину дня я посвящал чтению. Потом приходила Молли, и мы развлекались любовными утехами. Однажды вечером я спросил, почему она не приходит ко мне в постель, когда все уже спят. К моему удивлению, она сказала, что давно уже к этому готова. Я заставил ее пообещать прийти в ту же ночь, а сам едва осмеливался поверить в такую удачу.

Около одиннадцати слух мой едва уловил лёгкий шорох ее босых ног. Я открыл дверь, ведущую в мою гостиную. Передо мною стояла Молли, прикрытая только красной индийской шалью поверх ночной рубашки. В постели я целовал и целовал ее. Поначалу она отвечала, но как только я попытался продолжить, оттолкнула меня.

– Не смей делать со мною подобное!

– Я тебе не очень-то и нравлюсь! Иначе ты не отказала бы мне, – обиженно сказал я. – Ну, будь доброй. Ведь я люблю тебя.

И вдруг она сама обняла меня, прижала к себе. Я почти сошел с ума от желания. Сначала я улыбнулся про себя: несколько ночей предварительной подготовки, и природа взяла бы свое.

Кстати, я даже не описал Молли. Я всегда буду видеть ее такой, какой она была передо мной в ту первую ночь. Обнаженная, она была такого же роста, как и я, великолепно сложена, с большой грудью и бедрами. Девушка отвернула голову, как будто не желала видеть меня, пока я рассматривал ее обнаженные прелести. Лицо ее было даже прекраснее фигуры: большие серые глаза, затенённые длинными черными ресницами; густые темные волосы каскадом падали до самой талии. При этом ее удивительная кожа была такой же светлой, как у колерованной блондинки.

Когда Молли повернулась ко мне с полуиспуганной полуулыбкой и спросила: – Ты уже достаточно насмотрелся? – я стянул с нее ночную рубашку, наполовину обмотав вокруг ее шеи.

– Я мог бы долго смотреть, но мне никогда не будет достаточно, красавица моя!

– Между прочим, я такая же, как все. Вот моя кузина Энн Мориарти действительно красавица с золотыми волосами!

– Никто не сравнится с твоей красотой! – Вместо ответа я поцеловал ее. – Ты придешь завтра?

Она кивнула...

В ту ночь я потерпел неудачу!!! Абсолютную! Впрочем, я не стал спешить с выводами – окончательный провал в те дни был для меня невыносим.

На следующий вечер я начал с того, что показал ей шприц и объяснил, как им пользоваться. Она с трудом меня выслушала, поэтому я начал целовать ее в промежность, пока она не зарыдала. Задыхаясь в моих объятиях, Молли все равно не позволила мне перейти к самому акту.

– Пожалуйста, не надо!

– Но почему, почему?

Этот вопрос задел ее.

– Как я тогда смогу ходить в церковь? Я исповедуюсь каждый месяц. Ты толкаешь меня на это смертный грех!

– Никакого греха в этом нет. Да и кто об этом узнает?

– Отец Шеридан всё знает. И о наших отношениях тоже знает. Знает, что ты мне нравишься. Я сама рассказал ему об этом.

– О Боже!

Но зато я могу без страха прийти к тебе, потому что никому из них и в голову не придет, что я приду к тебе вот так. Но мне нравится обнимать тебя и слушать, как ты говоришь, и думать, что я тебе нравлюсь. Это позволяет мне гордиться и радоваться.

– Разве тебе не нравятся мои поцелуи?

– Они заставляют меня бояться. Поговори со мной сейчас, расскажи мне обо всех местах, которые ты видел. Я читала о Париже – он, должно быть, прекрасен ... чудесен ... и французские девушки так хорошо одеваются... Ах, я бы с удовольствием с тобой попутешествовала.

Снова и снова пытался я склонить Молли к сексу, но она осталась непреклонной. Девушка трепетала и таяла под моими поцелуями, но не соглашалась на то, в чем ей потом придется признаться священнику.

Несколько дней спустя я решил встретиться с отцом Шериданом и нашел его весьма мудрым человеком. Он принадлежал к старой школе, вырос в Сент-Луисе, учился в Сент-Омере, был весьма начитанным человеком с прекрасным чувством юмора... Но, увы! В вопросах целомудрия он был таким же сумасшедшим, как и любой ирландский священник. Я вывел Шеридана на эту тему, и он оказался красноречивым проповедником. Он владел всей государственной статистикой о блуде и гордился тем, что в Ирландии он встречался в пять раз реже, чем в Англии. К моему удивлению, в Уэльсе он встречается чаще, чем в Шотландии. Шеридан даже сомневался, что валлийцы вообще были христианами.

– Все они язычники, – говорил он с сильным ударением, – просто дикари без церкви. В них нет ничего святого!

Я заметил, что священник гордился тем, что с высоты кафедры мог осуждать молодежь за слишком долгое общение или подозрение в чрезмерной близости.

– Люди обязаны вступать в брак, а не развратничать! – повторял Шеридан. – Дети молодых родителей всегда здоровые и сильные. – Это уже была его личная идея-фикс.

Так рассуждая, мы пили виски, пока основательно не захмелели. И откуда у ирландцев столь безумная вера в необходимость и добродетельность целомудрия? Такова их неоспоримая религиозная вера, которая придает им жизненные силы.

Отмечу, что в горах Баварии и в некоторых частях итальянской Абруцци крестьяне тоже религиозны, и там тоже высоко ценится целомудрие, но при этом нравы куда как более вольные, чем в Ирландии. Я часто задавался вопросом, почему? Но у меня нет на это ответа.

Короче говоря, я использовал все свои знания и навыки, чтобы соблазнить Молли, но потерпел полную неудачу. Я знал, что в определенные периоды женщины более возбудимы, чем в другие. Я знал, что три или четыре раза в месяц Молли легко возбуждалась, особенно на восьмой день после месячных. Я использовал все свои уловки, но ничто не смогло сломить здравомыслие девицы.

Однажды ночью я пообещал Молли не пытаться войти в нее, и получил разрешение лечь на нее. Если честно, я намеревался применить немного силы и...

«Это ничего, – повторил я про себя, – ничего... – и потерялся своим членом о ее клитор, – я не войду...»

Но вдруг она взяла мою голову в свои руки и поцеловала меня.

– Я доверяю тебе, дорогой. Ты слишком добрый, чтобы воспользоваться мной. – И когда я двинулся было вперед, она тихо добавила: – Ты же знаешь, что я убью себя, если что-нибудь случится.

Я тут же отстранился. Я даже не мог говорить в ту минуту, едва мог думать.

– Хорошо! – воскликнул я наконец. – Ты победила!

– Плевать! – ответила Молли. – Я люблю тебя и буду любить всю свою жизнь.

И когда она обняла меня, вся моя глупая обида исчезла.

Однако после той памятной ночи Баллинасло стал для меня невыносимым. Я давным-давно до пресыщения насмотрелся на красоты его окрестностей и пришел к выводу, что вне любви это место так же лишено какой-либо привлекательности, как и любой город в Западной Америке. Священник, с которым я не мог поговорить по душам, второсортные адвокаты и врачи... Некоторые молодые люди горели желанием учиться и приходили вечером в гостиницу, чтобы послушать мои рассказы.

Мне надо было заняться делами моего отца. И я отправился в Лондондерри, чтобы изучить эту цитадель ирландского протестантизма, а заодно окончательно расстаться с чувствами к Молли. Когда через некоторое время я вернулся, то уже не просил девушку приходить ко мне по ночам. Что толку?

В ночь перед моим окончательным отъездом в Белфаст она пришла сама. Тогда-то я и признался со всей откровенностью:

– Я не честолюбив, Молли. Мне не нужны ни власть, ни богатство. Но в постижении человеческого знания я и любовник, и священник. И в этом никто не встанет на моем пути.

Я объяснил девушке, что именно по этой причине я приехал в Ирландию. Та же жажда знаний много лет назад вела меня по всему миру, и, без сомнения, будет вести меня впредь.

– Я не хочу даже счастья, Молли. Даже утешения. Я как рыцарь Святого Грааля – вся моя жизнь посвящена этой цели. Не спрашивай почему, я сам не знаю. Знаю только, что Смит, мой друг и профессор из Лоуренса, штат Канзас, зажег во мне священный огонь поиска истины, и я буду жить с этим до самой смерти. Ты не должна думать, что я не беспокоюсь о тебе. Беспокоюсь всем сердцем. Ты – замечательная женщина. Ты моя женщина – и сердцем, и душой, и телом. Но моя работа зовёт меня, и я должен уйти.

– Я всегда это чувствовала, – тихо произнесла Молли. – Всегда чувствовала, что ты не останешься здесь и никогда не возьмёшь меня замуж. Я понимаю тебя. Надеюсь, когда-нибудь ты удовлетворишь свои амбиции и обретёшь своё счастье. Впрочем, без любви счастья не бывает. Я не могу в это поверить. Но ведь я – всего лишь девочка. Если ты когда-нибудь решишь вернуться, прежде напиши мне об этом. Боюсь, сердце моё не перенесёт неожиданную встречу.

Глава VIII. Как я познакомился с Фрудом, завоевал свое место в Лондоне и бросил писать стихи!

С тех пор, как закончились мои студенческие годы, Лондон неудержимо притягивал меня. Не знаю, почему, но столица Великобритании произвела на меня гораздо большее впечатление, чем Нью-Йорк. Впрочем, я искренне опасался возвращения малярии в случае моего приезда в Штаты. Зато у меня было рекомендательное письмо Карлайла к Фруду¹¹². Почему бы не представиться этому уважаемому джентльмену? И что из этого выйдет?

Мое мальчишеское решение делать каждую работу от всего сердца всё ещё было неизменным, и я верил в свою победоносную силу. А посему мне не составляло особого труда с легкостью открыть «устрицу» успеха в Лондоне, как ранее я это сделал в Нью-Йорке.

* * *

Я переехал из Парижа в Лондон, снял номер в отеле «Гросвенор»¹¹³ и на следующее утро поехал в Онслоу-Гарденс¹¹⁴. Там мне сообщили, что мистер Фруд проводит лето в Салкомбе в Южном Девоне и в Лондон вернётся только осенью. Я попросил дать мне его почтовый адрес. Слуга пригласил меня в комнаты, принес писчую бумагу. Обстановка жилища, картины в гостиной и в холле демонстрировали обеспеченный комфорт и утонченный вкус хозяина. Здесь я нашел подтверждение словам Эмерсона: «Судьба англичанина по-прежнему лучшая в мире».

Сорок лет, прошедшие с тех пор, и особенно великая война, изменили все это. Жизнь в Нью-Йорке сегодня кажется более роскошной, чем в Лондоне, хотя всё ещё уступает и во вкусе, и в утонченности хозяев.

Но в те годы сам Лондон многое рассказал мне об англичанах. Он огромен и нет предела его энергии. Он пышет здоровьем, несмотря на его ужасный климат. Он хорошо осушен и чист. Но он никогда не был возвышенным. Достаточно вспомнить Ист-Энд, какой он подлый, грубый и пресмыкающийся. Узкие улочки и захламленные лачуги.

Иное дело Вест-Энд – то уютный, то претенциозный, то чопорно вульгарный, одетый в лепнину, как в сукно. Но там есть густо усеянные травой поляны парков и открытые пространства, где можно хотя бы мельком отдохнуть на природе. Там есть благородные дома со сказочными остроконечными шпилями или смелые, авангардные для своего времени, мосты.

Хуже всего то, что у города нет никакого плана, никакой общей идеи, направляющей его неутомимую жизнь. Так строят бобры, а не люди – фабрики и прочие производства натяканы повсеместно. А это угнетает дух. Дым и грязь характерны для Лондона, там нет благородного идеала: «давайте все будем жить в тумане, пока мы хорошо едим и спокойно спим». С другой стороны, здесь нет лишнего шума: Лондон – самый тихий из городов, а способы передвижения по городу превосходны и дешевы. Индустрия его эффективна, хотя и не художественна.

После большого пожара Рен¹¹⁵ составил план нового центра Лондона. Грандиозный собор, расположенный в удобном месте и открытый Темзе, должен был стать центром ансамбля. Три больших бульвара начинаются к западу от собора Св. Павла и идут параллельно реке. Каждый шириной в 150 футов рядом с собором, они сужаются по мере погружения в глубину города, каждые полмили или около того должна была стоять приходская церковь в центре

¹¹² Джеймс Энтони Фруд (1818—1894) – английский историк, душеприказчик Томаса Карлайла и его первый биограф..

¹¹³ Скорее всего, автор ошибся с названием отеля. «Гросвенор» был открыт в 1929 г.

¹¹⁴ Онслоу-Гарденс – элитный район в Вест-Энде Лондона.

¹¹⁵ Кристофер Рен (1632—1723) – английский архитектор и математик; создатель национального стиля английской архитектуры (реновский классицизм).

небольшого сквера каждая. Набережная, Стрэнд и Оксфорд-стрит предполагалось расстраивать по особым высокохудожественным проектам... Да не тут-то было!

Хозяева города предпочитали строить так, как строили их отцы – без плана или художественных замыслов. И вот он, плачевный результат: узкие извилистые улочки в центре города. В сердце столицы – ни мысли, ни души. Лондон – самая ничтожная из великих столиц, разве что за единственным исключением – Берлин еще уродливей. Да, если бы англичане исполнили замысел Рена, Лондон легко мог бы стать самым красивым городом мира.

Я вернулся в «Гросвенор», раздумывая, стоит ли мне ехать в Салкомб или пока попытаться найти себе работу в Лондоне. Несчастный случай разрешил мои сомнения. После обеда я пошел в курительную комнату. Там мое внимание привлекли два джентльмена. День был хмурый, и они коротали время, делая ставки на мух, ползавших по оконным стеклам. Я слышал, как тот, что постарше сказал:

– Ставлю пять тысяч фунтов, что эта поднимется выше за две минуты.

Тот, что помоложе, парировал:

– Спорим, что моя красотка достигнет вершины первой.

Молодой человек был изрядно пьян, и вскоре я заметил, что старший товарищ явно морочит ему голову, делая разом ставки на три или даже четыре мухи. Я стал наблюдать и вскоре понял, что старший обманывает младшего. Внезапно, к моему удивлению, после короткого спора старший сказал:

– Значит, ты должен мне десять тысяч фунтов. Вполне достаточно для такой идиотской игры.

Молодой человек взял себя в руки и заметил со всей серьезностью пьяного человека:

– Пять тысяч, Джеральд, самое большее пять тысяч! Ты зря рассчитывал на мой проигрыш.

– О да, – ответил шулер. – Разве ты не помнишь? В самом начале, когда я задолжал тебе пару тысяч.

– Ты чертовски умен, Джеральд, – пробормотал молодой с сомнением, а затем, внезапно приняв решение, добавил: – Сегодня вечером я дам тебе расписку.

Приятель кивнул:

– Хорошо, старина!

Когда они вышли из курительной, я подозвал официанта и спросил:

– Кто эти джентльмены?

– Молодой, сэр, лорд К..., сын графа Д... Другого, кажется, зовут Костелло. Лорд К., сэр, редко так напивается.

Не знаю почему, но лорд К... произвел на меня приятное впечатление, и я решил рассказать ему, как мухлевал его визави. Ведь в действительности выиграл лорд К... и это ему должны злосчастные пятьсот фунтов.

Поэтому я тут же сел за стол, написал точный отчет о ходе игры и отправил письмо на квартиру лорда К...

Следующим утром я получил от него записку, в которой лорд тепло благодарил меня и просил о встрече в той же курительной комнате. Мы встретились, и я нашел его удивительно щедрым, готовым даже сделать всё возможное для так называемого друга, который явно обманул его. Я возмутился и посоветовал ему отправить моё письмо тому самому приятелю, поскольку готов был настаивать на каждом своем слове.

– Очень любезно с вашей стороны. Я вам верю, – улыбнулся лорд К. – Я так и сделаю. Вы ещё долго будете в Лондоне? Хотел бы пригласить вас на обед.

Я согласился и во время беседы сказал, что намерен съездить в Салкомб повидаться с Фрудом. Он знал Салкомб и с восхищением рассказал о красотах Девонского побережья, да и всего графства.

– Непременно поезжайте, – советовал он. – Это наилучшая возможность познакомиться с красотой английской природы.

Я с сожалением пожал плечами:

– Я не настолько богат, чтобы предаваться такому времяпрепровождению. Мне надо найти работу.

Утром меня вызвали в вестибюль гостиницы. Там меня поджидал грум с посланием от лорда К... У крыльца стоял догкар¹¹⁶, запряженный крепенькой лошадкой. Лорд буквально умолял меня принять догкар и лошадь и съездить в Салкомб. «Мой грум, – писал он, – знает каждый фут пути. Он будет сопровождать вас. Вы оказали мне очень важную услугу. Надеюсь, вы позволите мне в свою очередь оказать услугу вам. Только об одном прошу – нигде и никогда не упоминайте об истории с мухами». По прошествии сорока лет рассказать об этом не зазорно.

На следующий день, поблагодарив лорда К... за его великолепный подарок, я отправился в Салкомб и примерно через две недели навестил мистера Фруда в его доме на утесе близ залива. Меня провели в симпатично обустроенную комнату, и я через слугу передал Фруду рекомендацию от Карлайла. Через несколько минут вошел сам Фруд с письмом в руке. Он был высок и худощав, с аскетической внешностью сухаря-учёного.

– Необычное послание, – начал он. – Знаете, что написал Карлайл?

– Нет, не знаю, – ответил я. – Я сунул рекомендацию в карман и более не доставал. Не сомневаюсь, что Карлайл дал мне справедливую оценку.

– Удивительно, – прервал меня Фруд. – Карлайл просит меня помочь вам в ваших литературных опытах. Пишет, что «ожидает от вас более значительных вещей, чем от кого-либо еще за исключением Эмерсона». Я был бы очень горд, если бы нечто подобное он сказал обо мне. Присаживайтесь, пожалуйста, и расскажите о вашей с ним встрече. Я всегда считал Карлайла величайшим человеком нашего времени.

И его серые глаза внимательно посмотрели на меня.

– Он был моим героем, – начал я, – с тех пор, как я впервые прочитал его «Теперь и прежде» и «Герои и героическое в истории». Поклонение перед героям-ковбоями в Америке.

– Ковбой! – повторил Фруд, словно пораженный.

– По совету Карлайла, – продолжал я, – я четыре года учился в немецких университетах, а закончил обучение в Афинах.

– Как интересно, – сказал Фруд, явно даже не подозревавший, что истинные приключения случаются преимущественно с авантюристами.

Мы проговорили час или больше, но когда он пригласил меня на ленч, я сказал, что уже договорился вернуться в ближайший город и пообедать с другом. Тогда Фруд заверил меня, что вернется в Лондон через две недели или около того, непременно даст обед, где познакомит меня с Ченери¹¹⁷, редактором «Таймс», и другими важными в литературе особами. Одним словом, сделает всё возможное, чтобы выполнить пожелание Карлайла. Я, конечно, тепло поблагодарил его, заявив, что не хочу лишний раз его беспокоить. Фруд же, наоборот, выразил желание познакомиться с моими работами. Тогда я предложил ему небольшой блокнотик в переплете, где заранее с великой тщательностью старательно записал несколько десятков своих стихотворений, главным образом сонетов.

Немного позже мы пожали друг другу руки, и я вернулся в гостиницу. На следующее утро я уехал в Лондон, но другой дорогой. Страна мне очень понравилась. Она была такой опрятной и ухоженной... И всё же я не увидел ничего впечатляющего, чего-то подобного Кат-

¹¹⁶ Догкар – высокий двухколёсный экипаж с местом для собак под сиденьями.

¹¹⁷ Томас Уильям Ченери (1826—1884) – учёный-филолог, многолетний редактор и ведущий публицист газеты «Таймс».

скильским горам¹¹⁸ или завораживающим красотой пейзажам Восточной Франции, не говоря уже о Скалистых горах!

Едва я покинул Фруда, как понял, что буду настоящим глупцом, если доверюсь его обещаниям. «Даже не надейся, – повторял я про себя, – если он всё же поможет, тем лучше. А если нет, то и Бог с ним».

У меня всё ещё оставалась пара сотен фунтов на черный день. Добравшись до Лондона, я отправил грума с повозкой и лошадей обратно к лорду К., поблагодарив его за превосходный отдых и прекрасную поездку. В тот же день я снял комнаты рядом с Британским музеем за фунт или около того в неделю, переехал туда и распаковал вещи. Сотрудников отеля «Гросвенор» я предупредил, что буду звонить раз в неделю и узнавать, не пришло ли письмо на мое имя.

Через пару дней я увидел в одной из газет что-то о Джоне Морли¹¹⁹ и «Двухнедельном обозрении». Автор публикации назвал журнал «самым литературным из всех аналогичных». Я записал координаты издания и, не теряя зря времени, позвонил туда. К моему удивлению, офис издателя оказался чем-то вроде магазина при издательстве «Чэпмен и Холл»¹²⁰. Клерк за стойкой сказал мне, что мистер Чэпмен¹²¹ обычно приходит около одиннадцати, и предложил мне подождать его. Я с готовностью согласился, присел и стал ждать.

Примерно в половине одиннадцатого вошел мистер Чэпмен, хорошо сложенный мужчина ростом около пяти футов десяти дюймов, в расцвете лет, с редкими волосами и склонностью к полноте. Я встал, как только услышал его имя, и сказал:

– Я хотел бы переговорить с вами. Не уделите ли мне несколько минут?

Мистер Чэпмен пригласил меня в свой кабинет на втором этаже, и я рассказал ему о своем визите к Фруду и о рекомендации Карлайла. Он, казалось, был весьма впечатлен рассказом, сожалел, что не может предложить работу в издательстве... Когда я заговорил о месте в «Двухнедельном обозрении», мистер Чэпмен задумался, а потом посоветовал мне вернуться во второй половине дня: он хотел переговорить с мистером Эскортом¹²², который тогда исполнял обязанности редактора вместо мистера Джона Морли.

Я вернулся в четыре часа, и Чэпмен представил меня Эскорту. Это был симпатичный, представительный мужчина. Он поинтересовался, когда и как я познакомился с Карлайлом и что сказал мне Фруд. Под конец он наотрез отказал мне в месте.

– Мне нечего вам предложить, извините, – коротко бросил Эскорт.

– Даже переводы с других языков? – спросил я.

– Мы редко публикуем переводы, – ответил он. – Но я буду иметь вас в виду!

– Зачем же. Позвольте приходить в издательство каждый день, чтобы постоянно быть у вас рукой. Вдруг понадобится прочитать корректуру, проверить статью или что-нибудь еще.

– Как вам будет угодно, – грубо отрезал Эскорт, пожимая плечами, и раздраженно отвернулся.

С того дня я каждое утро сидел в магазине и поджидал Чэпмена. Он быстро привык ко мне и принимал мой поклон со смущенным видом. Эскорт обычно сразу поднимался в свой кабинет на втором этаже, делая вид, что не заметил мою особу. Примерно через неделю Чэпмен пригласил меня и вежливо сказал, что теперь я наверняка убедился, что мне здесь не на что рассчитывать. Не лучше ли поискать работу в другом месте? Я был уверен, что владелец

¹¹⁸ Катскильские горы – горный хребет в северных Аппалачах, в юго-восточной части штата Нью-Йорк.

¹¹⁹ Джон Морли (*John Morley*), 1-й виконт Морли Брэкбёрн (1838—1923) – английский историк, либерал, номинант на Нобелевскую премию по литературе, министр по делам Ирландии, затем по делам Индии. Редактор одного из самых влиятельных журналов Великобритании в к. XIX – н. XX вв. «Двухнедельное обозрение».

¹²⁰ *Chapman & Hall* – одно из старейших (с 1834 г.) издательств Великобритании. В нём начинали и сотрудничали с ним всю творческую жизнь Ч. Диккенс, У. Теккерей, Т. Карлайл, Э. Бульвер-Литтон, И. Во и др. классики мировой литературы.

¹²¹ Эдвард Чэпмен (1804—1880) – британский издатель.

¹²² Томас Хэй Свит Эскорт (1844 – 1924) – журналист и редактор, близкий друг Уилки Коллинза.

издательства передает мне желание Эскорта, а потому выразил надежду, что не беспокою его своим присутствием. Не сомневаюсь, что скоро у меня будет постоянная работа. Я непременно сообщу мистеру Чэпмену об этом. А до того я надеюсь, что никто не будет возражать против моего присутствия здесь.

– Нет, нет! – поспешил согласиться мистер Чэпмен. – Я лишь беспокоюсь о вас.

На это я улыбнулся и на следующее утро снова был на своем месте.

Тем временем я прилаживал другую тетиву к своему луку – во время поездки по железной дороге познакомился с А.Р. Ключэром, ныне судьей окружного суда. Подружились мы почти сразу благодаря сходству вкусов и интересов. Ключэр был служителем-мирянином в церкви.

Однажды он спросил, почему я не пытаюсь получить работу в редакции «Зрителя»¹²³, и посоветовал попросить Эскорта представить меня шеф-редактору издания Р.Х. Хаттону¹²⁴. Я не стал просить Эскорта о какой-либо услуге. Тогда Ключэр сам отвел меня в редакцию «Зрителя». Вошел я сам, приятель остался на улице.

– Я хотел бы переговорить с мистером Хаттоном, – обратился я к клерку.

– Вам назначено?

– Нет. – Я положил на столик перед клерком соверен. – Скажите, где сейчас мистер Хаттон, и этот фунт ваш.

– Здесь, на втором этаже, – торопливо прошептал клерк. – Только не выдайте меня.

– Нет, нет. Я тихонько поднимусь наверх, а ты меня даже не заметишь.

На второй этаж я поднялся с улицы по боковой лестнице. Постучал в дверь. Тишина. Постучал снова, погромче.

– Войдите! – пригласили меня.

И я вошел.

За столом спиной ко мне сидел крупный мужчина и читал корректуру. Был он очень близорук, потому что почти касался рукописи носом. Несколько мгновений я молча осматривал кабинет, по стенам заставленный книжными шкапами. Затем громко кашлянул. От неожиданности здоровяк уронил очки на стол и сразу повернулся ко мне.

– Боже милостивый! – воскликнул он. – Кто вы? Как вы сюда попали?

– Имя мое вам ничего не скажет, мистер Хаттон. Я хочу работать для вашего журнала.

– У нас достаточно своих авторов, – буркнул редактор.

– Предположим, что я смогу написать лучше других. Уверяю, сотрудничество со мною в ваших интересах.

– О, Боже! – воскликнул Хаттон. – Вы полагаете, что можете писать лучше любого из нас?

– Нет, нет, – поправил я, – но есть некоторые темы, в которых я разбираюсь лучше любого англичанина. Вы будете судьей. Первые десять строк моей статьи скажут вам, болен ли я тщеславием или действительно стою того, чтобы сделать меня автором «Зрителя».

– Хорошо. Давайте попробуем, – неожиданно согласился Хаттон. – Вы что-нибудь знаете о России?

– Я работал в штабе генерала Скобелева в Плевне.

– Боже мой! – удивился он. – Вот книга о России и войне. Она может вас заинтересовать. – И Хаттон протянул мне фолиант. – У вас есть какое-нибудь представление о Соединенных Штатах? – продолжал он, подбирая следующую книгу.

– Там я учился в университете, являюсь членом американской коллегии адвокатов, занимаюсь юридической практикой.

¹²³ «Зритель» – еженедельный британский журнал о политике, культуре и текущих событиях.

¹²⁴ Ричард Холт Хаттон (1826—1897) – английский литературный и религиозный журналист.

– В самом деле? – Он чуть ли не плакал. – Вот книга Фримана¹²⁵ об Америке. Она может вас позабавить. Не бойтесь написать правду, – продолжал он, – если будете с ним не согласны, так и скажите об этом!

– Большое спасибо, – ответил я. – Очень вам обязан. Шанс показать, на что я способен, – это все, что мне сейчас требуется.

И я вышел прочь, но не раньше, чем уловил доброжелательный блеск в пристальных глазах Ричарда Холт Хаттона. Он действительно был джентльменом, который напускал на себя суровую личину, чтобы замаскировать или, возможно, защитить свою истинную мягкую натуру.

Спустившись вниз, я молча показал клерку книги в доказательство того, что он не проштрафился и наказан не будет.

Когда Ключер увидел книги и услышал о моей встрече с Хаттоном, он воскликнул:

– Не знаю, как вам это удалось. Я был первым студентом в Оксфорде, написал Хаттону, но даже не смог его увидеть. Как вам это удалось?

Под обещание хранить все в тайне я рассказал ему эту забавную историю, а затем мы поговорили о выданных мне книгах и о том, что буду писать.

По совету Ключера я сразу же приступил к работе. Много дней прошло с тех пор, как я вернулся в Англию. В Лондоне еще не было ни малейшего намека на успех, даже проблеска надежды не было. Что мне оставалось делать? Нет, я обязан был победить и как можно скорее!

Чтобы завоевать расположение Р.Х. Хаттона, мне следовало для начала ближе познакомиться с ним. А потому на следующее утро я отправился в библиотеку Британского музея и заказал все его книги. Мне выдали более дюжины увесистых томов, и я провел несколько дней за их чтением. Под конец я уверил себя, что распознал душу редактора. Это была очень маленькая сущность, кротко-благочестивый дух, глубоко религиозный. «Ему понравится, если похвалить Фримана, – сказал я себе. – Однако он знает, что Фриман груб, самоуверен и агрессивен. Но, похвалив епископа, я дам Хаттону только то, чего он так хочет».

Дома, после прочтения Фримана, я с большой осторожностью написал о нем честную статью, признав при этом про себя, что в действительности он был высокомерным, напыщенным педантом, который принял знание за мудрость. В конце я отметил, что «как Мальбранш¹²⁶ видел всё в Боге, так и мистер Фриман видит всё в толстом, широкоплечем, агрессивном тевтоне».

В первую неделю моего пребывания в Лондоне у меня появился еще один друг, который сослужил мне хорошую службу. Это был преподобный Джон Вершойл, в то время викарий в англиканской церкви на Мэрилебон-роуд. Не помню, как с ним познакомился, но вскоре я обнаружил в нем один из самых выдающихся литературных талантов того времени, в особенности дар к поэзии, почти сравнимый с даром Суинберна. Вершойл был из хорошей ирландской семьи и переехал из Тринити-колледжа в Кембридж, где в семнадцать лет написал на греческом свои первые стихи для ежегодника, издававшегося университетом. Его поэзия на английском языке тоже виделась мне чудесной – лирический дар высочайшего уровня. Хотя Вершойл был всего на дюйм или около того выше меня, он был на пятьдесят дюймов шире в груди и невероятно силен. Я прозвал его линейным боевым кораблем, сокращенным до фрегата. Он был красив, с высоким лбом, хорошими чертами лица и длинными золотистыми усами. Из всех мужчин, которых я встречал в своей жизни, именно его большинство людей признали бы способным на великие дела, по крайней мере, в литературе. Однако Вершойл только подавал надежды, он безвременно умер в расцвете сил.

¹²⁵ Джордж У. Фриман (1789—1858) – представитель Епископальной церкви, епископ Арканзаса и временный епископ Техаса.

¹²⁶ Никола Мальбранш (1638—1715) – французский философ-метафизик, католический священник.

Приятель зашел ко мне как раз тогда, когда я закончил писать первый обзор для «Зрителя». Естественно, я дал ему почитать рукопись. Вершойл был знаком с трудами Хаттона. «Высокопоставленный церковник, – называл он редактора, – который чрезвычайно восхищается Ньюманом¹²⁷».

Вершойл с ходу заявил, что Хаттон непременно возьмет статью о России: это было так ново – я утверждал, что в закостенелой России скоро должны проявиться признаки революционного духа.

– Мне необходимы ваши советы, – настаивал я. – Пожалуйста, укажите на любые недостатки. В немецком я разбираюсь в совершенстве, в английском же весьма слаб.

Он улыбнулся.

– Вот предложение, которое подтверждает ваши слова. Есть ещё одно...

По ходу того, как он редактировал мой обзор, я получил лучший урок английского языка, чем когда-либо еще. С того дня в течение пяти лет Библия и «Гулливвер» Джонатана Свифта не покидали ночной столик у моей постели. За все эти годы я не открыл ни одной немецкой книги, даже моих любимых Гейне или Шопенгауэра. Мне потребовались годы, чтобы выучить немецкий язык, однако вдвое больше времени понадобилось мне, чтобы очистить свой мозг от его следов. Ни один писатель никогда не должен пытаться овладеть двумя языками.

Короче, я написал, а если быть точным – переписал два небольших эссе о прочитанных книгах и отослал их Хаттону. На следующий день я вернулся на свой пост у Чэпмена, и когда сообщил ему, что намерен работать в «Зрителе», он рассмеялся и сказал, что он в восторге от такой шутки. Через день или два он позвал меня и дал мне пару книг, о которых он пожелал узнать мое мнение.

– Мередит¹²⁸ – наш читчик новенького, – сказал Хаттон. – Но ему часто требуются недели, чтобы высказать свое мнение. Я же хотел бы узнать об этих книгах как можно скорее.

Мой шанс пришел. Я поблагодарил его, удалился домой и сразу же засел за чтение книг. За этой работой я провёл весь вечер и большую часть ночи. Утром показал готовый отзыв Вершойлу, который тогда же отметил значительное улучшение моего английского.

– Короткие предложения задают верную ноту, – заметил он, – но вы не должны злоупотреблять ими, привыкая к нескольким шаблонным выражениям. В отзывах необходимо разнообразие мыслей и чувств.

Я поблагодарил своего друга и отнес отзывы Чэпмену. Он был очень впечатлен.

– Я думал, вам потребуется на это минимум неделя, – сказал он. – Не хотел вас так торопить.

– Ничего страшного, – ответил я. – В целом книги интересные, но одну вы могли бы опубликовать с некоторыми изменениями. Другая – детская.

– Согласен, – кивнул он. – Пройдите в кассу и получите гонорар в две гиней.

– Нет, нет, – воскликнул я. – Я в большом долгу перед вами за то, что позволил себе беспокоить вас. Пожалуйста, обращайтесь ко мне, когда понадобится подобная мелочь. Я буду только рад быть полезным.

Чэпмен улыбнулся самым сердечным образом, и с этого дня я читал книги каждую неделю, и почти каждый день он спрашивал мое мнение по тому или иному литературному вопросу. Должно быть, он похвалил меня перед Эскортом, потому что однажды тот пригласил меня к себе в кабинет и попросил прочитать статью на немецком языке и написать свой отзыв.

– Мне её перевести?

– Только если вы найдете ее достойной внимания, – ответил он.

¹²⁷ Джон Генри Ньюман (1801—1890) – английский католический кардинал, богослов, ученый-евангелист, поэт.

¹²⁸ Джордж Мередит (1828—1909) – выдающийся английский писатель викторианской эпохи; автор цикла романов под общим названием «Эгоист».

На следующий день отзыв был готов.

Немного позже Эскорт дал мне перевести итальянскую статью, а вскоре после этого, жалуясь, что работа отнимает у него много времени, он дал мне половину двухнедельной правки и, когда убедился, что я работаю с предельной тщательностью и быстротой, предложил мне разместиться в его кабинете. Вскоре я уже ежедневно исполнял обязанности его секретаря и фактотума¹²⁹.

Назойливость, которая в Библии победила Бога, принесла мне удачу в Лондоне. Прошел месяц с тех пор, как я вернулся из Салкомба, от Фруда не было никаких вестей. Еще более странным представлялось молчание редакции «Зрителя». Я преисполнился терпения и ждал.

С Вершойлом мы виделись каждый день и однажды крепко поспорили. Мы обсуждали отрывок из моей двухнедельной статьи, когда он сказал:

– Эти наши пролюзии¹³⁰, бесспорно, интересны. Но они не ведут ни к какой цели.

– Самосовершенствование – лучшая цель, – ответил я. – Но я на дух не переношу ваше словечко «пролюзия». По сути оно верное, однако слишком педантичное.

– Точное слово редко бывает педантичным, – парировал Вершойл. – Почему не «пролог», а «подготовительное упражнение»?

– Не знаю. Но я хочу, чтобы люди меня понимали. Ваша «пролюзия» – какая-то заумь!

Вершойл пожал широкими плечами в явном несогласии.

В те дни именно он впервые познакомил меня с современной английской поэзией и с рядом ныне живущих английских поэтов, в частности, с доктором Уэстлендом Марстоном¹³¹ и его слепым сыном Филиппом. Они жили на Юстон-роуд и, хотя теперь были бедны, прежде, по-видимому, жили в достатке и дружили со всеми известными литераторами.

Вершойл сказал мне, что у Филиппа Марстона была самая несчастная жизнь. Он был помолвлен с очень хорошенькой девушкой, Мэри Несбит. Она была родной младшей сестрой детской писательницы Эдит Несбит¹³², супруги Губерта Бланда¹³³. Однажды утром Мэри ушла в спальню, чтобы вздремнуть. Родные нашли ее в постели мертвой. Шок от случившегося чуть не убил беднягу Филиппа.

Пару лет спустя его лучший друг Оливер Мэдокс Браун¹³⁴ умер почти так же внезапно. Три или четыре года спустя его сестра Сесили, которая была вполне здорова накануне, утром была найдена мертвой в своей постели. Другая его сестра, Элеонора, умерла в следующем, 1879 году, а его самый близкий друг и коллега – поэт Артур О'Шонесси¹³⁵ – примерно два года спустя. А в 1882 году Джеймс Томсон¹³⁶, автор «Города страшной ночи», был схвачен с припадком безумия в доме Филиппа и доставлен в больницу, чтобы умереть там. В том же году его кумир и друг Россетти¹³⁷ умер в Бирчингтоне...

Казалось, что судьба выбрала Марстона-младшего для наказания, и поэтому меня охватил страх, поскольку несчастье часто преследует одаренных смертных, в то время как удача избегает их. Филипп Марстон был хорош собой, с тонким лбом и каштановыми волосами; его

¹²⁹ Фактотум – доверенное лицо, выполняющее различные поручения.

¹³⁰ Пролузия – предварительная попытка, проба сил.

¹³¹ Джон Уэстленд Марстон (1819—1890) – английский драматург викторианской эпохи.

¹³² Эдит Несбит (1858—1924) – писательница, одна из основательней Фабианского общества, предтечи лейбористской партии Великобритании.

¹³³ Губерт Бланд (1855—1914) – журналист и писатель, один из основателей Фабианского общества. Прослыл чуть ли не самым распутным журналистом в истории Великобритании.

¹³⁴ Оливер Мэдокс Браун (1855—1874) – поэт, рано умерший от заражения крови.

¹³⁵ Артур Уильям Эдгар О'Шонесси (14 марта 1844 – 30 января 1881) – британский поэт и герпетолог.

¹³⁶ Джеймс Томсон (1834—1882) – английский поэт.

¹³⁷ Данте Габриэль Россетти (1828—1882) – английский поэт, переводчик, живописец и график; один из основателей Братства прерафаэлитов; объект всеобщего поклонения и подражания для британской молодежи.

глаза казались вполне здоровыми и очень выразительными. Не знаю почему, но я почти сразу согласился с оценкой Вершойла, что Фил Марстон был одним из самых милых и бескорыстных людей. Мы провели вместе весь день, и перед отъездом Филипп попросил меня приехать, когда пожелаю.

Через день или два я позвонил ему, и мы провели несколько часов за дружеской беседой. Филипп признался, что привязался ко мне, потому что я был почти так же безнадежен, как и он.

– Вершойл, – продолжал Марстон-младший, – озадачивает меня своим христианским фанатизмом. Я не верю в Бога и не могу понять, как кто-то может сохранять какую-либо веру в бессмертие души, какой бы слабой она ни была. И я чувствую, что вы согласны со мной. Впереди у каждого вечная ночь! – Он склонил голову и сказал с невыразимой печалью: – Умереть! Всё кончено, как говорит Браунинг. Для живущих тоже нет никакой надежды, никакой.

– Вот в этом я как раз и не уверен, – перебил я. – На мой взгляд, мудрейшие из людей всегда самые добрые. Из этого факта я черпаю надежду, что в будущем, мало-помалу, мы, смертные, сможем достичь любящей доброты к каждому рожденному, и таким путем превратим земную юдоль в благоуханный путь истинных наслаждений.

– Чем слаще вы сотворите этот путь, – возразил он, – тем горше будет покинуть этот мир.

– Вы уверены? – спросил я. – Конечно, преисполненные любви к жизни, мы сможем принять смерть так же, как сейчас выходим из-за стола после сытного чревоугодия. Милая Эми Леви¹³⁸ прекрасно выразила эту мысль, хотя сама она была так же безнадежна, как и вы:

...

Тайна нашего бытия, кто может ее открыть?

Хвала богам, а Судьба – не моя проблема.

Зло я вижу и боль. В моем сердце никто

Не сулит гласом тихим: – Всё славно...

И всё же, как прекрасны вы, летние дни,

Как милы вы – росточки людской доброты.

...

– Прекрасно, прекрасно, – произнес Филипп, когда я закончил свой монолог. – Надеюсь, этот спич не уведёт нас далеко от темы, не так ли?

Утешить Филиппа Марстона не было никакой возможности: боль окутала его, как некое незримое одеяние, жалость его к другим страдальцам и сочувствие к человеческому горю были неисчерпаемы. Чуть позже он подарил мне томик своих стихов.

– Я тоже писал о вечности сна, – сказал он.

В сборнике я нашел сонет, который Марстон-младший посвятил своей любимой Мэри Несбит. Мне он представляется одной из самых искренних и благородных английских элегий, хотя и пропитан неизбывной грустью.

Примерно в это же время я познакомился с мисс Мэри Робинсон и ее сестрой, но по той или иной причине мы не очень ладили. Однажды она обидно посмеялась надо мной. Возможно, я был тогда слишком молод, чтобы понять остроумие этой женщины. Вскоре она вышла замуж за французского профессора и уехала жить в Париж, я потерял ее из виду; но время от времени почему-то сожалел, что не узнал ее ближе.

Насколько припоминаю, с Робинсонами меня познакомил Фрэнсис Адамс¹³⁹, автор «Песен армии ночи». Позже я расскажу о нем, но сейчас необходимо признать, что Вершойл и Марстоны, Эми Леви, мисс Робинсон и Фрэнсис Адамс – все они позволили мне осознать,

¹³⁸ Эми Джудит Леви (1861—1889) – британская эссеистка, поэтесса и романистка. Покончила с собой по причине депрессии.

¹³⁹ Фрэнсис Уильям Лаудердейл Адамс (1862—1893) – англо-австралийский писатель, поэт и журналист. Покончил жизнь самоубийством – застрелился на глазах жены.

что Лондон тех лет, да и во все времена, был и остается мирком певчих птиц, переполненный действительно талантливыми и выдающимися мужчинами и женщинами, посвятившими свою жизнь поэзии как самому благородному из всех искусств.

Моя главная ошибка (в жизни и как критика) заключается в том, что я всегда был поклонником великих людей и никогда особо не заботился о тех, кто потерпел неудачу и остался в тени истории. Марстон-младший заинтересовал меня, как и Эми Леви, пафосом их несчастной судьбы и неизмеримыми страданиями. Значительно позже я понял, что их поэтические достижения, если не самые высокие, но все равно имели подлинную ценность и имели чрезвычайную важность для общества.

После его безвременной кончины 14 февраля 1887 года люди говорили о пристрастии бедного Марстона-младшего к выпивке и о том, как он просиживал ночи напролет и глупо хихикал! Злобствующие люди не могли простить даже слепых за попытку превратить ночь в день! Если выпивка заглушает грустные, одинокие мысли, почему бы не выпить? Я благодарю дорогого Фила Марстона за часы интереснейшего общения и изысканного, всеобъемлющего сочувствия. Англия никогда не забудет его благородную поэзию.

Примерно тогда же однажды утром я получил письмо, которое меня весьма удивило. Мое имя на конверте было написано столь мелкими буквами, что я едва мог его прочесть. Но когда я вскрыл конверт, оттуда выпали две гранки от «Зрителя». Письмо было от Хаттона!

«Вы правы, – писал он, – ваши отзывы подтверждают ваш талант. Отзыв о книге Фримана – настоящая жемчужина. Отзыв о русской книге спорен и провоцирует дискуссию. Посылаю вам гранки обоих и буду рад встретиться с вами лично. Надеюсь, мы продолжим наше сотрудничество. Искренне ваш, Р.Х. Хаттон».

Итак, последние преграды рухнули! Некоторое время я сидел, как в зачарованный, затем постарался прочитать гранки так, будто их написал сторонний человек. Отзыв о русской книге, безусловно, был написан лучше. Но именно рецензия на книгу Фримана, предназначенная непосредственно Хаттону, принесла мне выигрыш. Об этом стоило поразмышлять.

Когда я читал свои отзывы, заметил небольшие шероховатости и решил их исправить. Правленные варианты я намеревался показать Вершойлу.

В полдень того же дня мне принесли письмо от Фруда, в котором он извинялся за свое долгое молчание. Он намеревался дать обед в мою честь, по причине чего вынужден был повременить: Фруд хотел пригласить несколько влиятельных лиц, которые еще не вернулись из летних отпусков. Однако он был бы рад видеть меня у себя в любое время. Стихи мои замечательные, полагал критик. «Они доказали мне, – заключил он, – что оценка Карлайла относительно вашего таланта справедлива».

Ничто не могло быть более лестным, но мои беседы с Вершойлом и чтение стихов его и Марстона поколебали во мне веру в свои способности лирического поэта. Недавно я всё же написал один или два сонета, которые лично мне очень понравились. Воистину самомнение не умирает от одного удара.

В тот же день я отнес корректуру «Зрителя» Вершойлу, который, как ни странно, согласился с Хаттоном, что отзыв о книге Фримана был написан лучше, чем отзыв о русской книге. Он предложил только одно исправление, с которым я согласился без сопротивления. Очевидно, его критический дар в прозе был не таким уверенным, как в стихах. Или его сбили с толку сорок уже сделанных мною исправлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.